

Psychology. Journal of the Higher School of Economics

ПСИХОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

В НОМЕРЕ

Психологические
детерминанты
проэкологического поведения

•

Семейные факторы
психического здоровья
младших школьников

•

Social Resilience in Migrants'
Life Transition

•

Psychological Correlates
of Movie Preferences

Том 20, №4

2023

ISSN 1813-8918 (Print)
ISSN 2541-9226 (Online)

Том 20. № 4
2023

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)
Г.М. Бреслав (Балтийская международная академия, Латвия)

Я. Вальсинер (Ольборгский университет, Дания)
Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)

В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)
Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.Е. Лепский (ИФ РАН)
М. Линч (Рочестерский университет, США)
Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)
А.Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)
Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)
М.В. Фаликман (НИУ ВШЭ)
А.В. Хархурин (НИУ ВШЭ)

В.Д. Шадрин (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)
С.А. Щebetenko (НИУ ВШЭ)
С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (ИП РАН)
Н.А. Алмаев (ИП РАН)
В.А. Барабанищев (ИП РАН и МГППУ)

Т.Ю. Базаров (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)
А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Л. Журавлев (ИП РАН)
А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

П. Лукиано (Римский университет Ла Сапиенца, Италия)
А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)

А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)
В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.М. Розин (ИФ РАН)

И.Н. Семенов (МГППУ)
Е.А. Сергиенко (ИП РАН)
Т.Н. Ушакова (ИП РАН)

А.М. Черторилов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
П. Шмидт (Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала — это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Р.М. Байрамян*

Редакторы *Т.А. Сарыева*, *Д. Вонсбро*.

Корректура *Н.С. Самбу*

Переводы на английский *К.А. Чистопольская*,

Е.Н. Гаевская

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

101000, г. Москва, Армянский пер. 4, корп. 2.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2023 г.

Том 20. № 4
2023

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска:

Проэкологическое поведение и его психологические детерминанты в России

- Е.В. Сауткина.** Вступительное слово 621
- Е.В. Сауткина, А.А. Иванова.** Роль мотивации к защите окружающей среды в детерминации проэкологического поведения в России 623
- Д.В. Валько, А.С. Мальцева.** Негативные эмоции и поддержка климатической политики в России 643
- Т.В. Кочетова.** Особенности проэкологического дорожного поведения жителей мегаполиса в условиях риска (на примере пандемии COVID-19) 666
- А.А. Иванова, Ф. Агисова, Т.М. Шевель, Е.В. Сауткина.** Адаптация и валидизация шкалы проэкологической мотивации на российской выборке 679
- А.А. Иванова, Т.М. Шевель, Ф. Агисова, Н.А. Патракова.** Шкала экологической обеспокоенности У. Шульца: адаптация и валидизация 699

Статьи

- А.С. Белорусец.** Узел развития: от М.К. Мамардашвили к Л.С. Выготскому. Опыт персонологической компаративистики 718
- А.Ю. Калугин, С.А. Щebetенко, А.М. Мишкевич, У.Е. Сиротина, Ю.С. Витко.** Сравнительный анализ нового словаря дескрипторов личности с тезаурусом личностных черт А.Г. Шмелева 740
- Е.А. Козлова, Е.Н. Петренко, А.В. Варшал, И.В. Лето, М.Е. Гришкевич, Е.В. Резун, О.С. Корниенко, Е.Р. Слободская.** Вклад семейных факторов в психическое здоровье младших школьников до и во время пандемии COVID-19 757
- О.В. Митина, Е.И. Первичко, А.Р. Чижова, Ю.Е. Колюховская.** Структура ценностей во время пандемии COVID-19 773
- А.Х. Камар.** Исследование социальной устойчивости в контексте переходного периода в жизни мигрантов: мозаика качественных методов *(на английском языке)* 796
- Т.А. Кубрак.** Психологические корреляты кинопредпочтений в ситуации пандемии COVID-19 *(на английском языке)* 814

Vol. 20. No 4
2023

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

HSE University

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE University, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada

Gershons Breslavs, Baltic International Academy, Latvia

Maria Falikman, HSE University, Russian Federation

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation, and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE University, Russian Federation

Anatoliy Kharkhurin, HSE University, Russian Federation

Dmitry Leontiev, HSE University and Lomonosov MSU, Russian Federation

Vladimir Lepskiy, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE University and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, HSE University, Russian Federation

Alexander Poddiakov, HSE University, Russian Federation

Sergei Shchebetenko, HSE University, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE University, Russian Federation

Elena Starovoytenko, HSE University, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Jaan Valsiner, Aalborg University, Denmark

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE University, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation

Takhir Bazarov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE University, Russian Federation

Alexander Chernorizov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation

Alfried Längle, HSE University, Russian Federation

Pietro Lucisano (Sapienza University of Rome, Italia)

Alexander Orlov, HSE University, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, Moscow City Pedagogical University, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, Giessen University, Germany

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *R.M. Bayramyan*

Copy editing *T.A. Sarieva, N.S. Sambu,*

D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya,*

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

4 Armyanskiy pereulok, build. 2, 101000, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE University, 2023 r.

Vol. 20. No 4
2023

PSYCHOLOGY
Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Special Theme of the Issue.

Pro-Environmental Behavior and Its Psychological Determinants in Russia

E.V. Sautkina. Editorial (<i>in Russian</i>)	621
E.V. Sautkina, A.A. Ivanova. The Role of Motivation for Environmental Protection in Predicting Pro-Environmental Behaviour in Russia (<i>in Russian</i>)	623
D.V. Valko, A.S. Maltseva. Negative Emotions and Climate Policy Support in Russia (<i>in Russian</i>)	643
T.V. Kochetova. The Specifics of Pro-Environmental Traffic Behavior of Metropolitan Residents under Risk Conditions (By the Example of the COVID-19 Pandemic) (<i>in Russian</i>)	666
A.A. Ivanova, F. Agisova, T.M. Shevel, E.V. Sautkina. Adaptation and Validation of Motivation Toward the Environment Scale (MTES) in Russia (<i>in Russian</i>)	679
A.A. Ivanova, T.M. Shevel, F. Agisova, N.A. Patrakova, W. Schultz. Environmental Concern Scale: Adaptation and Validation (<i>in Russian</i>)	699

Articles

A.S. Belorusets. Developmental Knot: From M. Mamardashvili towards L. Vygotsky. A Comparative Study in Personology (<i>in Russian</i>)	718
A.Yu. Kalugin, S.A. Shchebetenko, A.M. Mishkevich, U.E. Sirotina, Yu.S. Vitko. A Comparative Analysis of a New Dictionary of Personality Descriptors and the Shmelev's Thesaurus of Personality Traits (<i>in Russian</i>)	740
E.A. Kozlova, E.N. Petrenko, A.V. Varshal, I.V. Leto, M.E. Grishkevich, E.V. Rezun, O.S. Kornienko, H.R. Slobodskaya. The Contribution of Family Factors to the Mental Health of Primary Schoolchildren before and during the COVID-19 Pandemic (<i>in Russian</i>)	757
O.V. Mitina, E.I. Pervichko, A.R. Chizhova, Yu.E. Koniukhovskaia. The Structure of Values during the COVID-19 Pandemic (<i>in Russian</i>)	773
A.H. Qamar. Researching Social Resilience in the Context of Migrants' Life Transition: A Qualitative Methodological Mosaic	796
T.A. Kubrak. Psychological Correlates of Movie Preferences in the Situation of the COVID-19 Pandemic	814

---

*Специальная тема выпуска:
Проэкологическое поведение и его
психологические детерминанты в России*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Вниманию читателя предлагаются работы российских авторов, посвященные актуальной и достаточно новой для отечественной науки теме проэкологического поведения и его психологических детерминант. Ее актуальность определяет потребность современного общества в осуществлении экологически правильного выбора, направленного на сохранение окружающей среды и климата. В этом контексте поведение граждан нашей страны в отношении окружающей среды и объясняющие его факторы (аттитюды и мотивация, отношение к экологическим инициативам и политикам и др.) являются важными объектами научного исследования и имеют непосредственные прикладные перспективы.

Несмотря на компактность спецвыпуска, спектр включенных в него статей достаточно широк. Они посвящены разработке инструментария, изучению комплексной детерминации проэкологического поведения (англ. pro-environmental behaviour), а также исследованию его с помощью методов классического и естественного экспериментов. Статьи варьируют по степени их фундаментальности и прикладного характера. В работах рассматриваются различные виды проэкологического поведения: от ресурсосбережения и управления бытовыми отходами до транспортного и климатического поведения, направленного на снижение углеродного следа.

Идея спецвыпуска зародилась в рамках деятельности и внешних коллабораций Научно-учебной группы «Психология среды» (https://social.hse.ru/psy/environmental_psychology/) в НИУ ВШЭ и, надеемся, продолжит развиваться в будущем.

В работе Е.В. Сауткиной и А.А. Ивановой «Роль мотивации к защите окружающей среды в детерминации проэкологического поведения в России» с опорой на теорию самодетерминации Э. Диси и Р. Райана изучается роль мотивации в объяснении проэкологического поведения. Здесь впервые для психологии среды исследуется относительный вклад мотивации в присутствии других сильных предикторов проэкологического поведения: экологической обеспокоенности и связи с природой. Исследование опирается на данные опроса, проведенного на выборке из 462 человек. Результаты говорят о доминирующей роли интегрированной мотивации в детерминации проэкологического поведения, которой уступают другие формы самодетерминированной мотивации, экологические аттитюды и связь с природой.

Статья Д.В. Валько и А.С. Мальцевой «Негативные эмоции и поддержка климатической политики в России» опирается на лабораторно-экспериментальный метод. Впервые в российском контексте проведено исследование роли шести негативных эмоций в отношении изменения климата (тревога, подавленность, страх, гнев, беспомощность, вина) в поддержке мер климатической политики (финансовых, инфраструктурных, экономических, экологических, демографических и юридических). Исследование имеет рандомизированный контролируемый дизайн с общим размером выборки 246 человек. Авторы показывают, что негативные эмоции положительно связаны с поддержкой совокупности мер климатической политики, однако размер эффекта варьирует для различных мер.

В работе Т.В. Кочетовой «Особенности проэкологического дорожного поведения жителей мегаполиса в условиях риска (на примере пандемии COVID-19)» анализируются передвижения в мегаполисе в условиях пандемии: экологически благоприятные (на общественном и велотранспорте) и экологически неблагоприятные (на личном транспорте). Исследование носит эксплораторный характер и имеет корреляционный дизайн. Используются данные о предпочтениях в выборе транспорта в период «до» и «во время» ($n = 58$) пандемии и спустя 6 месяцев ($n = 29$) после снятия жестких ограничений. Результаты показывают, что во время пандемии увеличилась динамика пользования личным автомобилем и велосипедом, в то время как пользование общественным транспортом сократилось, что свидетельствует о смешанном паттерне экологичности транспортного поведения, связанного с риском заражения.

Завершают спецвыпуск две работы, вводящие в методологический аппарат российской психологии среды новый инструментарий, позволяющий изучать детерминанты проэкологического поведения в России и проводить сравнительные (например, международные, кросс-региональные) исследования. Статья «Адаптация и валидизация шкалы проэкологической мотивации на российской выборке» А.А. Ивановой, Ф. Агисовой, Т.М. Шевель и Е.В. Сауткиной посвящена изложению результатов адаптации и валидизации шкалы проэкологической мотивации (Pelletier, 1998) на российской выборке из 462 респондентов. Данная шкала подтвердила свою факторную структуру и внутреннюю согласованность подшкал, а на выборке из 56 студентов продемонстрировала тест-ретестовую конвергентную валидность. Статья А.А. Ивановой, Т.М. Шевель, Ф. Агисовой и Н.А. Патраковой «Шкала экологической обеспокоенности У. Шульца: адаптация и валидизация» посвящена конструированию экологической обеспокоенности (Schultz, 2001), измеряющему три типа обеспокоенности состоянием окружающей среды: эгоистическую (обеспокоенность экологическими проблемами из-за последствий для себя лично), альтруистическую (обеспокоенность последствиями для других людей) и биосферическую (обеспокоенность последствиями для флоры и фауны). Шкала была адаптирована авторами на основании данных трех исследований (в сумме $n = 1333$) и показала свойства, позволяющие ее рекомендовать для дальнейшего изучения детерминант проэкологического поведения.

Е.В. Сауткина

РОЛЬ МОТИВАЦИИ К ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Е.В. САУТКИНА^а, А.А. ИВАНОВА^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

The Role of Motivation for Environmental Protection in Predicting Pro-Environmental Behaviour in Russia

E. V. Sautkina^a, A. A. Ivanova^a

^a *HSE University, 20 Myasnickaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Резюме

В условиях ухудшающегося состояния окружающей среды и изменения климата важное значение приобретает изучение проэкологического поведения и его детерминант. Целью нашего исследования явилось изучение роли мотивации к защите окружающей среды в объяснении проэкологического поведения в России. Объяснительная роль мотивации рассматривалась также относительно двух других сильных предикторов проэкологического поведения: экологической обеспокоенности и связи с природой. В исследовании, имеющем корреляционный дизайн, приняли участие 462 респондента (56.7% женщины; $M_{возр.} = 36.73$, $SD = 11.77$; 56.5% имели высшее образование; 60% были жителями мегаполисов). Данные анализировались с помощью множественного регрессионного анализа и анализа доминант-

Abstract

The study of pro-environmental behaviour and its determinants is poignantly important given the current trends of environmental and climate change. We aimed to investigate the role of motivation in explaining pro-environmental behavior in Russia. In addition, the explanatory role of motivation was considered in relation to two other important predictors of pro-environmental behavior: environmental concern and connectedness to nature. The study had a cross-sectional design and involved 462 respondents (56.7% women; $M_{age} = 36.73$, $SD = 11.77$; 56.5% higher education; 60% residents of large cities). Multiple regression analysis and dominance analysis were used. Among the self-determined forms of motivation,

---

Публикация подготовлена на основании исследования «Психология среды» (проект № 21-04-058), проведенного в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University (grant № 21-04-058 «Environmental Psychology»).

ности. Среди самодетерминированных форм мотивации внутренняя и интегрированная положительно объясняли проэкологическое поведение, при этом интегрированная мотивация объясняла все его виды. Идентифицированная мотивация не была связана с поведением. Среди несамодетерминированных форм интроецированная мотивация положительно предсказывала поведение, внешняя мотивация показала смешанные результаты, амотивация была отрицательным предиктором. Пол, возраст и размер города положительно предсказывали поведение, уровень образования и уровень дохода — отрицательно. Интегрированная мотивация была доминантным предиктором для управления отходами, социальных действий и ресурсосбережения. Возраст, доход и уровень образования выступили маргинально доминантными, по сравнению с интегрированной мотивацией, предикторами эконотребления и климатического поведения (направленного на снижение углеродного следа). Внутренняя мотивация, амотивация, биосферическая обеспокоенность и связь с природой выступили важными предикторами поведения, но уступали интегрированной мотивации в доминантности.

Ключевые слова: проэкологическое поведение, мотивация к защите окружающей среды, самодетерминация, экологическая обеспокоенность, связь с природой.

Сауткина Елена Владимировна — профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук (PhD). Сфера научных интересов: психология среды, социальная психология, психология здоровья. Контакты: esautkina@hse.ru

Иванова Александра Андреевна — аспирант, стажер-исследователь, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Сфера научных интересов: социальная психология, психология среды, проэкологическое поведение, психометрика, методология исследований. Контакты: privanovalexandra@gmail.com

internal and integrated motivation positively explained pro-environmental behavior, with integrated motivation explaining all behaviour types. Identified motivation did not significantly explain behavior. Among the non-self-determined forms, introjected motivation positively predicted behavior, extrinsic motivation showed mixed results, and amotivation was a negative predictor. Gender, age, and city size predicted behavior positively, while education and income predicted it negatively. In addition, integrated motivation was the dominant predictor for waste management behaviour, social behaviour and resource conservation behaviour. Age, income, and education were marginally dominant, compared to integrated motivation, predictors of sustainable purchases and climate-relevant behaviour (aiming to reduce carbon footprint). While being important predictors, intrinsic motivation, amotivation, environmental (biospheric) concern, and connectedness to nature, were less dominant compared to integrated motivation for all behaviour types.

Keywords: pro-environmental behavior, motivation for environmental protection, self-determination, environmental concern, connectedness to nature.

Elena V. Sautkina — Professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, PhD in Psychology. Research Area: environmental psychology, social psychology, health psychology. E-mail: esautkina@hse.ru

Alexandra A. Ivanova — PhD student, Research Assistant, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University. Research Area: social psychology, environmental psychology, pro-environmental behavior, psychometrics, research methodology. E-mail: privanovalexandra@gmail.com

Срочность разрешения глобальных экологических проблем сегодня не вызывает сомнений. Эпоху в развитии человеческого общества, берущую свое начало в 1950-х гг., называют «антропоценом» (Ellis, 2011). Она характеризуется ускоряющимся воздействием человека на планету и, как следствие, ухудшением качества окружающей среды: ее загрязнением, снижением биоразнообразия, истощением ресурсов, изменением климата и другими проблемами, напрямую угрожающими безопасности существования современной цивилизации. При этом экологические проблемы являются результатом деятельности всех акторов современного общества, и имея сложный, системный характер, требуют системного решения (Chokyi Nyima, 2009; Sautkina et al., 2014; Head, Alford, 2015). Такое решение экологических проблем включает в себя принятие мер, касающихся индустрии, бизнеса, управленческой политики, экономики, образования и других сфер, а также изменение поведения граждан в отношении окружающей среды: снижение потребления, правильное управление бытовыми отходами, экономию ресурсов, выбор экологичных товаров и услуг.

Проэкологическое поведение

С начала 1990-х гг. психология среды (англ. *environmental psychology*) изучает проэкологическое поведение, которое определяется как направленное на непринесение вреда окружающей среде, принесение ей пользы и ее защиту (Steg, Vlek, 2009). Традиционно рассматриваются различные виды проэкологического поведения: ресурсосбережение (экономия электроэнергии, газа, топлива), транспортное поведение (пользование личным и общественным транспортом), экопотребление (выбор товаров, не наносящих вред экологии), управление отходами (раздельный сбор, компостирование), климатическое поведение (отказ от авиаперелетов, переход на диету без мяса и молочных продуктов и др.) (Kaiser, Wilson, 2004; Whitmarsh, O'Neill, 2010). Для того чтобы понять механизмы функционирования проэкологического поведения и определить способы его изменения, изучаются его детерминанты: социально-психологические, личностные и когнитивные (Gifford, Nilsson, 2014; Сауткина и др., 2022).

Мотивация к защите окружающей среды

Мотивация является одной из главных движущих сил, направляющих поведение (American Psychological Association, 2015), и играет важную роль в объяснении проэкологического поведения (Александрова, 2021; Pelletier et al., 1998; van der Linden, 2015; Kaplan, Madjar, 2015; Aitken et al., 2016; Graves et al., 2019; Sharpe et al., 2021; Gauthier et al., 2022). Теория самодетерминации разделяет мотивацию на три основных вида: внутреннюю, внешнюю и амотивацию (Deci, Ryan, 1985, 1991). Эти виды мотивации располагаются на континууме и формируют шесть ее типов: на наиболее высоком уровне самодетерминации и, соответственно, свободы воли, подлинного интереса и

удовлетворения находится внутренняя мотивация. Ниже располагается интегрированная мотивация, для которой характерны согласованность со своим Я и осознанность. Далее следует идентифицированная мотивация, которую лишь отчасти можно отнести к внутренней форме, — она характеризуется личной важностью цели и осознанным приписыванием ей ценности. Интроецированная мотивация является отчасти внешней и характеризуется самоконтролем и необходимостью во внутреннем подкреплении. Внешняя мотивация характеризуется подчинением и необходимостью во внешнем подкреплении. И наконец, амотивация характеризуется потерей личного контроля, отсутствием воспринимаемой ценности действия, ненамеренностью и некомпетентностью (Ryan, Deci, 2000).

На основании теории Э. Диси и Р. Райана была разработана шкала мотивации к защите окружающей среды (Motivation Toward the Environment Scale), неоднократно применявшаяся в зарубежных исследованиях (Pelletier et al., 1998). Результаты одного из первых исследований показали, что интегрированная и, в меньшей степени, идентифицированная и внутренняя формы мотивации положительно связаны с проэкологическим поведением, в то время как амотивация и внешняя мотивация — отрицательно (Ibid.). В другом исследовании выяснилось, что автономные формы экологической мотивации (внутренняя, интегрированная и идентифицированная) сильно положительно связаны с проэкологическим поведением, а контролируемые формы мотивации (интроецированная и внешняя) связаны слабо положительно с проэкологическим поведением, в то время как амотивация связана с ним отрицательно (Lavergne et al., 2010). Установлено, что самодетерминированные формы мотивации (идентифицированная, интегрированная и внутренняя) положительно связаны с природосберегающим поведением, а несамодетерминированные (интроецированная, внешняя, амотивация) — отрицательно (Baxter, Pelletier, 2020). Также показано, что самодетерминированная мотивация предсказывает проэкологическое поведение положительно, в то время как несамодетерминированная предсказывает поведение, наносящее вред окружающей среде (Gauthier et al., 2022). В настоящем исследовании мы изучаем то, как эти формы мотивации предсказывают проэкологическое поведение в России.

Экологическая обеспокоенность

В ответ на рост экологической осознанности, наблюдаемой в обществе с 1970-х гг., социальные науки заинтересовались изучением экологических аттитюдов. Экологическая обеспокоенность (environmental concern) представляет собой совокупность аттитюдов в отношении состояния окружающей среды, отражающую нашу оценку важности экологических проблем (Fransson, Gärling, 1999; Dunlap, Jones, 2002; Berenguer et al., 2005). Выделяют различные аспекты экологической обеспокоенности: аффективный, когнитивный и конативный (Weigel, Weigel, 1978). Изучают экологическую обеспокоенность в отношении личного благополучия индивида, благополучия других людей и благополучия биосферы (Schultz, 2001). Результаты зарубежных

и российских исследований показывают, что экологическая обеспокоенность положительно связана с проэкологическим поведением (Gifford, Nilsson, 2014; McDonald et al., 2015; Zibenberg et al., 2018; Sautkina, Ivanova, 2019; Agissova, Sautkina, 2020). Хотя экологическую обеспокоенность часто изучают в качестве предиктора проэкологического поведения, результаты исследований также описывают культурно-специфический разрыв между экологическими аттитюдами и поведением (Tam, Chan, 2017). В связи с этим необходимо продолжать исследовать роль экологической обеспокоенности в России, где существует разрыв между высоким уровнем экологической обеспокоенности и достаточно низким уровнем проэкологического поведения (Sautkina, Ivanova, 2019; Шабанова, 2019).

Связь с природой

Связь с природой определяется как воспринимаемое родство с природным миром и аффективное отношение индивида к нему (Schultz et al., 2004; Mayer, Frantz, 2004). В России связь с природой изучалась преимущественно как фактор психологического благополучия (Чистопольская и др., 2017). Результаты зарубежных исследований показывают, что данный конструкт тесно связан с проэкологическим поведением (Hartig et al., 2001; Frantz et al., 2005; Mackay, Schmitt, 2019; Martin et al., 2020). В России роль связи с природой в объяснении проэкологического поведения мало изучена, и лишь в недавнем исследовании было показано, что этот конструкт играет важную роль в детерминации поведения (Agissova et al., 2023). Здесь мы продолжаем изучение связи между этими переменными.

Взаимосвязи между конструктами

Результаты некоторых исследований говорят о наличии связей между мотивацией, экологическими аттитюдами и связью с природой. Интегрированная и, в меньшей степени, идентифицированная и внутренняя мотивации положительно связаны с проэкологическими аттитюдами (Pelletier et al., 1998). Согласно результатам другого исследования, интроецированная, внутренняя и, в меньшей степени, интегрированная мотивации положительно связаны с проэкологическими аттитюдами, в то время как конструкт «включение природы в себя» (Liefländer et al., 2013), интеркоррелирующий со связью с природой (Brügger et al., 2011), положительно связан со всеми внутренними формами мотивации и в меньшей степени — с внешней мотивацией (Baierl, Vogner, 2023).

На момент проведения данного исследования нам не было известно о работах, сравнивающих относительные роли самодетерминированной мотивации и двух других сильных предикторов (связи с природой и экологической обеспокоенности) в объяснении проэкологического поведения, и нам представилось целесообразным это сделать. Ранее было показано, что мотивация остается значимым предиктором проэкологического поведения в присутствии

ценностных ориентаций и обладает большей предсказательной силой, чем ценности, в отношении эксплицитно проэкологических видов поведения, таких как экологический активизм (Masson, Otto, 2021).

Цель исследования

Текущее исследование ставит целью изучение роли мотивации к защите окружающей среды в детерминации проэкологического поведения в России. Кроме того, мы обращаемся к изучению роли мотивации в объяснении поведения относительно двух других сильных предикторов проэкологического поведения: экологической обеспокоенности и связи с природой.

Гипотезы исследования

Н1. Самодетерминированная (внутренняя, интегрированная и идентифицированная) мотивация положительно предсказывает проэкологическое поведение, в то время как несамодетерминированная (интроецированная, внешняя и амотивация) предсказывает его отрицательно.

Н2. Экологическая обеспокоенность положительно предсказывает проэкологическое поведение.

Н3. Связь с природой положительно предсказывает проэкологическое поведение.

Н4. Самодетерминированные формы экологической мотивации являются более сильными предикторами проэкологического поведения, чем экологическая обеспокоенность и связь с природой для эксплицитно проэкологических форм поведения.

Методы исследования

Выборка

Выборка исследования составила 462 респондента, 56.7% из которых были женщины, средний возраст — 36.73 года ($SD = 11.77$) (см. таблицу 1). Выборка была достаточно образованной (56.5% имели высшее или неполное высшее образование). Большинство респондентов (60%) проживали в городах-миллионниках: Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Красноярске, Омске, Челябинске, Самаре, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Казани, Перми, Воронеже и Ростове-на-Дону.

Методики измерения

Проэкологическое поведение измерялось с помощью российской шкалы проэкологического поведения (Иванова и др., 2023а). Шкала включает в себя пять категорий поведения: социальные действия (например, участие в мероприятиях по озеленению, пожертвования на экологические проекты), управление

Таблица 1

Характеристики выборки

Переменные	Категории переменных	n	%
Пол	Мужской	198	42.9
	Женский	262	56.7
	Другой	2	0.4
Образование	Высшее	261	56.5
	Неоконченное высшее	95	20.6
	Среднее специальное	65	14.1
	Среднее	39	8.4
	Неоконченное среднее	2	0.4
Доход	Низкий	209	45.2
	Средний	189	40.9
	Высокий	64	13.9
Размер населенного пункта	Более 1 миллиона	277	60
	От 250 тысяч до 1 миллиона	101	21.9
	От 100 до 250 тысяч	33	7.1
	От 50 до 100 тысяч	14	3
	До 50 тысяч	30	6.5

бытовыми отходами (например, отдельный сбор отходов), экопотребление (например, покупка продуктов питания, отмеченных органическими и биологическими сертификатами), ресурсосбережение (например, экономия электроэнергии, воды) и климатическое поведение (например, замена авиаперелетов поездками на поезде, хождение пешком или поездки на велосипеде на короткие дистанции). Респондентов просили оценить, используя шкалу Ликерта от 1 — «никогда» до 5 — «всегда», с какой частотой они выполняли 23 вида проэкологического поведения.

Экологическая мотивация измерялась с использованием российской адаптации шкалы мотивации к защите окружающей среды (Pelletier et al., 1998; Иванова и др., 2023б). Шкала включает в себя шесть видов мотивации: внутреннюю, интегрированную, идентифицированную, интроецированную, внешнюю и амотивацию. Респондентам предлагают оценить 24 утверждения в отношении причин, по которым люди выполняют действия, направленные на защиту окружающей среды. Измерение ведется по шкале Ликерта от 1 — «абсолютно не верно» до 7 — «абсолютно верно».

Экологическая обеспокоенность измерялась с помощью шкалы, разделяющей обеспокоенность в отношении состояния окружающей среды на три категории: эгоистическую, альтруистическую и биосферическую (Schultz, 2001). В исследовании применялась российская адаптация шкалы (Иванова и др., 2023в). Шкала включает в себя 12 вопросов. Измерение производится по шкале Ликерта от 1 — «наименее важный» до 7 — «самый важный», измеряющей воспринимаемую важность последствий экологических проблем.

Для измерения связи с природой применялась российская адаптация шкалы связи с природой (Mayer, Frantz, 2004; Чистопольская и др., 2017).

Шкала связи с природой включает в себя 14 вопросов, измерение ведется с помощью шкалы Ликерта от 1 — «совершенно не верно» до 5 — «совершенно верно» с целью определить, насколько респонденты ощущают себя частью природного мира.

Процедура сбора данных

Данные были собраны в период с мая по июль 2021 г. на платформах 1ka.si и anketolog.ru. Исследование было представлено как посвященное вопросам социального развития. Респонденты давали свое согласие на прохождение опроса, отметив соответствующую графу. Исследование получило одобрение Комиссии по этической оценке эмпирических исследовательских проектов департамента психологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Анализ данных

Анализ данных включал в себя дескриптивную статистику, метод ранговой корреляции Спирмена и множественный регрессионный анализ, для которых использовался пакет SPSS 22.0.0.

Для сравнения относительной важности предикторов был проведен анализ доминантности (Budescu, 1993; Mizumoto, 2022). Данный вид анализа оценивает важность предиктора на основании определения изменений в R^2 регрессионной модели при добавлении предиктора ко всем возможным сочетаниям предикторов, что дает общий вес доминантности (General Dominance Weight, GDW). На основании общих весов доминантности ранжируется важность каждого из значимых предикторов. Анализ доминантности сегодня все чаще используется в психологии, включая психологию среды (Player et al., 2023). Анализ проводился в RStudio 2022.12.0 с использованием пакета yhat.

Результаты

Дескриптивная статистика и корреляционный анализ

Средние по показателям экологической обеспокоенности, связи с природой, экологической мотивации и проэкологического поведения представлены в таблице 2. Данные исследования говорят о высоком уровне экологической обеспокоенности и о высокой идентифицированной мотивации и внутренней мотивации в отношении защиты окружающей среды. Наиболее частым видом проэкологического поведения было ресурсосбережение. В целом, выборка демонстрировала средние и средне-высокие показатели по экопсихологическим переменным.

Корреляционный анализ выявил наличие значимых положительных связей между, с одной стороны, самодетерминированными формами мотивации (внутренней, интегрированной, идентифицированной) и, с другой стороны, экологической обеспокоенностью, связью с природой и всеми видами проэкологического поведения. Также слабые положительные связи с этими переменными

показала интроецированная мотивация. Внешняя мотивация имела слабые положительные связи с эгоистической обеспокоенностью, социальными действиями и экопотреблением, а также слабые отрицательные связи с биосферической обеспокоенностью и климатическим поведением. Амотивация была отрицательно связана с биосферической обеспокоенностью, связью с природой и всеми видами проэкологического поведения. Слабые значимые связи также были обнаружены между экопсихологическими и социодемографическими переменными.

Регрессионный анализ и анализ доминантности

Обратимся к роли различных предикторов в детерминации пяти видов поведения. Результаты регрессионного анализа и анализа доминантности представлены в таблице 3.

Среди самодетерминированных форм мотивации интегрированная мотивация была положительным, сильным и единственным предиктором, объясняющим все виды поведения ($\beta = 0.23-0.57$, $p < 0.001$ и $p < 0.05$). Внутренняя мотивация была значимым предиктором только одного вида поведения — социальных действий ($\beta = 0.13$, $p < 0.05$), а идентифицированная мотивация не была значимо связана с поведением. Среди несамодетерминированных форм интроецированная ($\beta = 0.12$, $p < 0.05$) и внешняя ($\beta = 0.1$, $p < 0.05$) мотивации положительно объясняли социальное поведение. Внешняя мотивация также отрицательно объясняла климатическое поведение ($\beta = 0.15$, $p < 0.05$). Амотивация отрицательно объясняла управление отходами ($\beta = 0.11$, $p < 0.05$). Таким образом, гипотеза 1 подтвердилась полностью в отношении интегрированной мотивации, подтвердилась для некоторых видов поведения в отношении внутренней, внешней и амотивации и не подтвердилась в отношении идентифицированной и интроецированной мотивации.

Два других предиктора — экологическая обеспокоенность и связь с природой — значимо объясняли лишь некоторые виды поведения. Биосферическая обеспокоенность положительно объясняла управление отходами ($\beta = 0.12$, $p < 0.05$) и ресурсосбережение ($\beta = 0.13$, $p < 0.05$). Альтруистическая обеспокоенность отрицательно предсказывала ресурсосбережение ($\beta = 0.12$, $p < 0.05$). Эгоистическая обеспокоенность не была значимо связана с поведением. Таким образом, можно говорить о подтверждении гипотезы 2 лишь в отношении биосферической обеспокоенности. Связь с природой положительно предсказывала социальные действия и экопотребление, что подтверждает гипотезу 3 в отношении этих видов поведения.

Социодемографические переменные также вносили вклад в объяснение некоторых типов проэкологического поведения. Значимыми положительными предикторами выступили пол, возраст и размер города, значимыми отрицательными предикторами — уровень образования и уровень дохода.

Результаты анализа доминантности говорят о том, что для трех видов поведения из пяти (управления отходами, социальных действий и ресурсосбережения) интегрированная мотивация была доминантным предиктором. Для

Таблица 2

Описательная статистика и коэффициенты ранговой корреляции Спирмена

Переменные	М (SD)	1	2	3	4	5	6	7
1. Пол								
2. Возраст	36.73 (11.77)	-0.28**						
3. Образование	4.18 (1.06)	0.08	0.23**					
4. Доход	3.60 (0.96)	-0.12*	0.02	0.19**				
5. Размер города	3.20 (11.95)	-0.08	0.2**	-0.02	-0.14*			
6. Эгоистическая обеспокоенность	5.37 (1.27)	0.18**	-0.01	0.06	0.05	-0.06		
7. Альтруистическая обеспокоенность	5.56 (1.32)	0.09*	0.2**	0.07	0.03	0.11*	0.68**	
8. Биосферическая обеспокоенность	5.71 (1.30)	0.18**	0.01	0.04	0.01	0.01	0.57**	0.6**
9. Связь с природой	3.52 (0.69)	0.09*	0.1*	0.02	0.02	0.05	0.38**	0.43**
10. Амотивация	2.61 (1.32)	-0.12*	0.07	0.05	-0.04	-0.05	-0.16**	-0.22**
11. Внешняя мотивация	2.14 (1.12)	-0.18**	0.05	-0.04	0.11*	0.04	0.10*	0.03
12. Интроецированная мотивация	3.96 (1.44)	0.04	0.08	-0.01	0.09	-0.04	0.34**	0.35**
13. Идентифицированная мотивация	5.73 (1.19)	0.17**	0.05	0.02	0.08	0.05	0.43**	0.48**
14. Интегрированная мотивация	4.29 (1.48)	0.08	0.06	0.04	0.13*	0.03	0.42**	0.39**
15. Внутренняя мотивация	4.76 (1.50)	0.1*	0.06	0.02	0.11*	0.04	0.39**	0.43**
16. Управление отходами	3.10 (0.75)	0.11*	0.07	0.12*	0.07	-0.05	0.23**	0.18**
17. Социальное поведение	2.31 (0.79)	0.07	0.12*	0.01	0.08	0.05	0.33**	0.33**
18. Ресурсосбережение	4.00 (0.76)	0.08	0.14*	0.14*	0.06	0.02	0.23**	0.27**
19. Экопотребление	3.22 (0.80)	0.1*	0.25**	0.16**	0.11*	0.11*	0.28**	0.29**
20. Климатическое поведение	3.05 (0.61)	0.06	-0.05	-0.19**	-0.19**	0.04	-0.04	0.01

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Таблица 2

	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
9	0.53**											
10	-0.32**	-0.35**										
11	-0.1*	0.03	0.32**									
12	0.32**	0.45**	-0.19**	0.41**								
13	0.55**	0.56**	-0.49**	-0.1*	0.5**							
14	0.44**	0.62**	-0.38**	0.08	0.59**	0.63**						
15	0.48**	0.64**	-0.4**	0.1*	0.61**	0.72**	0.74**					
16	0.27**	0.32**	-0.27**	0.01	0.29**	0.33**	0.53**	0.39**				
17	0.4**	0.55**	-0.3**	0.18**	0.54**	0.48**	0.66**	0.61**	0.55**			
18	0.3**	0.28**	-0.16**	-0.01	0.25**	0.3**	0.34**	0.27**	0.43**	0.39**		
19	0.28**	0.36**	-0.15**	0.11*	0.32**	0.29**	0.4**	0.31**	0.38**	0.5**	0.41**	
20	0.07	0.17**	-0.1*	-0.12*	0.1*	0.11*	0.2**	0.12*	0.13*	0.19**	0.1*	0.06

Таблица 3

Множественные регрессии и анализ доминантности

	Управление отходами		Социальное поведение		Ресурсосбережение		Экоопределение		Климатическое поведение	
	β	GDW	β	GDW	β	GDW	β	GDW	β	GDW
Пол	0.06	0.004	0.03	0.001	0.04	0.002	0.12*	0.008	0.01	0.001
Возраст	0.09*	0.005	0.09**	0.007	0.12*	0.018	0.24**	0.049	-0.04	0.002
Образование	0.08	0.008	-0.02	0.000	0.07	0.008	0.07	0.011	-0.16**	0.031
Доход	-0.02	0.001	0.01	0.001	-0.01	0.000	0.04	0.003	-0.18**	0.035
Размер города	-0.01	0.000	0.03	0.001	-0.02	0.000	0.09*	0.009	0.09*	0.008
Эгоистическая обеспокоенность	0.04	0.011	-0.02	0.015	-0.02	0.009	0.07	0.016	-0.1	0.004
Альтруистическая обеспокоенность	-0.12*	0.007	-0.04	0.013	0.06	0.016	<0.01	0.015	-0.01	0.001
Биосферическая обеспокоенность	0.12*	0.017	0.1	0.027	0.13*	0.023	0.07	0.018	0.03	0.002
Связь с природой	-0.03	0.023	0.13*	0.070	0.05	0.018	0.13*	0.035	0.1	0.013
Амотивация	-0.11*	0.022	-0.07	0.022	<0.01	0.006	-0.03	0.006	0.02	0.003
Внешняя мотивация	-0.02	0.001	0.1*	0.016	-0.06	0.003	0.04	0.003	-0.15*	0.013
Интроецированная мотивация	0.01	0.018	0.12*	0.065	0.08	0.015	0.1	0.024	0.12	0.006
Идентифицированная мотивация	-0.11	0.019	-0.03	0.043	0.07	0.020	-0.01	0.016	-0.09	0.003
Интегрированная мотивация	0.57**	0.151	0.35**	0.130	0.23*	0.037	0.24**	0.048	0.29**	0.028
Внутренняя мотивация	-0.04	0.035	0.13*	0.087	-0.11	0.014	-0.1	0.018	-0.12	0.005
	Adj R ² = 0.3, F = 14.05		Adj R ² = 0.48, F = 29.62		Adj R ² = 0.16, F = 6.9		Adj R ² = 0.26, F = 11.47		Adj R ² = 0.13, F = 5.38	

Примечание. β = стандартизированный коэффициент регрессии; Adj R² = уровень объясненной дисперсии; F (15, 443) = F-Ratio; GDW = общий вес доминантности.

* - $p < 0.05$; ** - $p < 0.001$.

управления отходами и социального поведения общие веса доминантности (GDW) по интегрированной мотивации были наиболее высокими и шли с большим отрывом от соответствующих показателей других предикторов (GDW = 0.151 и GDW = 0.130 соответственно). Для остальных видов поведения маргинально доминантными предикторами выступили социодемографические характеристики: для экопотребления – возраст (GDW = 0.049), для климатического поведения – доход (GDW = 0.035) и образование (GDW = 0.031), а интегрированная мотивация была следующим по важности предиктором обоих видов поведения, с минимальной разницей в показателях (GDW = 0.048 и GDW = 0.028 соответственно). Другие виды мотивации имели различную доминантность в объяснении поведения: вторым по весу предиктором была внутренняя мотивация для социальных действий (GDW = 0.087) и амотивация для управления отходами (GDW = 0.022). Интроецированная мотивация была четвертым по весу предиктором социальных действий (GDW = 0.065). Внешняя мотивация была четвертым по весу предиктором климатического поведения (GDW = 0.013) и пятым – социального поведения (GDW = 0.016).

Среди остальных экопсихологических переменных биосферическая обеспокоенность и связь с природой выступили важными положительными предикторами. Биосферическая обеспокоенность была вторым по весу предиктором ресурсосбережения (GDW = 0.017) и третьим по весу предиктором управления отходами (GDW = 0.023). Связь с природой была третьим по весу предиктором социального поведения (GDW = 0.070) и экопотребления (GDW = 0.035). Обе переменные уступали по доминантности самодетерминированной мотивации (интегрированной и внутренней). Альтруистическая обеспокоенность была четвертым по весу предиктором управления отходами (GDW = 0.007). Таким образом, гипотеза 4 была подтверждена для биосферической обеспокоенности и связи с природой.

Социодемографические характеристики в основном были менее доминантными предикторами поведения, чем экопсихологические переменные, за исключением возраста как предиктора экопотребления (GDW = 0.049) и ресурсосбережения (GDW = 0.018), а также дохода (GDW = 0.035) и образования (GDW = 0.031) для климатического поведения.

Обсуждение результатов

Наше исследование было направлено на изучение роли мотивации к защите окружающей среды в объяснении проэкологического поведения в России, а также роли двух других сильных предикторов проэкологического поведения – экологической обеспокоенности и связи с природой. Нас также интересовало то, как социодемографические переменные объясняют поведение.

В нашем исследовании интегрированная мотивация выступила положительным, сильным и единственным предиктором, объясняющим все виды проэкологического поведения: у людей с осознанной, целенаправленной экологической мотивацией чаще наблюдалось проэкологическое поведение, включая все его виды, измеряемые в данном исследовании. Интегрированная

мотивация обнаружила ведущую роль в детерминации поведения не только среди других видов самодетерминированной мотивации, но и в отношении двух сильных предикторов проэкологического поведения — связи с природой и экологической обеспокоенности. В связи с тем, что наша работа находится в числе первых, в которых рассматривается такая комбинация предикторов, необходимы дальнейшие исследования в этой области. Интерес представляет включение в объяснительные модели, наряду с мотивацией к защите окружающей среды, других сильных предикторов, например личных норм (Helferich et al., 2023; Sautkina, Ivanova, 2019).

Внутренняя мотивация уступала интегрированной, предсказывая лишь один вид проэкологического поведения и являясь менее доминантным предиктором, а идентифицированная мотивация и вовсе не была связана с поведением. Эти данные отчасти совпадают с данными зарубежных исследований (Pelletier et al., 1998; Boeve-de Pauw, van Petegem, 2017). Интроецированная и внешняя мотивации в нашем исследовании были положительно связаны с некоторыми формами проэкологического поведения, что также ранее уже наблюдалось (Lavergne et al., 2010). Необходимо продолжать изучение мотивации к защите окружающей среды как предиктора проэкологического поведения, а также в будущем проводить метаанализы исследований в этой области.

Биосферическая обеспокоенность (последствиями экологических проблем для флоры и фауны) и связь с природой уступали интегрированной мотивации в доминантности, но, как и ожидалось, служили положительными предикторами некоторых видов проэкологического поведения. Наша гипотеза не подтвердилась в отношении других форм обеспокоенности, вероятно, в связи с тем, что биосферическая обеспокоенность сильнее связана с проэкологическим поведением, чем альтруистическая и эгоистическая формы (Schultz, 2001). Необходимо продолжать изучение роли связи с природой и экологической обеспокоенности в детерминации проэкологического поведения в России.

Проэкологическое поведение (кроме климатического) чаще наблюдалось с увеличением возраста, что схоже с результатами зарубежных исследований (Gifford, Nilsson, 2014). Экопотребление в нашем исследовании чаще совершалось женщинами, что ранее было отмечено в других исследованиях (D'Souza, Taghian, 2017; Иванова и др., 2020; Ratner, Gomonov, 2020; Reznichenko et al., 2021). Респонденты из больших городов чаще выбирали экологичные товары и заботились о сокращении углеродного следа, что может быть связано с лучшим качеством, разнообразием и доступностью инфраструктуры (в частности, транспортной), товаров и услуг в мегаполисах. Наконец, среди респондентов с более высоким уровнем образования и дохода климатическое поведение наблюдалось реже. По результатам других исследований, проэкологическое поведение чаще наблюдается у людей с высоким уровнем образования, а уровень дохода демонстрирует смешанные паттерны связи с таким поведением (Gifford, Nilsson, 2014; Grilli, Curtis, 2021; Сауткина и др., 2022). В то же время на данный момент крайне мало известно о детерминантах климатического поведения в России, так как это новое поле исследований, требующее изучения.

В нашем исследовании использовались корреляционный дизайн и метод самоотчетов, что является его ограничениями. Поле исследования заявленных проблем в России необходимо расширять, применяя новые методы изучения проэкологического поведения, такие как анализ наблюдений, дневников, интервью (Thomas et al., 2019), сбор вторичных данных (например, показателей «умных» счетчиков, данных о совершенных покупках и др.), а также, вне всякого сомнения, экспериментальные и лонгитюдные подходы. Кроме того, так как наша выборка состояла более чем на 50% из людей с высшим образованием, живущих в больших городах, необходимо проведение повторных исследований на более репрезентативных выборках.

Формирование интегрированной мотивации к защите окружающей среды как наиболее сильного предиктора проэкологического поведения должно становиться объектом социальных интервенций в области экологического просвещения и образования.

Литература

- Александрова, Е. С. (2021). Взаимосвязь личностных ценностей индивида и проэкологического поведения в условиях возрастания антропогенной нагрузки на окружающую среду. *Вопросы устойчивого развития общества*, 10, 328–338. <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.27.75.009>
- Иванова, А. А., Агисова, Ф. Б., Сауткина, Е. В. (2020). Проэкологическое поведение в России: адаптация шкалы Кэмерона Брика и связь с экологической обеспокоенностью. *Психологические исследования*, 13(70). <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199>
- Иванова, А. А., Агисова, Ф. Б., Сауткина, Е. В., Кабанова, В. С., Патракова, Н. А., Иванде, К. С. (2023а). Российская шкала проэкологического поведения: разработка и психометрическая оценка. *Экспериментальная психология*, 16(2), 218–234. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160213>
- Иванова, А. А., Агисова, Ф. Б., Шевель, Т. М., Сауткина, Е. В. (2023б). Адаптация и валидизация шкалы проэкологической мотивации на российской выборке. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 20(4), 679–698.
- Иванова, А. А., Шевель, Т. М., Агисова Ф., Патракова, Н.А. (2023в). Шкала экологической обеспокоенности У. Шульца: адаптация и валидизация. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 20(4), 699–717.
- Сауткина, Е. В., Агисова, Ф. Б., Иванова, А. А., Иванде, К. С., Кабанова, В. С. (2022). Проэкологическое поведение в России. Систематический обзор исследований. *Экспериментальная психология*, 15(2), 172–193. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213>
- Чистопольская, К. А., Ениколопов, С. Н., Николаев, Е. Л., Семикин, Г. И. (2017). Связь с природой: вклад в душевное благополучие. В кн. *Перспективы психологической науки и практики: Материалы научной конференции* (с. 764–767). М.: РГУ им. А.Н. Косыгина. https://elibrary.ru/download/elibrary_30012377_92123849.pdf
- Шабанова, М. А. (2019). Социально-экономические практики населения как ресурс ослабления мусорной проблемы в России. *Социологические исследования*, 6, 50–63. <http://doi.org/10.31857/S013216250005481-2>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Agissova, F., Ivanova, F., & Sautkina, E. (2023). Political values, patriotism, institutional trust and connectedness to nature predict environmental attitudes and pro-environmental behaviour (Los valores políticos, el patriotismo, la confianza en las instituciones y la conexión con la naturaleza predicen las actitudes y la conducta proambientales). *PsyEcology*, *14*(2), 244–296. <https://doi.org/10.1080/21711976.2023.2204012>
- Agissova, F., & Sautkina, E. (2020). The role of personal and political values in predicting environmental attitudes and pro-environmental behavior in Kazakhstan. *Frontiers in Psychology*, *11*. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.584292>
- Aitken, N. M., Pelletier, L. G., & Baxter, D. E. (2016). Doing the difficult stuff: Influence of self-determined motivation toward the environment on transportation proenvironmental behavior. *Ecopsychology*, *8*(2), 153–162. <http://doi.org/10.1089/eco.2015.0079>
- Aleksandrova, E. (2021). Vzaimosviaz' lichnostnyh cennostei individa i proekologicheskogo povedeniya v usloviyah vozrastaniya antropogennoi nagruzki na okruzhaiushchuiu sredu [The relationship between personal values and pro-environmental behavior in the context of increasing anthropogenic pressure on the environment]. *Voprosy Ustoichivogo Razvitiya Obschestva*, *10*, 328–338. <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.27.75.009>
- American Psychological Association. (2015). *APA Dictionary of Psychology* (2nd ed.). APA.
- Baierl, T.-M., & Bogner, F. X. (2023). How should we teach nature protection? Self-determination and environmental attitudes. *Educational Sciences*, *13*, Article 353. <https://doi.org/10.3390/educsci13040353>
- Baxter, D., & Pelletier, L. G. (2020). The roles of motivation and goals on sustainable behaviour in a resource dilemma: A self-determination theory perspective. *Journal of Environmental Psychology*, *69*, Article 101437. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101437>
- Berenguer, J., Corraliza, J. A., & Martin, R. (2005). Rural-urban differences in environmental concern, attitudes, and actions. *European Journal of Psychological Assessment*, *21*(2), 128–138. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.21.2.128>
- Boeve-de Pauw J., & van Petegem, P. (2017). Because my friends insist or Because it makes sense? Adolescents' motivation towards the environment. *Sustainability*, *9*(5), Article 750. <https://doi.org/10.3390/su9050750>
- Brügger, A., Kaiser, F. G., & Roczen, N. (2011). One for all? Connectedness with nature, inclusion of nature, environmental identity, and implicit association with nature. *European Psychologist*, *16*, 324–333. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000032>
- Budescu, D. V. (1993). Dominance analysis: A new approach to the problem of relative importance of predictors in multiple regression. *Psychological Bulletin*, *114*(3), 542–551. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.114.3.542>
- Chistopolskaya, K. A., Enikolopov, S. N., Nikolaev, E. L., & Semikin, G. I. (2017). Sviaz' s prirodoi: vklad v dushevnoe blagopoluchie [Nature connectedness and its contribution to mental health]. In *Sbornik materialov nauchnoi konferencii "Perspektivy psihologicheskoi nauki i preaktiki"* [Proceedings of the conference "Perspectives of psychological science and practice"] (pp. 764–767). Moscow: Russian State Kosygin University. https://elibrary.ru/download/elibrary_30012377_92123849.pdf
- Chokyi Nyima, R. (2009). Very dangerous territory. In J. Stanley, D. R. Loy, & G. Dorje (Eds.), *A buddhist response to climate emergency* (pp. 137–140). Boston, MA: Wisdom Publications.

- D'Souza, C., & Taghian, M. (2017). Female consumers as agents of change for transforming the environmental sustainability landscape. *International Journal of Consumer Studies*, 41(3), 353–360. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12350>
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (1985). *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. New York, NY: Plenum Press.
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (1991). A motivational approach to self: Integration in personality. In R. A. Dienstbier (Ed.), *Nebraska Symposium on Motivation, 1990: Perspectives on motivation* (pp. 237–288). University of Nebraska Press.
- Dunlap, R. E., & Jones, R. E. (2002). Environmental concern: conceptual and measurement issues. In R. E. Dunlap & W. Michelson (Eds.), *Handbook of environmental sociology* (pp. 482–524). Westport, CT: Greenwood Press.
- Ellis, E. C. (2011). Anthropogenic transformation of the terrestrial biosphere. *Philosophical Transactions: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 369(1938), 1010–1035. <https://doi.org/10.1098/rsta.2010.0331>
- Fransson, N., & Gärling, T. (1999). Environmental concern: Conceptual definitions, measurement methods, and research findings. *Journal of Environmental Psychology*, 19(4), 369–382. <https://doi.org/10.1006/jevps.1999.0141>
- Frantz, C., Mayer, F. S., Norton, C., & Rock, M. (2005). There is no “I” in nature: The influence of self-awareness on connectedness to nature. *Journal of Environmental Psychology*, 25(4), 427–436. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2005.10.002>
- Gauthier, A., Guertin, C., & Pelletier, L. G. (2022). Motivated to eat green or your greens? Comparing the role of motivation towards the environment and for eating regulation on ecological eating behaviours – A self-determination Theory perspective. *Food Quality and Preference*, 99, Article 104570. <https://doi.org/10.1016/j.foodqual.2022.104570>
- Gifford, R., & Nilsson, A. (2014). Personal and social factors that influence pro-environmental concern and behaviour: A review. *International Journal of Psychology*, 49(3), 141–157. <https://doi.org/10.1002/ijop.12034>
- Graves, L. M., Sarkis, J., & Gold, N. (2019). Employee proenvironmental behavior in Russia: The roles of top management commitment, managerial leadership, and employee motives. *Resources Conservation and Recycling*, 140, 54–64. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2018.09.007>
- Grilli, G., & Curtis, J. (2021). Encouraging pro-environmental behaviours: A review of methods and approaches. *Renewable & Sustainable Energy Reviews*, 135(C), Article 110039. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2020.110039>
- Hartig, T., Kaiser, F. G., & Bowler, P. A. (2001). Psychological restoration in nature as a positive motivation for ecological behavior. *Environment and Behavior*, 33(4), 590–607. <https://doi.org/10.1177/001391601219731>
- Head, B. W., & Alford, J. (2015). Wicked problems: Implications for public policy and management. *Administration & Society*, 47(6), 711–739.
- Helferich, M., Thøgersen, J., & Bergquist, M. (2023). Direct and mediated impacts of social norms on pro-environmental behavior. *Global Environmental Change*, 80, Article 102680. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2023.102680>
- Ivanova, A., Agissova, F., & Sautkina, E. (2020). Pro-environmental behavior in Russia: Adaptation of the Recurrent Pro-Environmental Behavior Scale (Brick et al., 2017) and the relationship with environmental concern. *Psikhologicheskie Issledovanoya [Psychological Studies]*, 13(70). <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199> (in Russian)

- Ivanova, A. A., Agissova, F. B., Sautkina, E. V., Kabanova, V. S., Patrakova, N. A., & Ivande, K. S. (2023a). Russian Scale of Pro-environmental Behaviour: Development and psychometric assessment. *Экспериментальная Психология [Experimental Psychology (Russia)]*, *16*(2), 218–234. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160213> (in Russian)
- Ivanova, A.A., Agisova, F., Shevel, T.M., & Sautkina, E.V. (2023b). Adaptation and validation of Motivation Toward the Environment Scale (MTES) in Russia. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, *20*(4), 679–698. (in Russian)
- Ivanova, A.A., Shevel, T.M., Agisova, F., & Patrakova, N.A. (2023c). W. Schultz Environmental Concern Scale: Adaptation and validation. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, *20*(4), 699–717. (in Russian)
- Kaiser, F. G., & Wilson, M. (2004). Goal-directed conservation behavior: the specific composition of a general performance. *Personality and Individual Differences*, *36*(7), 1531–1544. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2003.06.003>
- Kaplan, H., & Madjar, N. (2015). Autonomous motivation and pro-environmental behaviours among Bedouin students in Israel: A self-determination theory perspective. *Australian Journal of Environmental Education*, *31*(2), 223–247. <https://doi.org/10.1017/aee.2015.33>
- Lavergne, K. J., Sharp, E. C., Pelletier, L. G., & Holtby, A. (2010). The role of perceived government style in the facilitation of self-determined and non self-determined motivation for pro-environmental behavior. *Journal of Environmental Psychology*, *30*(2), 169–177. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.11.002>
- Liefländer, A., Fröhlich, G., Bogner, F. X., & Schultz, P. W. (2013). Promoting connectedness with nature through environmental education. *Environmental Education Research*, *19*(3), 370–384. <https://doi.org/10.1080/13504622.2012.697545>
- Mackay, C. M., & Schmitt, M. (2019). Do people who feel connected to nature do more to protect it? A meta-analysis. *Journal of Environmental Psychology*, *65*, Article 101323. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.101323>
- Martin, L., White, M. P., Hunt, A., Richardson, M., Pahl, S., & Burt, J. (2020). Nature contact, nature connectedness and associations with health, wellbeing and pro-environmental behaviours. *Journal of Environmental Psychology*, *68*, Article 101389. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101389>
- Masson, T., & Otto, S. (2021). Explaining the difference between the predictive power of value orientations and self-determined motivation for proenvironmental behavior. *Journal of Environmental Psychology*, *73*, Article 101555. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101555>
- Mayer, F. S., & Frantz, C. M. (2004). The connectedness to nature scale: A measure of individuals' feeling in community with nature. *Journal of Environmental Psychology*, *24*(4), 503–515. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.10.001>
- McDonald, R. I., Chai, H. Y., & Newell, B. R. (2015). Personal experience and the 'psychological distance' of climate change: An integrative review. *Journal of Environmental Psychology*, *44*, 109–118. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2015.10.003>
- Mizumoto, A. (2022, May 10). Calculating the relative importance of multiple regression predictor variables using dominance analysis and random forests. *OSF Preprints*. <https://doi.org/10.31219/osf.io/w8nb3>
- Nielsen, K. S., Clayton, S., Stern, P. C., Dietz, T., Capstick, S., & Whitmarsh, L. (2021). How psychology can help limit climate change. *American Psychologist*, *76*(1), 130–144. <https://doi.org/10.1037/amp0000624>

- Pelletier, L. G., Tuson, K. M., Green-Demers, I., Noels, K., & Beaton, A. M. (1998). Why are you doing things for the environment? The Motivation Toward the Environment Scale (MTES). *Journal of Applied Social Psychology, 28*(5), 437–468. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1998.tb01714.x>
- Player, L., Prosser, A. M. B., Thorman, D., Tirion, A., Whitmarsh, L., Kurz, T., & Shah, P. (2023). Quantifying the importance of socio-demographic, travel-related, and psychological predictors of public acceptability of low emission zones. *Journal of Environmental Psychology, 88*, Article 101974. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2023.101974>
- Ratner, S., & Gomonov, K. (2020). Barriers of consumer behavior for the development of the circular economy in Russia. In *Proceedings of the XV International Conference “Russian Regions in the Focus of Changes” (ICRRFC 2020)*. Atlantis Press. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.210213.019>
- Reznichenko, S. I., Nartova-Bochaver, S. K., & Irkhin, B. (2021). Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms. *Psychology in Russia: State of the Art, 14*(3), 81–102. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0306>
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist, 55*(1), 68–78. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>
- Sautkina, E., Agissova, E., Ivanova, A., Ivande, K., & Kabanova, V. (2022). Pro-environmental behaviour in Russia. A systematic review. *Ekspierimental'naya Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)], 15*(2), 172–193. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213> (in Russian)
- Sautkina, E., Goodwin, D., Jones, A., Ogilvie, D., Petticrew, M., White, M., & Cummins, S. (2014). Lost in translation? Theory, policy and practice in systems-based environmental approaches to obesity prevention in the Healthy Towns programme in England. *Health & Place, 29*, 60–66. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2014.05.006>
- Sautkina, E., & Ivanova, A. (2019). Who's business is it anyway? Environmental policy and determinants of environmental behaviour in Russia. In *Handbook of the International Conference of Environmental Psychology* (p. 198). University of Plymouth.
- Schultz, P. W. (2001). The structure of environmental concern: Concern for self, other people, and the biosphere. *Journal of Environmental Psychology, 21*(4), 327–339. <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0227>
- Schultz, P. W., Shriver, C., Tabanico, J., & Khazian, A. (2004). Implicit connections with nature. *Journal of Environmental Psychology, 24*, 31–42. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(03\)00022-7](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(03)00022-7)
- Shabanova, M. (2019). Citizens' socio-economic practices as a resource to alleviate the waste issue in Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya, 6*, 50–63. <http://doi.org/10.31857/S013216250005481-2> (in Russian)
- Sharpe, E., Perlaviciute, G., & Steg, L. (2021). Pro-environmental behaviour and support for environmental policy as expressions of pro-environmental motivation. *Journal of Environmental Psychology, 76*, Article 101650. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101650>
- Steg, L., & Vlek, C. (2009). Encouraging pro-environmental behaviour: An integrative review and research agenda. *Journal of Environmental Psychology, 29*(3), 309–317. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.10.004>
- Tam, K., & Chan, H. (2017). Environmental concern has a weaker association with pro-environmental behavior in some societies than others: A cross-cultural psychology perspective. *Journal of Environmental Psychology, 53*, 213–223. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2017.09.001>
- Thomas, G. O., Sautkina, E., Poortinga, W., Wolstenholme, E., & Whitmarsh, L. (2019). The English Plastic Bag charge changed behavior and increased support for other charges to reduce plastic waste. *Frontiers in Psychology, 10*. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00266>

- Van der Linden, S. (2015). Intrinsic motivation and pro-environmental behaviour. *Nature Climate Change*, 5(7), 612–613. <https://doi.org/10.1038/nclimate2669>
- Weigel, R. H., & Weigel, J. (1978). Environmental concern. *Environment and Behavior*, 10(1), 3–15. <https://doi.org/10.1177/0013916578101001>
- Whitmarsh, L., & O'Neill, S. (2010). Green identity, green living? The role of pro-environmental self-identity in determining consistency across diverse pro-environmental behaviours. *Journal of Environmental Psychology*, 30(3), 305–314. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.01.003>
- Zibenberg, A., Greenspan, I., Katz-Gerro, T., & Handy, F. (2018). Environmental behavior among Russian youth: the role of self-direction and environmental concern. *Environmental Management*, 62(2), 295–304. <https://doi.org/10.1007/s00267-018-1032-7>

НЕГАТИВНЫЕ ЭМОЦИИ И ПОДДЕРЖКА КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Д.В. ВАЛЬКО^{a,b}, А.С. МАЛЬЦЕВА^c

^a Тюменский государственный университет, 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, д. 6

^b Южно-Уральский технологический университет, 454000, Россия, Челябинск, ул. Комаровского, д. 9а

^c Южно-Уральский государственный университет, 454080, Челябинск, проспект Ленина, д. 76

Negative Emotions and Climate Policy Support in Russia

D.V. Valko^{a,b}, A.S. Maltseva^c

^a Tyumen State University, 6 Volodarskogo Str., Tyumen, 625003, Russian Federation

^b The South-Ural University of Technology, 9a Komarovskogo Str., Chelyabinsk, 454000, Russian Federation

^c South Ural State University (National Research University), 76 Lenin Ave, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation

Резюме

Современные исследования показывают, что связь между негативными эмоциями и проэкологическим поведением не является последовательной во всех контекстах, а различные негативные эмоции могут как усиливать мотивацию к действию, так и снижать ее. Настоящая работа представляет собой *post hoc* анализ роли негативных эмоций (а также социодемографических факторов) в российском контексте поддержки различных мер по митигации климатических изменений. На основе рандомизированного контролируемого эксперимента с общим размером выборки $N = 246$ оценивается выраженность шести негативных эмоций во взаимосвязи с восприятием изменения климата, а также их роль в усилении поддержки набора ключевых мер в составе климатической политики. Результаты показывают, что общая выраженность негативных эмоций

Abstract

Current research suggests that the relationship between negative emotions and pro-environmental behaviour is not consistent across contexts, and that different negative emotions can both increase and decrease motivation to act. This paper is a *post hoc* analysis of the role of negative emotions in supporting climate change policy in the context of Russia, also examining the role of sociodemographic factors. Based on a randomized controlled experimental design with a total sample size of $N = 246$, we assess the expression of six negative emotions in relation to perceptions of climate change, and their role in increasing support for a set of key climate policies. The results show that the overall expression of negative emotions is positively associated with support for the

---

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

The research was performed in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Spaces of Ural and Siberia”.

положительно связана с поддержкой климатической политики, однако в разрезе отдельных мер по митигации климатических изменений этот эффект существенно различается. Что касается области социодемографических факторов, то с учетом факторной структуры данных о поддержке климатической политики поддержка набора налоговых мер оказывается в большей степени детерминирована образованием; поддержка мер в области энергетической инфраструктуры и бизнеса, а также защиты лесов и водоемов — гендером; последняя также отрицательно связана с уровнем дохода респондентов. В практическом смысле полученные результаты указывают на необходимость разработки взвешенной коммуникационной стратегии для привлечения внимания российского общества к климатическим изменениям, ознакомления с краткосрочными и долгосрочными эффектами введения различных мер противодействия изменению климата; построению информационного поля, способствующего созданию эмоционального отношения к проблеме, максимально эффективного для поддержки разрабатываемых государством и научным сообществом мер.

Ключевые слова: проэкологическое поведение, негативные эмоции, поддержка климатической политики, детерминанты проэкологического поведения.

Валько Данила Валерьевич — старший научный сотрудник, лаборатория междисциплинарных исследований пространства, Школа исследований окружающей среды и общества (Антропошкола), Тюменский государственный университет; старший научный сотрудник, Южно-Уральский технологический университет, кандидат экономических наук. Сфера научных интересов: устойчивое развитие, проэкологическое поведение. Контакты: d.v.valko@gmail.com

Мальцева Алиса Сергеевна — доцент, кафедра психологии управления и служебной деятельности; старший научный сотрудник, лаборатория психологии и психофизиологии стрессоустойчивости и креативности, Южно-Уральский государственный университет, кандидат психологических наук.

full set of climate policies, but the effect varies significantly across policies. In terms of sociodemographic factors, taking into account the factor structure of the climate policy support, support for policies that relate to taxes is more strongly determined by education; support for policies that relate to energy infrastructure and business, as well as forest and water protection, is determined by gender; the latter is also negatively associated with respondents' income level. In practical terms, the results indicate the need to develop a balanced communication strategy to attract the attention of Russian society to climate change, to familiarize population with the short- and long-term effects of the introduction of various policies to counteract climate change, and to create an information flow that promotes an emotional attitude to the problem, which is as effective as possible for supporting policies developed by the state and the scientific community.

Keywords: pro-environmental behavior, negative emotions, climate policy support, determinants of pro-environmental behavior.

Danila V. Valko — Senior Research Fellow, Laboratory of Interdisciplinary Space Research, School of Environmental and Social Studies (Anthroposchool), Tyumen State University; Senior Research Fellow, South-Ural University of Technology, PhD in Economics. Research Area: sustainable development, pro-environmental behavior. E-mail: d.v.valko@gmail.com

Alisa S. Maltseva — Assistant Professor, Department of Management and Law Enforcement Activities; Senior Research Fellow, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Stress-Resistance and Creativity, South Ural State University, PhD in Psychology.

Сфера научных интересов: цифровые технологии в образовании, экологическое воспитание, психология личного выбора, психология творчества.

Контакты: maltcevaas@susu.ru

Research Area: digital educational technologies, environmental education, psychology of personal choice, psychology of creativity.

E-mail: maltcevaas@susu.ru

Благодарности

Авторы выражают благодарность всем участникам Международной коллаборации для понимания действий в области климата (International Collaboration to Understand Climate Action) под руководством проф. М. Власчану (M. Vlasceanu), д-ра К. Доэлл (K.C. Doell) и проф. Дж.Дж. Ван Бавела (J.J. Van Bavel); участникам группы по подготовке российской выборки и адаптации инструментария — А. Галлямовой, Д. Григорьеву, А. Косаченко, Ю. Павлову; коллегам (в частности, А. Ивановой) за плодотворное обсуждение данной работы, а также анонимным рецензентам и редактору за возможность улучшения текста.

Вклад авторов: Д.В. — сбор и подготовка данных, анализ, интерпретация и обсуждение, написание текста статьи; А.М. — обсуждение, написание текста статьи.

Acknowledgements

The authors would like to thank all the participants of the International Collaboration to Understand Climate Action led by Prof. M. Vlasceanu, Dr. K.C. Doell and Prof. J.J. Van Bavel; participants of the Russian data collection and adaptation team A. Gallyamova, D. Grigoryev, A. Kosachenko, Y. Pavlov; colleagues for fruitful discussion of this paper, in particular A. Ivanova; and anonymous reviewers and the editor for the opportunity to improve the text of the paper.

Authors' contributions: D.V. — data collection and preparation, analysis, interpretation and discussion, writing the text of the article; A.M. — discussion, writing the text of the article.

Изменение климата является одной из серьезных и сложных проблем человечества. Решение климатических вопросов может быть реализовано только через систему мероприятий: от поощрения индивидуального экологического поведения и коллективных действий в рамках повышения осведомленности об изменении климата до разработки и поддержки сбалансированной климатической политики на государственном и мировом уровнях. Междисциплинарность и сложность данной проблемы определяет рост объема посвященных ей исследований в психологии, социологии и экономике.

Особенно важным направлением в реализации мер предотвращения глобального изменения климата является качественное представление информации: разъяснение сути содержания принимаемых государством мер, эффектов от их внедрения, ценности вклада каждого отдельного человека в итоговый, зачастую отсроченный и неочевидный для граждан результат. Изменение установок в отношении различных мер в составе экологической политики государства на индивидуальном уровне является важным элементом движения общества в направлении устойчивого развития. Однако данному вопросу уделяется не столь значительное внимание в российском контексте (обзор работ см.: Сауткина и др., 2022). По-видимому, во многом такое положение дел связано с низкой осведомленностью граждан в этих вопросах и с закономерным отсутствием инициатив, как в контексте предложения каких-либо

мер, так и в контексте поддержки мер, предлагаемых государством и научным сообществом (Anisimov, Orttung, 2019). В связи с этим целесообразно изучение индивидуально-психологических и социально-демографических факторов, которые могут способствовать повышению интенсивности поддержки мер, предлагаемых государством, на уровне отдельных людей и социальных групп. Настоящая работа представляет собой попытку частично заполнить этот пробел в отечественных исследованиях, а также актуализировать включение исследований российского ландшафта в мировой контекст. Нами предложены к ознакомлению проведенные на российской выборке экспериментальное исследование и *post hoc* анализ роли негативных эмоций и социодемографических детерминант поддержки мер по смягчению последствий климатических изменений и предотвращению дальнейших изменений климата.

Основой этой работы являются данные, собранные при участии авторов в рамках реализации международного проекта по исследованию коллективных действий в борьбе с изменением климата в 63 странах¹. Глобальное исследование имеет рандомизированный экспериментальный дизайн и посвящено изучению комплекса факторов, способных стимулировать действия по борьбе с изменением климата на уровне отдельного человека. В частности, в рамках проекта с привлечением широкого круга экспертов (более 250 участников коллаборации) разработаны и протестированы 11 поведенческих вмешательств, оценено их влияние на динамику убеждений, установок в отношении климатической политики, готовности делиться важной информацией и др. Работа по сбору данных в рамках этого проекта в России завершена в 2023 г. преимущественно усилиями лабораторий и исследовательских групп на базе НИУ ВШЭ, УрФУ и ЮУТУ.

Под климатической политикой здесь и далее мы понимаем совокупность мер (инструментов), предлагаемых государством и научным сообществом и направленных на борьбу с причинами изменения климата (Кошкина, 2020). Эти меры касаются налогового регулирования, развития энергетической инфраструктуры, экологичного бизнеса, защиты лесов и водоемов и др.

Исследовательский контекст и гипотезы

Эмоции и проэкологическое поведение

Эмоции являются одним из основных компонентов мотивационной, ценностно-смысловой и установочной систем личности, однако изучению их непосредственного вклада в объяснение ряда поведенческих аспектов (включая поведение, направленное на защиту и сохранение окружающей среды) не уделялось должного внимания (Tapia-Fonllem et al., 2013). Существующий корпус исследований взаимосвязи эмоций, проэкологических установок и поведения достаточно противоречив, что обуславливает некоторые затруднения в

---

¹ См. информацию о коллаборации и проекте по ссылке: <https://manylabscclimate.wordpress.com>.

постановке четких поведенческих гипотез и, соответственно, в прогнозировании поведения субъектов (Ibanez, Roussel, 2021). Отчасти это связано с тем, что и положительные, и отрицательные эмоции могут приводить к поведению, которое варьирует от антисоциальности до просоциальности (Bissing-Olson et al., 2016).

Исследования показывают, что эмоциональная близость к природе, счастье и удовлетворение являются положительными эмоциональными состояниями, связанными с проэкологическими действиями, способствующими им (см., например: Tapia-Fonllem et al., 2013; Carmi et al., 2015; Taufique, 2022). При этом некоторые негативные эмоции, такие как тревога и страх, иногда препятствуют проэкологическому поведению (см., например: O'Neill, Nicholson-Cole, 2009). В свою очередь чувство вины, стыда и возмущения из-за недостаточной защиты окружающей среды, по-видимому, способствуют более активной проэкологической деятельности (см., например: Bissing-Olson et al., 2016). Одни метаисследования показывают, что некоторые эмоции, скорее всего, ассоциированы с четко определенными видами проэкологических намерений (например, чувство вины коррелирует с приверженностью к переработке отходов; Haj-Salem, Al-Hawari, 2021), другие же не обнаруживают таких специфических ассоциаций (Ibanez et al., 2017).

В отношении изменения климата исследования показывают, что эмоции могут оказывать мотивирующее действие, а также часто связаны с другими видами проэкологического поведения (Leviston, Walker, 2012; Smith, Leiserowitz, 2014). Даже спонтанное возникновение эмоций, вызванных событиями, не связанными напрямую с изменением климата, может повлиять на поддержку политики, направленной на смягчение последствий его изменения (Lu, Schuldt, 2016). В конечном счете эмоциональные реакции, которые люди естественным образом испытывают в отношении изменения климата, систематически фигурируют в литературе, посвященной восприятию риска изменения климата, поведению по смягчению его последствий, адаптации к ним и поддержке соответствующей политики² (Brosch, 2021).

Негативные эмоции и изменение климата

Сегодня известно, что эмоциональные состояния и аффективные реакции могут сопутствовать поддержке проэкологического поведения (Blankenberg, Alhusen, 2019; Valko, 2021), особенно в области наиболее исследованного «зеленого» потребительского поведения (Rezvani et al., 2017). Хотя обзорные статьи и метаисследования констатируют, что позитивные эмоции в целом ассоциированы с вовлечением в проэкологическое поведение, с его продвижением (см.: Schneider et al., 2021; Brosch, 2021), связь между эмоциями и действиями в отношении изменения климата не является последовательной во всех контекстах (Myers et al., 2012; Hornsey, Fielding, 2016; Wang et al., 2018; и

---

² Здесь и далее мы относим активную поддержку климатической политики к проэкологическим действиям.

др.). При этом роли позитивных эмоций сегодня уделяется значительное внимание (Schneider et al., 2021), тогда как негативные эмоции в этой связи стали изучаться относительно недавно (Hickman et al., 2021).

Так называемая климатическая тревога (см.: Ibid.) может быть связана со многими негативными эмоциями, включая беспокойство (Stewart, 2021), страх (Hickman et al., 2021; McQueen, 2021), гнев (Stanley et al., 2021), горе и отчаяние (Fritze et al., 2008), вину и стыд (Jensen, 2019). Недавнее крупное международное исследование показало, что чаще всего респонденты, обеспокоенные изменением климата, испытывают следующие эмоции: печаль, тревогу, гнев, бессилие, беспомощность и вину (Hickman et al., 2021). Кроме того, тревожность, вызванная изменением климата, коррелирует с восприятием действий правительства как недостаточно адекватных (см.: Ibid.).

Ряд исследований также указывают на то, что экологические инициативы отдельных граждан и социальных групп, поддержка политики государства по смягчению причин и последствий изменения климата могут быть позитивно связаны с негативными эмоциями, вызванными данными процессами (Smith, Leiserowitz, 2014; Brosch, 2021). Такой положительный эффект следует корректно учитывать в публичной коммуникации и в продвижении проэкологического климатического поведения (Chapman et al., 2017; Brosch, Steg, 2021).

Итак, идея, лежащая в основе анализируемого в настоящей работе эксперимента³, базируется на предположении, что ознакомление с научными фактами о последствиях изменения климата в стиле «обреченности и мрачности», обычно используемом в публичной повестке активистами и политиками (Mann et al., 2017), может стать эффективным способом стимулирования поведения, направленного на борьбу с причинами изменения климата (Slovic, et al., 2004; Smith, Leiserowitz, 2014; Xu, Huang, 2022) и поддержку различных мер в составе климатической политики государства. Конкурирующее предположение заключается в том, что подобные пессимистические сообщения могут иметь обратный эффект, деморализуя общественность, стимулируя безразличие и бездействие на уровне отдельного человека, связанные с осознанием невозможности оказать достаточное влияние на ситуацию (O'Neill, Nicholson-Cole, 2009; Chapman et al., 2017).

Структура эксперимента, выбор мер по предотвращению климатических изменений, набор негативных эмоций и подбор соответствующего стимульного материала были определены коллективно исследователями и экспертами, вовлеченными в упомянутый международный проект. Такой подход является образцом международного сотрудничества и новацией данного проекта, однако накладывает дополнительные ограничения на интерпретацию результатов. В частности, кросс-валидация шкал на данных разных стран оказывается за рамками нашей работы, а представленный анализ характеризуется нами в этой связи как эксплораторный.

---

³ Интервенция предложена Кимберли Доэлл и Кларой Претус (K. Doell & C. Pretus) в рамках упомянутой коллаборации: <https://manylabsclimate.wordpress.com>.

Гипотезы

Учитывая сказанное выше, мы формулируем нулевую гипотезу (H₀) как отсутствие связи между негативными эмоциями в отношении изменения климата (тревоги, депрессии, страха, гнева, беспомощности, чувства вины) и поддержкой российскими респондентами климатической политики государства.

В рамках обсуждаемого в настоящей работе эксперимента (подробнее см.: Vlasceanu et al., 2023) респондентам были представлены девять ключевых мер в составе климатической политики государства, разработанных экспертным сообществом (IPCC, 2018) и затрагивающих вопросы налогообложения ископаемого топлива и избыточных выбросов углекислого газа; стимулирования возобновляемой энергетики, «зеленых» инноваций и экологичного бизнеса; охраны лесов, водных и земельных ресурсов и др.

Выборка

Российская подвыборка упомянутого глобального исследования собрана преимущественно методом «снежного кома», а также с использованием социальных сетей и других медиаканалов. Общий объем подвыборки совокупно составил 345 респондентов, однако после исключения участников, не прошедших контроль на внимательность, сократился до N = 246 (см. рисунок 1): M_{age} = 29.3, SD_{age} = 11.6, 65.6% женщин, M_{income} = 69.4 тыс. руб., SD_{income} = 50.9 тыс. руб., образование (число лет формального обучения): 71.5% — 13–16 лет, 17.1% — 7–12 лет, 8.1% — более 17 лет. Учитывая метод ее сбора и ее социодемографические характеристики, выборка не претендует на репрезентативность. Детальное описание переменных (возраст, пол, образование, доход, социально-экономический статус) представлено в Приложении 1.

Дизайн эксперимента

Как отмечено выше, дизайн исследования предполагал рандомизированное разбиение респондентов на контрольную группу и группу воздействия (см. рисунок 1, подробнее см.: Vlasceanu et al., 2023). Во вводной части опроса респондентам было представлено определение климатических изменений («Изменение климата — это явление, описывающее тот факт, что средняя температура в мире увеличивалась за последние 150 лет и, вероятно, будет увеличиваться еще больше в будущем»), а в ходе стимульного воздействия были проиллюстрированы негативные последствия этих изменений и дана некоторая фактография. Воздействие касалось актуализации комплекса негативных эмоций в связи с неотвратимостью и катастрофическим характером последствий климатических изменений, а также с недостаточностью и несвоевременностью усилий государства и общества по их предотвращению и смягчению. Оценка выраженности исследуемых эмоций осуществлялась в группе

Дизайн исследования и объем выборки

воздействия до и после предъявления стимульного материала⁴. Затем после контроля на внимательность⁵ в обеих группах производилась оценка интенсивности поддержки отдельных мер в составе климатической политики. Наконец, участники предоставляли информацию по ряду социодемографических переменных (пол, возраст, образование, доход, социально-экономический статус) и проходили заключительную проверку на внимательность⁶. Дизайн исследования, опросники и условия исключения участников после проверки на внимательность были перерегистрированы в рамках глобального исследования.

Шкалы и измерения

Измерение эмоций

Уровень выраженности каждой из исследуемых негативных эмоций — тревоги, подавленности, страха, гнева, беспомощности, вины — оценивался респондентами на основе самоотчета по стобалльной шкале (от 0 — «совершенно не испытываю» до 100 — «испытываю очень сильно») до и после экспериментального воздействия. Такая шкала дает возможность более точно отследить сравнительно небольшие изменения в восприятии и выраженности эмоций, а получаемая вариация более пригодна для регрессионного анализа и многомерного моделирования, заявленного в рамках глобального исследования. Во всяком случае использование такой шкалы не ухудшает результаты, по сравнению со стандартными в психологии пятибалльными и семибалльными

⁴ Со стимульным материалом можно ознакомиться здесь: <https://osf.io/3sza6>.

⁵ «Пожалуйста, выберите фиолетовый цвет из представленных ниже. Мы хотим убедиться, что вы внимательно читаете эти вопросы».

⁶ «Вы ознакомились с информацией об изменении климата. Чтобы показать, что вы читаете этот параграф, пожалуйста, напишите слово “шестьдесят” в текстовом поле ниже».

шкалами (Lewis, Erdinç, 2017). В процессе обработки ответы респондентов были стандартизованы в диапазоне [0...1].

Измерение поддержки климатической политики

Поддержка отдельных мер по предотвращению климатических изменений также оценивалась на основе самоотчета посредством стобалльной шкалы уровня согласия (от «Абсолютно не поддерживаю» до «Полностью поддерживаю»). Оценивались следующие меры: повышение налогов на газ/ископаемое топливо/уголь (M1); значительное расширение инфраструктуры общественного транспорта (M2); увеличение количества зарядных станций для электромобилей (M3); увеличение использования устойчивой энергии, такой как энергия ветра и солнца (M4); повышение налогов для авиакомпаний для компенсации выбросов углекислого газа (M5); защита лесов и земельных участков (M6); увеличение инвестиций в экологичные рабочие места и предприятия (M7); введение законов для сохранения чистоты водных путей и океанов (M8); повышение налогов на продукты питания, производимые углеродоемкими отраслями (например, на мясо и молочные продукты) (M9). Обработка результатов также включала стандартизацию ответов в диапазоне [0...1].

Валидность шкал

Как уже было сказано, авторы глобального исследования использовали метод краудсорсинга для выбора экспериментальных вмешательств, разработки шкал и идентификации зависимых переменных путем вовлечения в проект свыше 250 исследователей и экспертов. Затем утвержденные шкалы (как и стимульный материал) были независимо переведены, доработаны и согласованы несколькими экспертами со стороны каждой страны-участницы. Перевод и адаптация для России были осуществлены силами лабораторий и исследовательских групп на базе НИУ ВШЭ, УрФУ и ЮУТУ.

Выбор такого подхода был обусловлен недавними работами (обзор см.: Uhlmann et al., 2019), свидетельствующими о том, что краудсорсинг может повысить качество научных исследований за счет развития идей, инклюзивности, прозрачности, строгости, надежности и ряда других факторов. Однако на фоне неоспоримых преимуществ данный подход ограничивает наши возможности по валидации шкал и идентификации возможных эффектов их адаптации в рамках данной работы. В частности, так как заявленный нами анализ проводится на уровне отдельных компонент поддержки климатической политики, а стимульный материал не дифференцирован на отдельные негативные эмоции, выполнение стандартного факторного анализа для оценки внутренней согласованности выглядит несколько избыточным. Тем не менее оценки внутренней согласованности могут быть получены читателем из результатов моделирования структурными уравнениями (SEM), представленных в соответствующем разделе. Здесь же мы ограничимся факторным анализом данных (см. таблицу 1).

Таблица 1

Факторный анализ данных о поддержке отдельных мер в составе климатической политики

Утверждения	Один фактор		Три фактора			
	Нагрузка	Относ. дисперсия	Нагрузка			Относ. дисперсия
М1: «Я поддерживаю повышение налогов на газ/ископаемое топливо/уголь»	-0.60	0.37	-0.09	0.74	0.21	0.59
М2: «Я поддерживаю значительное расширение инфраструктуры общественного транспорта»	-0.40	0.16	0.06	0.05	0.38	0.15
М3: «Я поддерживаю увеличение количества зарядных станций для электромобилей»	-0.71	0.50	0.69	-0.06	0.14	0.49
М4: «Я поддерживаю увеличение использования устойчивой энергии, такой как энергия ветра и солнца»	-0.80	0.64	0.88	0.07	-0.07	0.79
М5: «Я поддерживаю повышение налогов для авиакомпаний для компенсации выбросов углекислого газа»	-0.58	0.34	0.01	0.80	0.02	0.64
М6: «Я поддерживаю защиту лесов и земельных участков»	-0.63	0.39	0.10	-0.05	0.74	0.56
М7: «Я поддерживаю увеличение инвестиций в экологичные рабочие места и предприятия»	-0.83	0.69	0.80	0.03	0.08	0.65
М8: «Я поддерживаю введение законов для сохранения чистоты водных путей и океанов»	-0.63	0.39	-0.07	-0.04	0.96	0.93
М9: «Я поддерживаю повышение налогов на продукты питания, производимые углеродоемкими отраслями (например, на мясо и молочные продукты)»	-0.48	0.23	0.09	0.83	-0.21	0.74

Примечание. Метод вращения – ротация.

В трехфакторном представлении структурно выделяются факторы, касающиеся поддержки налоговой политики (М1, М5, М9), энергетической инфраструктуры и бизнеса (М3, М4, М7), а также лесов, земельных участков и водоемов (М6, М8). Поэтому в дальнейший анализ также будут включены модели, учитывающие эту структуру.

Перерегистрация, анализ и статистическая обработка данных

До получения экспериментальных данных на платформе OSF нами были перерегистрированы основные методы и базовый алгоритм анализа (см.: <https://osf.io/u4nxx/>): 1. Для контроля экспериментального воздействия выраженность отдельных эмоций до и после представления стимульного материала сравнивается с использованием W -критерия Вилкоксона. 2. Влияние негативного эмоционального состояния на уровень поддержки климатической политики оценивается с использованием U -критерия Манна—Уитни. Контроль множественного сравнения выполняется методом Бонферрони—Холма. Выполнен *post hoc* анализ влияния комплекса негативных эмоций на уровень поддержки климатической политики с помощью моделирования структурными уравнениями (SEM), а также регрессионный анализ влияния социодемографических показателей. Из соображений воспроизводимости предобработка данных, а также все вычисления выполнены с помощью одного Python-скрипта и доступны для ознакомления в открытом доступе по ссылке: <https://osf.io/cbp7e/>.

Результаты

Выраженность негативных эмоций и контроль экспериментального воздействия

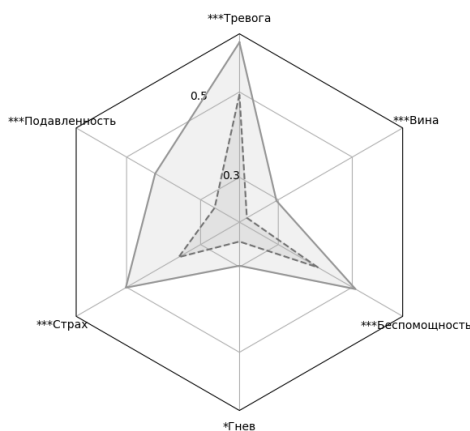
Следуя логике экспериментального дизайна, оценка выраженности исследуемых эмоций осуществлялась в группе воздействия до и после предъявления стимульного материала. На рисунке 2 можно видеть, что исходный уровень негативных эмоций у респондентов в отношении климатических изменений в большей мере связан с тревогой, беспомощностью и страхом. Подавленность и гнев оценивались ими как менее выраженные эмоциональные состояния. В результате воздействия стимульного материала наблюдалось ожидаемое повышение уровня всех заданных эмоциональных состояний (тревога, вина, беспомощность, гнев, страх, подавленность). Наибольшая динамика интенсивности выявлена для состояния подавленности (см. рисунок 2). Динамика интенсивности является статистически значимой на уровне $p < 0.001$ для тревоги, вины, беспомощности, страха, подавленности и на уровне $p = 0.038$ для гнева.

Также статистически значимо отличается средний уровень выраженности всех негативных эмоций до и после воздействия: $M_{\text{before}} = 0.33$, 95%CI [0.31–0.35], $M_{\text{after}} = 0.44$, 95%CI [0.42–0.47], $W_{\text{two-sided}} = 58334.0$, $p < 0.001$, Cohen's $r = 0.42$.

Роль негативных эмоций в поддержке климатической политики

SEM-анализ показывает, что общая выраженность комплекса негативных эмоций положительно связана с поддержкой полного набора исследуемых мер в составе климатической политики (см. рисунок 3а, $M1$ – $M9$, $\beta = 0.365$,

Выраженность негативных эмоций до и после предъявления стимульного материала

Примечание. Пунктирная линия — до воздействия, сплошная — после. Показано p -value для двустороннего W-критерия Вилкоксона, нулевая гипотеза об отсутствии различий в группе до и после воздействия, уровни значимости: * — $p < 0.05$, *** — $p < 0.001$.

$p < 0.001$, Cohen's $r = 0.31$). Также выявлено, что в среднем большую поддержку климатической политики демонстрируют женщины ($\beta = 0.146$, $p = 0.029$, Cohen's $r = 0.14$). С учетом факторной структуры, поддержка налоговой политики (см. рисунок 3б, М1,5,9, $\beta = 0.392$, $p < 0.001$, Cohen's $r = 0.34$) оказывается значимо детерминирована образованием ($\beta = 0.154$, $p = 0.023$, Cohen's $r = 0.14$); поддержка политики в области энергетической инфраструктуры и бизнеса (см. рисунок 3в, М3,4,7, $\beta = 0.350$, $p < 0.001$, Cohen's $r = 0.30$) детерминирована гендером ($\beta = 0.145$, $p = 0.034$, Cohen's $r = 0.14$), а поддержка защиты лесов, земельных участков и водоемов (см. рисунок 3г, М6,8, $\beta = 0.007$, $p = 0.921$), помимо гендера ($\beta = 0.159$, $p = 0.019$, Cohen's $r = 0.15$), отрицательно связана с уровнем дохода респондентов ($\beta = 0.203$, $p = 0.003$, Cohen's $r = -0.19$).

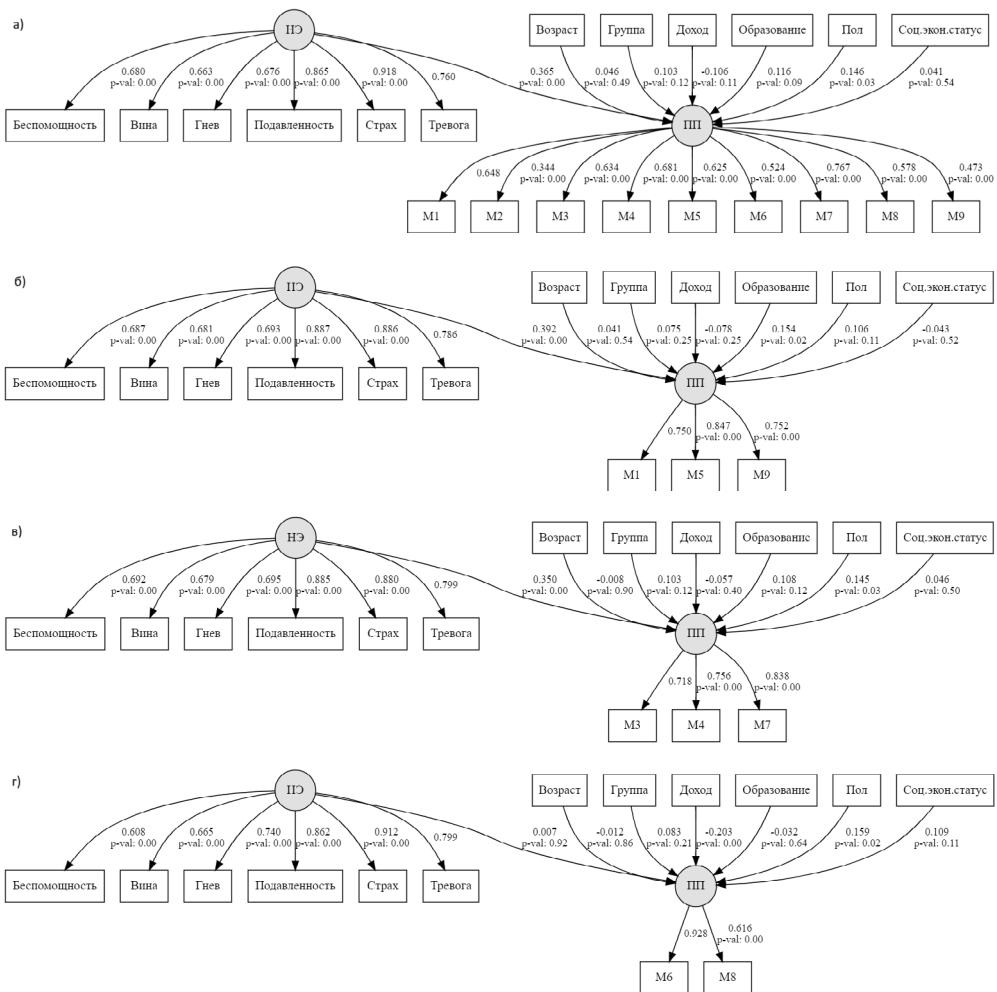
Актуализация негативного эмоционального состояния в целом повышает уровень согласия с большинством из предложенных в эксперименте мер по противодействию климатическим изменениям (рисунок 4). Однако отметим, что статистически значимые результаты получены только в отношении мер, связанных с развитием устойчивой энергетики (М4, $U = 8745.0$, $p < 0.001$, Cohen's $r = 0.33$).

Социодемографические детерминанты

Для оценки влияния отдельных социодемографических переменных на уровень поддержки климатической политики был проведен стандартный регрессионный анализ, отдельно для контрольной и экспериментальной групп (см. Приложение 2).

Рисунок 3

Связь комплекса негативных эмоций с поддержкой климатической политики

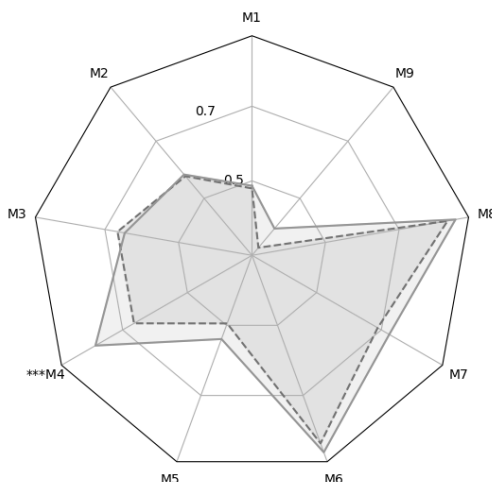

Примечание. а) $\chi^2(194, N = 246, MLW) = 605.67, p < 0.0001, TLI = 0.76, CFI = 0.78, GFI = 0.71, RMSEA = 0.093$; б) $\chi^2(95, N = 246, MLW) = 215.58, p < 0.0001, TLI = 0.89, CFI = 0.91, GFI = 0.84, RMSEA = 0.072$; в) $\chi^2(95, N = 246, MLW) = 222.85, p < 0.0001, TLI = 0.88, CFI = 0.90, GFI = 0.84, RMSEA = 0.074$; г) $\chi^2(82, N = 246, GLS) = 361.44, p < 0.0001, TLI = 0.57, CFI = 0.64, GFI = 0.58, RMSEA = 0.118$. Оценки получены методом bootstrap, 500 итераций, коэффициенты стандартизованы; латентные переменные: НЭ – негативные эмоции, ПП – поддержка климатической политики; «Группа» – фиктивная переменная: 0 – контрольная группа, 1 – группа воздействия.

В контрольной группе наиболее частотным статистически значимым фактором поддержки климатической политики оказался пол (женский); данный параметр вносит положительный вклад в поддержку зарядных станций для электромобилей (M3, $\beta = 0.227, p = 0.046$), использования устойчивой энергии

**Связь негативных эмоций с поддержкой отдельных мер
по противодействию климатическим изменениям**

Примечание. Пунктирная линия – контрольная группа, сплошная – группа воздействия. Показано p -value для двустороннего U-критерия Манна–Уитни, нулевая гипотеза об отсутствии различий в группах, уровни значимости: *** – $p < 0.001$. Расшифровку сокращений см. в таблице 1.

(M4, $\beta = 0.245$, $p = 0.048$), повышения налогов для авиакомпаний (M5, $\beta = 0.285$, $p = 0.014$), защиты лесов и земельных участков (M6, $\beta = 0.308$, $p = 0.007$), увеличения инвестиций в экологичный бизнес (M7, $\beta = 0.464$, $p < 0.001$), законодательного регулирования охраны водных путей и океанов (M8, $\beta = 0.306$, $p = 0.005$), а также повышения налогов на продукты питания, производимые углеродоемкими отраслями (M9, $\beta = 0.246$, $p = 0.041$). Уровень образования респондентов вносит существенный положительный вклад только в поддержку налогов на продукты питания, производимые углеродоемкими отраслями (M9, $\beta = 0.308$, $p = 0.008$). Уровень дохода, наоборот, вносит отрицательный вклад в поддержку расширения инфраструктуры общественного транспорта (M2, $\beta = 0.232$, $p = 0.034$). Статистически состоятельными предиктивными моделями в контрольной группе ($p < 0.05$) являются только модели, предсказывающие поддержку увеличения инвестиций в экологичные рабочие места и бизнес (M7), повышения налогов на продукты питания, производимые углеродоемкими отраслями (M9), и налогов для авиакомпаний (M5).

В экспериментальной группе, где на эмоциональное состояние респондентов оказывалось дополнительное влияние – усиливался негативный эмоциональный фон, – роль социодемографических параметров несколько меняется. Параметр пола (женский) также вносит положительный вклад в поддержку увеличения количества зарядных станций для электромобилей (M3, $\beta = 0.159$, $p = 0.049$), использования устойчивой энергии (M4, $\beta = 0.244$, $p = 0.003$),

повышения налогов для авиакомпаний ($M5$, $\beta = 0.212$, $p = 0.008$), увеличения инвестиций в экологичный бизнес ($M7$, $\beta = 0.279$, $p < 0.001$), законодательного регулирования охраны водных путей и океанов ($M8$, $\beta = 0.190$, $p = 0.021$). При этом в экспериментальной группе, в отличие от контрольной, параметр пола, с одной стороны, перестает быть статистически значимым фактором поддержки защиты лесов и земельных участков ($M6$) и повышения налогов на продукты питания, производимые углеродоемкими отраслями ($M9$), с другой стороны, становится значимым для поддержки повышения налогов на ископаемое топливо ($M1$, $\beta = 0.209$, $p = 0.007$). В экспериментальной группе к статистически состоятельным ($p < 0.05$) добавляются модели, предсказывающие поддержку использования устойчивой энергии ($M4$), а также защиты лесов и земельных участков ($M6$).

Выводы и обсуждение

Исследование показало в целом средний уровень негативных эмоций в отношении изменений климата, что согласуется с данными социологических исследований (см., например: Похьолайнен et al., 2018). Общая поддержка респондентами комплекса мер в составе климатической политики по результатам SEM-анализа оказывается статистически значимой. Это согласуется с результатами исследований, ранее выявивших мотивирующее влияние негативных эмоций в этом контексте (Smith, Leiserowitz, 2014; и др.). Социально-демографические параметры также влияют на степень поддержки мер по противодействию климатическим изменениям. В зависимости от конкретного набора мер значимость приобретают разные социодемографические характеристики респондентов. Например, в отношении поддержки налоговых мер существенное значение приобретает образование, что также согласуется с результатами аналогичных исследований (Kotchen et al., 2013; Douenne, Fabre, 2020). Как и в других странах, в России, по нашим данным, наиболее значимым предиктором в отношении поддержки климатической политики остается пол (женский; см., например: Sautkina et al., 2021; Valko, 2021). Этот факт широко обсуждается в литературе и ставит задачу достижения гендерного равенства в контексте климатической политики (Lau et al., 2021). Интересно также, что возраст (важно подчеркнуть, что наша выборка в среднем достаточно молодая) не обнаруживает статистически значимого влияния ни в одной из моделей, что требует более детального изучения с учетом динамики развития экологического образования в России (Shutaleva et al., 2022).

Наши результаты показывают, что эмоциональная составляющая отношения к ситуации изменения климата характеризуется относительно более высокой выраженностью тревожности и беспомощности, по сравнению с другими негативными эмоциями. Стоит также отметить устойчивость общей картины такого эмоционального отношения и до, и после экспериментального воздействия: сохраняется превалирование таких эмоций, как тревога, страх и беспомощность, по сравнению с более низкими оценками выраженности чувства вины и гнева. После экспериментального воздействия наибольший прирост

наблюдается по показателям состояния подавленности, тогда как вина и гнев остаются по-прежнему наименее выраженными.

Чувства вины и гнева являются более активными (Berkowitz, 2012; Dull et al., 2021), они, как правило, запускают механизмы, направленные на реализацию неких действий — борьбы, противостояния, активного изменения (гнев), стремления исправить ситуацию, изменить свою стратегию поведения (вина). При этом в ряде работ отмечается, что гнев играет основную адаптивную роль в условиях климатической тревоги (см., например: Stanley et al., 2021). Отметим также, что гнев — эмоция, обращенная вовне, связанная с приписыванием ответственности за произошедшее неким внешним по отношению к личности условиям, а чувство вины, напротив, говорит о внутреннем локусе контроля. Таким образом, полученные нами результаты, предположительно, демонстрируют общий тревожный фон, в котором личность не понимает или не ощущает причины и источников возникающих проблем, соответственно, не принимает ответственность на себя. В контексте системной реакции это может приводить как к пассивному созерцанию происходящего, без активной поддержки мер, исходящих от внешних институтов, так и к отсутствию значительных изменений в собственных поведенческих моделях, что является серьезным препятствием для реализации климатической политики (Gifford, 2011; Whitmarsh, 2009).

Анализируя содержательную сторону более и менее поддерживаемых мер противодействия климатическим изменениям как в контрольной, так и в экспериментальной группах, можно проследить некоторую закономерность. Наиболее поддерживаемыми мерами оказались защита лесов и земельных участков (M6), введение законов для сохранения чистоты водных путей и океанов (M8), увеличение использования устойчивой энергии, такой как энергия ветра и солнца (M4), увеличение инвестиций в экологичные рабочие места и предприятия (M7). Данные меры выглядят довольно широкими, абстрактными, приносящими пользу респондентам (чистые воздух и водоемы, снижение стоимости электроэнергии, качественные/новые рабочие места) и не требующими от них прямого участия или личного вклада. По всей видимости, эти меры также являются и наиболее знакомыми для опрашиваемых, так как отражают действующие приоритеты государственной экологической политики⁷.

Наименее поддерживаются повышение налогов на газ/ископаемое топливо/уголь (M1), повышение налогов для авиакомпаний для компенсации выбросов углекислого газа (M5), повышение налогов на продукты питания, производимые углеродоемкими отраслями (M9), т.е. те меры, которые явно влекут за собой соответствующие финансовые потери для респондентов (увеличение стоимости топлива, авиабилетов, продуктов питания). Таким образом, можно констатировать их скрытое нежелание поддерживать меры, основанные на личном вкладе, опосредованном государством (в данном случае косвенном, в виде повышения налогов). Это наблюдение отчасти согласуется

---

⁷ Экоповестка 2022–2023: Мода на ESG сменилась стратегией и образом жизни / Национальные приоритеты, 2023. <https://xn--80aapamcavoccigmpc9ab4d0fkj.xn--p1ai/news/ekopovestka-2022-2023-moda-na-esg-smenilas-strategiyey-i-obrazom-zhizni/>

и с результатами западных исследований (см., например: Kotchen et al., 2013; Douenne, Fabre, 2020), и с отечественными социологическими опросами⁸.

Итак, в настоящей работе экспериментально с применением различных методов анализа подтверждена гипотеза о влиянии негативных эмоций и ряда социодемографических факторов на уровень поддержки различных государственных мер противодействия климатическим изменениям.

Полученные результаты указывают на необходимость разработки взвешенной коммуникационной стратегии для привлечения внимания российского общества к климатическим изменениям, ознакомления его с краткосрочными и долгосрочными эффектами введения различных мер противодействия изменению климата, к формированию информационного поля, способствующего созданию эмоционального отношения к проблеме и максимально эффективного для поддержки предложенных государством мер.

Ограничения и перспективы дальнейшего исследования

Во-первых, помимо необходимости преодоления очевидных ограничений, связанных с методом сбора данных и их репрезентативностью, стоит еще раз подчеркнуть необходимость расширенного описания характеристик, валидации и кросс-валидации измерительного инструментария. Хотя ограничения инструментария частично снимаются благодаря строгой предварительной регистрации, отсутствие детального описания затрудняет его применение в дальнейших независимых исследованиях. К сожалению, эта задача находится целиком в зоне ответственности авторского коллектива коллаборации и выходит за рамки данной статьи.

Во-вторых, объяснительная сила полученных регрессионных моделей на основе индивидуальных социодемографических характеристик оказывается невелика, коэффициент детерминации варьирует от 0.03 до 0.26 (по статистически значимым моделям — от 0.08 до 0.26). Это означает, в частности, что в российском контексте наряду с социодемографическими детерминантами необходимо включать в эксперименты и глубже анализировать другие предикторы (см., например: Sautkina et al., 2021).

Возможно также, что более точной оценки эффективности экспериментального воздействия можно было бы добиться, замеряя уровень знаний испытуемых в области защиты окружающей среды, а также включив в материалы опроса более подробное разъяснение сути упоминаемых мер противодействия изменениям климата.

Так или иначе, на фоне недостатка экспериментальных работ в этой области в России мы призываем исследователей объединить усилия по дальнейшему изучению полученных данных и проведению новых экспериментов в целях контроля воспроизводимости полученных в исследовании результатов.

---

⁸ Экологическая повестка как стратегический ориентир российской экономики и общества: доклад при участии НАФИ / Национальные проекты РФ, 2022. https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/Ecology/Doklad_Ecology_16.01.2023.pdf

Литература

- Кошкина, Н. Р. (2020). Государственная политика Российской Федерации в области борьбы с изменением климата. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 12(3), 441–454. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-441-454>
- Сауткина, Е. В., Агисова, Ф. Б., Иванова, А. А., Иванде, К. С., Кабанова, В. С. (2022). Проэкологическое поведение в России. Систематический обзор исследований. *Экспериментальная психология*, 15(2), 172–193. <https://doi.org/10.17759/exrpsy.2022150213>
- Похьолайнен, П., Кукконенд, И., Йокинен, П., Поортинга, В., Умит, Р. (2018). *Общественное мнение об изменении климата и энергетической безопасности в Европе и России: Результаты Восьмой волны Европейского социального исследования*. European Social Survey. https://web.archive.org/web/20220331212843/https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS8_pawcer_climate_RU.pdf

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Anisimov, O., & Orttung, R. (2019). Climate change in Northern Russia through the prism of public perception. *Ambio*, 48(6), 661–671. <https://doi.org/10.1007/s13280-018-1096-x>
- Berkowitz, L. (2012). A different view of anger: the cognitive-neoassociation conception of the relation of anger to aggression. *Aggressive Behavior*, 38(4), 322–333. <https://doi.org/10.1002/ab.21432>
- Bissing-Olson, M. J., Fielding, K. S., & Iyer, A. (2016). Experiences of pride, not guilt, predict pro-environmental behavior when pro-environmental descriptive norms are more positive. *Journal of Environmental Psychology*, 45, 145–153. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.01.001>
- Blankenberg, A., & Alhusen, H. (2019). On the determinants of pro-environmental behavior: A literature review and guide for the empirical economist (Center for European, Governance, and Economic Development Research (CEGE), no. 350). <https://doi.org/10.2139/ssrn.3473702>
- Brosch, T. (2021). Affect and emotions as drivers of climate change perception and action: a review. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 42, 15–21. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2021.02.001>
- Brosch, T., & Steg, L. (2021). Leveraging emotion for sustainable action. *One Earth*, 4(12), 1693–1703. <https://doi.org/10.1016/j.oneear.2021.11.006>
- Carmi, N., Arnon, S., & Orion, N. (2015). Transforming environmental knowledge into behavior: The mediating role of environmental emotions. *The Journal of Environmental Education*, 46, 183–201. <https://doi.org/10.1080/00958964.2015.1028517>
- Chapman, D. A., Lickel, B., & Markowitz, E. M. (2017). Reassessing emotion in climate change communication. *Nature Climate Change*, 7(12), 850–852. <https://doi.org/10.1038/s41558-017-0021-9>
- Douenne, T., & Fabre, A. (2020). French attitudes on climate change, carbon taxation and other climate policies. *Ecological Economics*, 169, Article 106496. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106496>
- Dull, B. D., Hoyt, L. T., Grzanka, P. R., & Zeiders, K. H. (2021). Can white guilt motivate action? The role of civic beliefs. *Journal of Youth and Adolescence*, 50, 1081–1097. <https://doi.org/10.1007/s10964-021-01401-7>
- Fritze, J. G., Blashki, G. A., Burke, S., & Wiseman, J. (2008). Hope, despair and transformation: Climate change and the promotion of mental health and wellbeing. *International Journal of Mental Health Systems*, 2, Article 13. <https://doi.org/10.1186/1752-4458-2-13>

- Gifford, R. (2011). The dragons of inaction: psychological barriers that limit climate change mitigation and adaptation. *American Psychologist*, *66*(4), 290–302. <https://doi.org/10.1037/a0023566>
- Haj-Salem, N., & Al-Hawari, M. A. (2021). Predictors of recycling behavior: the role of self-conscious emotions. *Journal of Social Marketing*, *11*(3), 204–223. <https://doi.org/10.1108/JSOCM-06-2020-0110>
- Hickman, C., Marks, E., Pihkala, P., Clayton, S., Lewandowski, R. E., Mayall, E. E., Wray, B., Mellor, C., & van Susteren, L. (2021). Climate anxiety in children and young people and their beliefs about government responses to climate change: a global survey. *The Lancet Planetary Health*, *5*(12), 863–873. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(21\)00278-3](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(21)00278-3)
- Hornsey, M. J., & Fielding, K. S. (2016). A cautionary note about messages of hope: focusing on progress in reducing carbon emissions weakens mitigation motivation. *Global Environmental Change*, *39*, 26–34. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2016.04.003>
- Ibanez, L., Moureau, N., & Roussel, S. (2017). How do incidental emotions impact pro-environmental behavior? Evidence from the dictator game. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, *66*, 150–155. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2016.04.003>
- Ibanez, L., & Roussel, S. (2021). The effects of induced emotions on environmental preferences and behavior: An experimental study. *PLoS ONE*, *16*(9), Article e0258045. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258045>
- IPCC. (2018). *IPCC special report on the impacts of global warming of 1.5°C. Summary for policymakers*. <https://www.ipcc.ch/sr15/>
- Jensen, T. (2019). *Ecologies of guilt in environmental rhetorics* (Palgrave Studies in Media and Environmental Communication). Palgrave Pivot.
- Koshkina, N. R. (2020). The Russian Federation state policy in combating climate change. *Ars Administrandi (Iskusstvo Upravleniya)*, *12*(3), 441–454. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-441-454> (in Russian)
- Kotchen, M. J., Boyle, K. J., & Leiserowitz, A. A. (2013). Willingness-to-pay and policy-instrument choice for climate-change policy in the United States. *Energy Policy*, *55*, 617–625. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2012.12.058>
- Lau, J. D., Kleiber, D., Lawless, S., & Cohen, P. J. (2021). Gender equality in climate policy and practice hindered by assumptions. *Nature Climate Change*, *11*, 186–192. <https://doi.org/10.1038/s41558-021-00999-7>
- Leviston, Z., & Walker, I. (2012). Beliefs and denials about climate change: an Australian perspective. *Ecopsychology*, *4*(4), 277–285. <https://doi.org/10.1089/eco.2012.0051>
- Lewis, J. R., & Erdinc, O. O. (2017). User experience rating scales with 7, 11, or 101 points: does it matter? *Journal of Usability Studies*, *12*, 73–91.
- Lu, H., & Schuldt, J. P. (2016). Compassion for climate change victims and support for mitigation policy. *Journal of Environmental Psychology*, *45*, 192–200. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.01.007>
- Mann, M. E., Hassol, S. J., & Toles, T. (2017, July 12). Doomsday scenarios are as harmful as climate change denial. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/opinions/doomsday-scenarios-are-as-harmful-as-climate-change-denial/2017/07/12/880ed002-6714-11e7-a1d7-9a32c91c6f40_story.html
- McQueen, A. (2021). The wages of fear? Toward fearing well about climate change. In M. Budolfson, T. McPherson, & D. Plunkett (Eds.), *Philosophy and climate change* (pp. 152–177). London, England: Oxford University Press.
- Myers, T. A., Nisbet, M. C., Maibach, E. W., & Leiserowitz, A. A. (2012). A public health frame arouses hopeful emotions about climate change. *Climatic Change*, *113*, 1105–1112. <https://doi.org/10.1007/s10584-012-0513-6>

- O'Neill, S., & Nicholson-Cole, S. (2009). "Fear won't do it": promoting positive engagement with climate change through visual and iconic representations. *Science Communication*, 30(3), 355–379. <https://doi.org/10.1177/1075547008329201>
- Pohjolainen, P., Kukkonen, I., Jokinen, P., Poortinga, W., & Umit, R. (2018). *Obshchestvennoe mnenie ob izmenenii klimata i energeticheskoi bezopasnosti v Evrope i Rossii: Rezul'taty Vos'moi volny Evropeiskogo sotsial'nogo issledovaniya* [Public opinion on climate change and energy security in Europe and Russia: Results of the Eighth Wave of the European Social Survey]. European Social Survey. https://web.archive.org/web/20220331212843/https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS8_pawcer_climate_RU.pdf
- Rezvani, Z., Jansson, J., & Bengtsson, M. (2017). Cause I'll feel good! An investigation into the effects of anticipated emotions and personal moral norms on consumer pro-environmental behavior. *Journal of Promotion Management*, 23, 163–183. <https://doi.org/10.1080/10496491.2016.1267681>
- Sautkina, E., Agissova, F., Ivanova, A., Ivande, K., & Kabanova, V. (2022). Pro-environmental behavior in Russia. A systematic review of research. *Ekspieriment'naya Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 15(2), 172–193. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213> (in Russian)
- Sautkina, E., Agissova, F., Ivanova, A., Ivande, K., Kabanova, V., & Patrakova, N. (2021). *Political, environmental and social determinants of pro-environmental behaviour in Russia* (Working Paper No. WP BRP 130/PSY/2021). Higher School of Economics. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3995972>
- Schneider, C. R., Zaval, L., & Markowitz, E. M. (2021). Positive emotions and climate change. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 42, 114–120. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2021.04.009>
- Shutaleva, A., Martyushev, N., Nikonova, Z., Savchenko, I., Abramova, S., Lubimova, V., & Novgorodtseva, A. (2022). Environmental behavior of youth and sustainable development. *Sustainability*, 14(1), Article 250. <https://doi.org/10.3390/su14010250>
- Slovic, P., Finucane, M. L., Peters, E., & MacGregor, D. G. (2004). Risk as analysis and risk as feelings: some thoughts about affect, reason, risk, and rationality. *Risk Analysis*, 24(2), 311–322. <https://doi.org/10.1111/j.0272-4332.2004.00433.x>
- Smith, N., & Leiserowitz, A. (2014). The role of emotion in global warming policy support and opposition. *Risk Analysis*, 34(5), 937–948. <https://doi.org/10.1111/risa.12140>
- Stanley, S. K., Hogg, T. L., Leviston, Z., & Walker, I. (2021). From anger to action: Differential impacts of eco-anxiety, eco-depression, and eco-anger on climate action and wellbeing. *The Journal of Climate Change and Health*, 1, Article 100003. <https://doi.org/10.1016/j.joclim.2021.100003>
- Stewart, A. E. (2021). Psychometric properties of the Climate Change Worry Scale. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(2), Article 494. <https://doi.org/10.3390/ijerph18020494>
- Tapia-Fonllem, C., Corral-Verdugo, V., Gutiérrez-Sida, C., Mireles-Acosta, J., & Tirado-Medina, H. (2013). Emotions and pro-environmental behaviour. In *Psychological approaches to sustainability: Current trends in theory, research and applications* (pp. 247–265). Hauppauge, N.Y.: Nova Science Publishers.
- Taufique, K. M. R. (2022). Integrating environmental values and emotion in green marketing communications inducing sustainable consumer behaviour. *Journal of Marketing Communications*, 28, 272–290. <https://doi.org/10.1080/13527266.2020.1866645>
- Uhlmann, E. L., Ebersole, C. R., Chartier, C. R., Errington, T. M., Kidwell, M. C., Lai, C. K., McCarthy, R. J., Riegelman, A., Silberzahn, R., & Nosek, B. A. (2019). Scientific utopia III: Crowdsourcing science. *Perspectives on Psychological Science*, 14(5), 711–733. <https://doi.org/10.1177/1745691619850561>

- Valko, D. (2021). Environmental attitudes and contextual stimuli in emerging environmental culture: An empirical study from Russia. *Sustainable Production and Consumption*, 27, 2075–2089. <https://doi.org/10.1016/j.spc.2021.05.008>
- Vlasceanu, M., Doell, K. C., Bak-Coleman, J., Grayson, S., Pei, Y., Pronizius, E., Goldwert, D., Patel, Y., Vlasceanu, D., Constantino, S., Moralis, M. J., Chakroff, A., Aglioti, S. M., Alfano, M., Alvarado-Yepez, A. J., Andersen, A., Anseel, F., Apps, M., Asadli, C., ... Van Bavel, J. J. (2023). Addressing climate change with behavioral science: A global intervention tournament in 63 countries. *Science Advances* (under review).
- Wang, S., Leviston, Z., Hurlstone, M., Lawrence, C., & Walker, I. (2018). Emotions predict policy support: Why it matters how people feel about climate change. *Global Environmental Change*, 50, 25–40. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2018.03.002>
- Whitmarsh, L. (2009). Behavioural responses to climate change: Asymmetry of intentions and impacts. *Journal of Environmental Psychology*, 29(1), 13–23. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.05.003>
- Xu, F., & Huang, L. (2022). The influence of trait emotion and spatial distance on risky choice under the framework of gain and loss. *Frontiers in Psychology*, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.592584>

Приложение 1

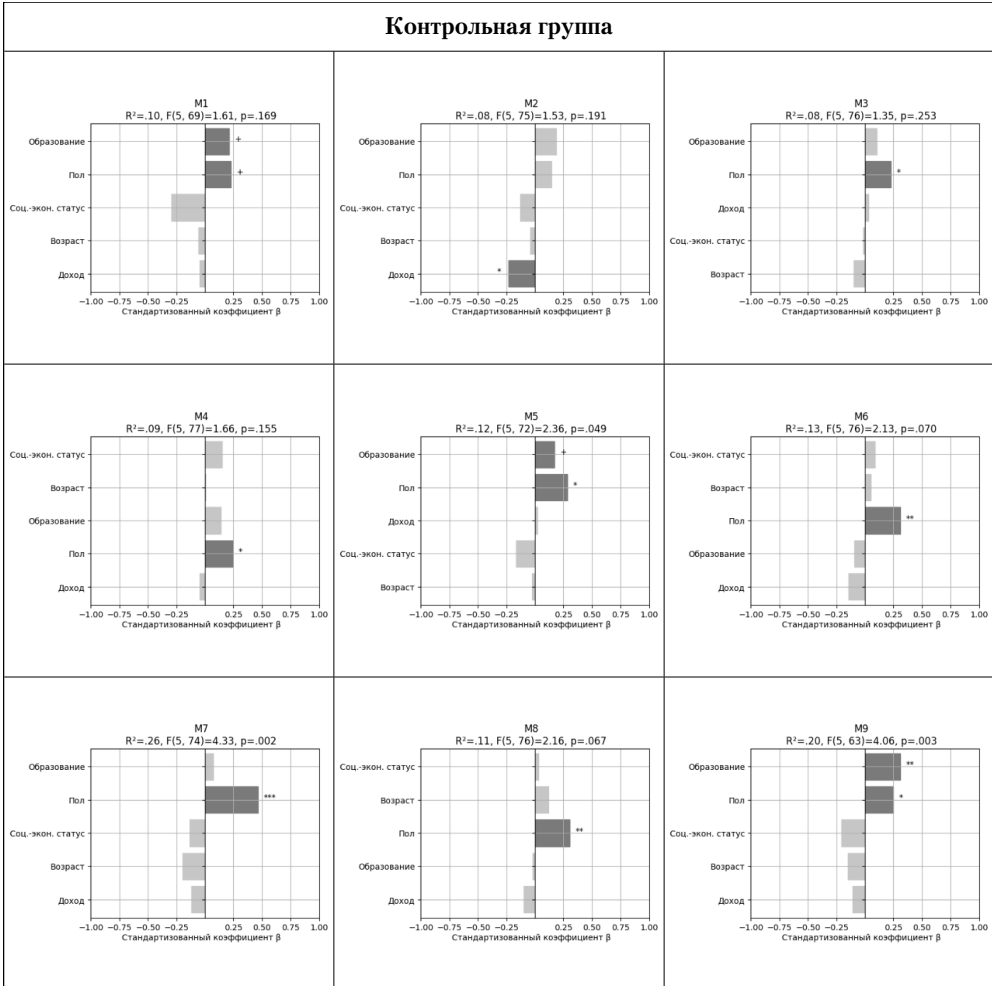
Общая характеристика выборки

Переменная	Контрольная группа $n_c = 112$				Группа воздействия $n_e = 134$			
	min	max	mean	std	min	max	mean	std
Возраст	18	65	29.93	11.94	18	75	28.87	11.41
Пол	0	1	0.63	0.49	0	1	0.68	0.47
Образование	1	3	1.89	0.52	1	3	1.92	0.49
Доход	0	7	3.48	1.69	0	7	3.62	1.39
Социально-экономический статус	0.14	1	0.94	0.16	0.14	1	0.89	0.21

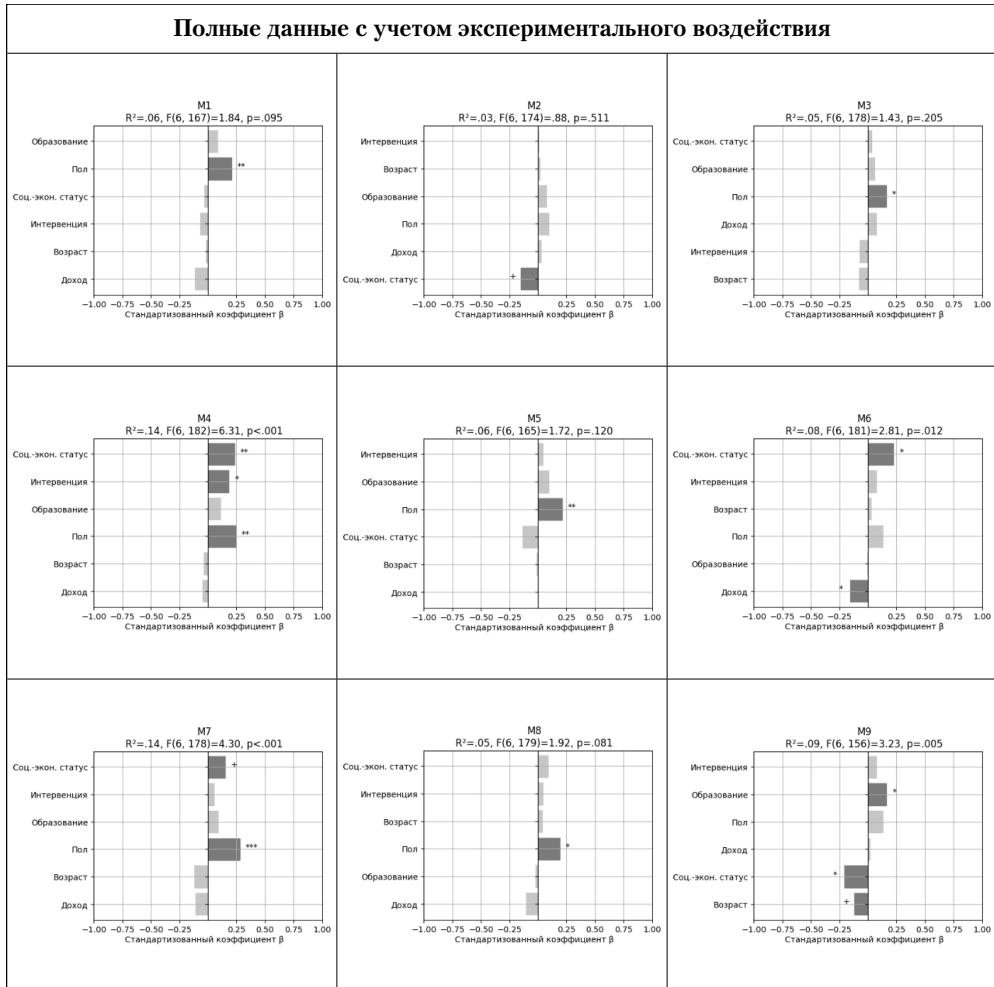
Примечание. Кодировка: пол: 0 – мужской / 1 – женский; формальное образование (количество лет): 0 – 0–6 лет, начальная школа или менее / 1 – 7–12 лет, старшая школа / 2 – 13–16 лет, колледж/бакалавриат/сертификационная подготовка / 3 – более 17 лет, научная степень и т.д.; доход семьи в месяц: 0 – менее 15 тыс. руб. / 1 – от 15 тыс. руб. до 19 тыс. руб. / 2 – от 20 тыс. руб. до 24 тыс. руб. / 3 – от 25 тыс. руб. до 49 тыс. руб. / 4 – от 50 тыс. руб. до 99 тыс. руб. / 5 – от 100 тыс. руб. до 149 тыс. руб. / 6 – от 150 тыс. руб. до 199 тыс. руб. / 7 – более 200 тыс. руб.; социоэкономический статус: отношение числа доступных дома предметов из списка – компьютер, пылесос, телевизор, стиральная машина, холодильник, отдельная ванная, отдельная кухня – к размеру набора (7).

Регрессионный анализ социодемографических детерминант

Приложение 2 (окончание)

Примечание. Показаны уровни значимости: + – $p < 0.10$, * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$, *** – $p < 0.001$. Коэффициенты стандартизованы. Сокращения: «Интервенция» – метка группы: 0 – контрольная / 1 – воздействие; зависимая переменная: «Я поддерживаю повышение налогов на газ/ископаемое топливо/уголь» (M1), «Я поддерживаю значительное расширение инфраструктуры общественного транспорта» (M2), «Я поддерживаю увеличение количества зарядных станций для электромобилей» (M3), «Я поддерживаю увеличение использования устойчивой энергии, такой как энергия ветра и солнца» (M4), «Я поддерживаю повышение налогов для авиакомпаний для компенсации выбросов углекислого газа» (M5), «Я поддерживаю защиту лесов и земельных участков» (M6), «Я поддерживаю увеличение инвестиций в экологичные рабочие места и предприятия» (M7), «Я поддерживаю введение законов для сохранения чистоты водных путей и океанов» (M8) и «Я поддерживаю повышение налогов на продукты питания, производимые углеродоемкими отраслями (например, мясо и молочные продукты)» (M9).

ОСОБЕННОСТИ ПРОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДОРОЖНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА В УСЛОВИЯХ РИСКА (НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИИ COVID-19)

Т.В. КОЧЕТОВА^а

^а ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 127051, Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29

The Specifics of Pro-Environmental Traffic Behavior of Metropolitan Residents under Risk Conditions (By the Example of the COVID-19 Pandemic)

T.V. Kochetova^a

^a Moscow State University of Psychology and Education, 29 Sretenka Str., Moscow, 127051, Russian Federation

Резюме

В настоящей статье рассматриваются результаты пилотажного исследования транспортного поведения жителей мегаполиса, связанного с предпочтениями более экологичных видов транспорта в ситуации высокого риска — пандемии COVID-19. Выборку исследования составили жители Москвы и Московской области: 58 человек (23 мужчины и 35 женщин). Были собраны данные об их предпочтениях при выборе транспорта в периоды до и во время пандемии (оценки собирались в ситуации наиболее острой изоляции) и спустя 6 месяцев пандемии (повторный опрос). Из первоначальной выборки количество респондентов, прошедших повторный опрос, составило 29 человек. Результаты проведенного пилотажного исследования показали, что жители мегаполиса существенно ограничили свои передвижения на общественном транспорте (как более удобном и более экологичном) во время пандемии, предпочитая использование личного автомобиля. Однако спустя полгода после снятия жестких ограничений мобильности и снижения уровня риска

Abstract

This article discusses the results of a pilot study of the traffic behavior of metropolitan residents associated with preferences for choosing more environmentally friendly modes of transport in a high-risk situation caused by the COVID-19 pandemic. The study sample consisted of residents of Moscow and the Moscow region: 58 people (23 men and 35 women). Pre-pandemic and during-pandemic preferences were collected (scores were collected in the most acute lockdown situation), and data were collected 6 months after the pandemic (re-survey). Of the original sample, the number of respondents who completed the second survey was 29 people. The results of the pilot study showed that residents of the metropolis significantly limited their travel by public transport (as more convenient and more environmentally friendly) during the pandemic, preferring to use their own car. However, six months after the lifting of

заражения COVID-19 (в летний период) выбор в пользу общественного транспорта стал возвращаться на допандемийный уровень. Также обнаружена положительная динамика в предпочтениях езды на велосипеде как активного способа передвижения. Полученные результаты продемонстрировали важность и необходимость, во-первых, проведения комплексных исследований, направленных на изучение предпочтений более экологически чистых видов транспорта, и, во-вторых, разработки мер, направленных на постепенное изменение паттернов, характерных для проэкологического поведения (например, использование общественного транспорта, велосипеда, электросамоката, отказ от использования дизельного топлива и др.) населения крупных городов. Такого рода меры должны стать частью государственной политики и отдельных локальных инициатив, направленных на формирование проэкологического сознания, обеспечивающего более оптимальное взаимодействие человека с окружающей средой мегаполиса.

Ключевые слова: транспортное поведение, проэкологическое сознание, проэкологическое поведение, риск, активный способ передвижения, мобильность, COVID-19.

Кочетова Татьяна Викторовна — доцент, кафедра психологии управления, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: социальное поведение, социальная психология, прикладная психология дорожного движения. Контакты: kochetovatv@gmail.com

severe mobility restrictions and the reduction in the risk of COVID-19 infection (during the summer period), the choice in favor of public transport began to return to the pre-pandemic level. A positive trend was found in the preferences for using a bicycle as an active mode of transportation. The results obtained demonstrated the importance and necessity of: firstly, conducting comprehensive studies aimed at studying the preferences of more environmentally friendly modes of transport, and, secondly, developing measures aimed at gradually changing the patterns of pro-environmental behavior of the population of large cities. Such measures should become part of the state policy and individual local initiatives aimed at creating a pro-environmental consciousness that ensures a more optimal interaction between a person and the metropolis environment.

Keywords: traffic behavior, pro-environmental consciousness, risk, active mode of transportation, mobility, COVID-19.

Tatiana V. Kochetova — Assistant Professor at the Chair of Management Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, PhD in Psychology. Research Area: social behavior, social psychology, applied psychology of traffic. E-mail: kochetovatv@gmail.com

В последние десятилетия в психологических исследованиях все чаще можно встретить работы, посвященные самым различным аспектам проэкологического поведения жителей современных мегаполисов. Эти исследования носят междисциплинарный характер и позволяют сфокусировать внимание, во-первых, на внешних (средовых) и, во-вторых, на внутренних (детерминантах) факторах проэкологического поведения.

На стыке урбанистики, социальной и экологической психологии возникают работы, направленные на рассмотрение факторов проэкологического поведения в условиях мегаполисов (Гейл, 2012; Ершова, 2023; Grazi et al.,

2008)¹. Например, изучается отношение жителей к организации городских пространств и к удобству их использования с учетом доступности и мобильности (Гейл, 2012). В процессе изучения пространств Москвы как крупного современного мегаполиса было обнаружено, что большинство набережных, площадей и улиц города воспринимаются жителями как «пространства для машин», а не для пешеходов. Подобный вывод заставил задуматься об отношении к проблеме экологичности столицы России как фактору, обеспечивающему ее безопасность, комфортность и привлекательность для жизни (Ершова, 2023; Кочетков, 2011; Мдивани, Хисамбеев, 2017).

Среди работ, посвященных изучению внутренних (психологических) детерминант проэкологического поведения в мегаполисе, выделяются исследования, посвященные анализу установок жителей по различным вопросам, связанным с загрязнением окружающей среды, а также характеристик конкретных проэкологических поведенческих паттернов, которые эти жители используют. К числу таких паттернов, на наш взгляд, относится передвижение на личном или общественном транспорте (Risser, Sucha, 2020).

Такой акцент не является случайным. Действительно, одна из основных проблем использования транспорта в крупных городах напрямую связана с загрязнением им окружающей среды, и в первую очередь воздуха (Ершова, 2023). Приходится констатировать, что существующая потребность человека в мобильности и передвижении посредством транспорта не может быть блокирована по мере развития общества. Возможно, именно поэтому в последние годы появляется все больше узконаправленных психологических исследований, сфокусированных на изучении предпочтений жителей мегаполисов, которые чаще всего выбирают более экологичные способы передвижения (Кочетова, 2021). Так, подчеркивается необходимость рассмотрения мотивов человека, лежащих в основе его предпочтений относительно общественного или личного транспорта, а также поиска способов убеждения и формирования установок, позволяющих выбирать такой способ передвижения, который в наименьшей степени способен оказывать влияние на глобальные климатические изменения (Ершова, 2023; Кочетова, 2021).

Понятно, что решение проблем, связанных с охраной окружающей среды в общем и со снижением негативных последствий пользования автотранспортом в частности, лежит не только в русле развития инноваций (например, производства электромобилей), но и в русле психологическом (Risser, Sucha, 2020). Несмотря на это, специальных исследований отношения к экологическим проблемам жителей современного мегаполиса явно недостаточно. Данная проблематика в отечественной психологии в основном представлена

---

¹ Подчеркнем, что само по себе понятие проэкологического поведения до сих пор не получило широкого распространения в литературе. Так, в наиболее общем виде его можно охарактеризовать не только как осознанное отношение к природным ресурсам, но и как конкретную деятельность, направленную на минимизацию негативных последствий воздействия отдельного человека и группы людей на окружающую среду (Ершова, 2023). Таким образом, проэкологическое поведение — понятие социальное, так как напрямую связано с социальной средой.

исследованиями, имеющими отношение прежде всего к сфере «человек — природа в целом» и «человек — природный объект» (Дерябо, Ясвин, 1996; Кочетков, 2011; Ясвин, 2000).

На наш взгляд, интересным с точки зрения науки и ее практического выхода может быть проведение перспективных исследований на стыке экологической психологии и психологии дорожного движения. Именно в таком контексте вызывает интерес рассмотрение паттернов проэкологического поведения жителей современного мегаполиса, затрагивающего особенности их передвижения, их микромобильность (Risser, Sucha, 2020; Montere-de-i-Bort et al., 2022).

Представляется, что такого рода исследования могут ответить на вызовы современности, в первую очередь, связанные с загрязнением окружающей среды, и способствовать формированию экологического сознания и соответствующего отношения к природе в условиях городской среды.

В данном контексте особый интерес вызывают исследования динамики передвижения жителей мегаполиса во время пандемии COVID-19, когда были наложены искусственные ограничения на мобильность, связанные с риском распространения заболевания. Действительно, при угрозе заболевания предпочтения личного автотранспорта стали более распространенными, нежели общественного. Более того, в этот период некоторые авторы стали отмечать одновременное проявление так называемых «негативных» и «позитивных» эффектов пандемии: рост предпочтений личного автомобиля («негативный» эффект) с одновременным ростом предпочтений велосипеда при передвижении на небольшие расстояния в городской среде («позитивный» эффект) (Abdullah et al., 2020; Alonso-Almeida et al., 2022; Montere-de-i-Bort et al., 2022).

Постановка проблемы

В Государственном докладе 2020 г. о санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации говорится, что на первом месте по степени негативного воздействия стоит автомобильный транспорт, а максимальный уровень загрязнения воздуха как в Москве, так и в мировых городах отмечается на территориях, прилегающих к крупным автотрассам (О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году, 2021).

Казалось бы, активное внедрение общественного транспорта (троллейбусов, электробусов, трамваев) способствует решению проблемы экологичности в пространстве современного мегаполиса. Однако именно здесь и встает вопрос отношения населения города к подобного рода инициативам. Не стоит забывать, что пробки в крупных городах образуются в основной своей массе из личных автомобилей, владельцы которых могут негативно воспринять подобную реконструкцию и внедрение общественного транспорта (Ершова, 2023). Одновременно с этим граждане, передвигающиеся исключительно на общественном транспорте, могут поддержать данную инициативу. Ввиду

вышесказанного налицо конфликт социальных установок: с одной стороны, имеется инициатива, связанная с внедрением общественного транспорта на улицах города и программы пропаганды безопасности и проэкологичности, а с другой — необходимость учитывать мнение автолюбителей, чье право на сохранение личного пространства в виде собственного автомобиля не должно быть ущемлено. Отдельного интереса заслуживает рассмотрение выбора проэкологических приемов и способов дорожного поведения², позволяющих сохранять баланс между стремлением к комфортности и установкой на поддержание экологически благоприятной городской среды.

Особую роль здесь играет общее отношение индивида к природной среде, которая по отношению к человеку выступает в качестве функциональной целостной системы, обеспечивающей его жизнедеятельность. Мир природы, субъективно воспринимаемый человеком, составляют значимые природные объекты и природные комплексы. Так, природа как среда выступает фоном, на котором разворачивается деятельность тех или иных субъектов — жителей современного мегаполиса (Кочетков, 2011; Ясвин, 2000).

В данном контексте отдельного внимания заслуживает рассмотрение собственно психологических установок взаимодействия индивида и среды в целом и городской среды в частности. Показательны в этом отношении исследования, затрагивающие вопросы функционирования экологического сознания, обеспечивающего установки и мотивы проэкологического поведения человека (экологическую обеспокоенность состоянием городской среды, стремление к ее защите, мотивацию к снижению загрязнения в крупных городах и др.) (Risser, Sucha, 2020). Особую остроту данная проблематика приобрела в период пандемии COVID-19, поскольку именно ситуация высокого риска (риска заражения вирусом) обуславливает смещение акцентов с экологичности в пользу безопасности. Динамика предпочтений в выборе вида транспорта оказалась весьма показательной для анализа того, как именно изменяются установки граждан относительно их транспортного поведения и передвижения (Muley et al., 2020; Risser, Sucha, 2020).

Так, в ряде исследовательских инициатив, изучающих последствия вспышки COVID-19, было обнаружено, что наблюдается значительное снижение мобильности людей, меняются схемы их передвижения (Anke et al., 2020; Monterde-i-Bort et al., 2022). Во время пандемии было зафиксировано существенное сокращение времени поездок и пребывания в общественном транспорте (Chan et al., 2020). Другие авторы показали, что количество ежедневных поездок в среднем на одного жителя мегаполиса сократилось на 50% во время периода изоляции, но увеличилось количество пеших прогулок. Причем личные автомобили в основном использовались для поездок на работу (не в личных целях), а доля использования общественного транспорта для поездок на работу значительно сократилась. Продолжительность поездки в целом увеличилась за счет скоплений и пробок, однако увеличение времени не сказывалось на выборе именно личного транспорта, поскольку он воспринимался как более безопасный (Barbieri et al., 2021; Muley et al., 2020).

---

² Т.е. поведения, связанного с передвижением и мобильностью.

Дж. Анке и др. изучили последствия пандемии, разрушительной для мобильности населения. Они провели масштабное исследование в разных районах Германии во время изоляции. Полученные данные свидетельствуют в пользу практически полного отказа жителей от общественного транспорта и увеличения использования личных и арендуемых автомобилей для поездок (Anke et al., 2020).

Результаты данного исследования нашли подтверждение в работах других авторов. Так, Д. Мулей с коллегами показали, что доля использования общественного транспорта значительно сократилась во время пандемии, люди предпочли личные автомобили и/или велосипеды. Изменения в пользу выбора велосипеда как более проэкологичного вида транспорта оказали положительное влияние на загрязнение воздуха в городской среде (Muley et al., 2020).

Подобные же результаты были получены К. Эйзенман с соавт., которые изучали изменения в индивидуальных предпочтениях способа передвижения — на велосипеде и общественном транспорте — за весь период пандемии (Eisenmann et al., 2021). Были также отмечены изменения в восприятии альтернативных способов передвижения (такси, велосипедов) для тех жителей мегаполиса, которые не имели личных автомобилей. Результаты показали, что в период высокого риска заражения и серьезных ограничений мобильности общественный транспорт потерял свои позиции, в то время как значение личных транспортных средств существенно возросло (Politis et al., 2021).

В ряде работ было обнаружено что до COVID-19 стоимость и удобство играли самую важную роль для выбора типа транспорта, а во время пандемии снижение риска заражения вирусом стало главной причиной выбора как для частных, так и для деловых поездок (Alonso-Almeida et al., 2022; Politis et al., 2021; Przybylowski et al., 2021). Это изменение поставило общественный транспорт (как более экологичный) в крайне невыгодное положение. Так, данные эмпирического исследования показали, что чувства беспокойства, страха и стресса в процессе пользования общественным транспортом стали наиболее распространенными причинами, по которым выбор жителей мегаполиса осуществлялся в сторону личного автомобиля (Barbieri et al., 2021).

Исследование М. Абдуллы с соавт. также продемонстрировало, что в нормальных условиях установки, влияющие на выбор вида транспорта, такие как экономия времени в пути, стоимость, удобство, оказались наименее важными во время пандемии (Abdullah et al., 2020). Можно предположить, что и установки на использование более проэкологичных видов транспорта во время пандемии стали играть меньшую роль, нежели установки на безопасность и снижение риска заражения.

Сосредоточив внимание на «одном из немногих положительных внешних эффектов» пандемии COVID-19, связанном с качественным изменением микромобильности (индивидуальной мобильности) граждан мегаполиса, авторы показали, что микромобильность, а также экологически чистая и совместно управляемая мобильности приобрели во время пандемии особую привлекательность (Abdullah et al., 2020; Montere-de-i-Bort et al., 2022). Широко распространенное в последнее время использование велосипедов и электросамокатов

является серьезным аргументом в пользу того, что меры по регулированию способов передвижения, а также созданию условий для удобства аренды индивидуальных средств передвижения оказали существенное влияние на выбор данных видов транспорта и их восприятие как более экологических и безопасных (Monterde-i-Bort et al., 2022). Подобное экономичное решение с нулевым уровнем выбросов оказалось весьма удобным, комфортным при передвижении на короткие расстояния, полезным для поддержания здоровья людей.

Итак, локдаун вызвал изменения потребительских привычек горожан (Wang et al., 2020). Можно говорить о проявлении некоего случайного «побочного эффекта» пандемии: увеличения частоты использования велосипедов и электросамокатов как более проэкологических видов транспорта (Monterde-i-Bort et al., 2022). Признавая положительные последствия этого, логично предположить, что сформировавшиеся во время пандемии привычки могут играть существенную роль в выборе этого наиболее экологичного способа передвижения и в постпандемийный период (Przybylowski et al., 2021; Zebardast, Radaei, 2022).

Проведенный обзор исследований, посвященных изучению выбора более проэкологичного способа передвижения в условиях современного мегаполиса в ситуации высокого риска (во время пандемии COVID-19), позволил доказать правомерность изучения динамики предпочтений различных видов транспорта жителями современного мегаполиса. Для этой цели было запланировано и проведено пилотажное исследование.

Дизайн исследования

Целью пилотажного исследования стало изучение влияния ситуации пандемии COVID-19 на предпочтения жителями мегаполиса различных приемов и способов передвижения в начале пандемии и спустя полгода. Также в исследовании изучалось, как именно свои предпочтения в выборе транспорта жители мегаполиса оценивали до пандемии. Особое внимание было уделено исследованию предпочтений более экологических видов транспорта (велосипед), а также общественного транспорта³. Предполагалось, что подобное исследование поможет в дальнейшем сформулировать рабочие гипотезы об устойчивости и динамике предпочтений тех или иных видов транспорта в ситуации риска и установок жителей мегаполиса, детерминирующих эти предпочтения.

Таким образом, в ходе пилотажного исследования предполагалось ответить на следующие вопросы:

---

³ Данное исследование явилось частью большого международного исследования, проведенного в 10 странах: Австрии, Великобритании, Испании, Италии, Литве, Португалии, России, Хорватии, Чехии, Швеции. Изучались транспортные предпочтения жителей мегаполисов в трех разных фазах: до COVID-19, во время пандемии и спустя несколько месяцев после снятия существенных ограничений (Monterde-i-Bort et al., 2022). В настоящей статье представлены результаты анализа предпочтений жителей Москвы и Московской области.

1) Изменились ли предпочтения городскими жителями более проэкологичного вида транспорта во время ситуации высокого риска, вызванного COVID-19? Если да, то как именно?

2) Какова динамика предпочтений использования ими велосипедов в период пандемии? Насколько эта динамика может сохраниться в постпандемийный период?

При этом респондентам предлагалось оценить частоту использования ими различных видов транспорта (личный автомобиль, общественный транспорт, междугородний транспорт, велосипед) по определенной шкале. Оценивались наиболее предпочитаемые и наименее предпочитаемые виды транспорта. В настоящей статье рассмотрены только предпочтения личного автомобиля (как наименее экологичного вида транспорта) и велосипеда (как наиболее экологичного) жителями Москвы и Московской области.

Структура исследования

Данные собирались в два основных этапа: весной (март – апрель) и осенью (октябрь – ноябрь) 2020 г. На первом этапе были собраны данные о транспортных предпочтениях до и во время пандемии (оценки собирались в ситуации наиболее острой изоляции), на втором – спустя 5–6 месяцев с начала пандемии (повторный опрос).

Выборка включала 58 человек ($M_{\text{возр.}} = 38.8$; $SD_{\text{возр.}} = 7.3$), из них 23 мужчины и 35 женщин, проживающих в Москве и Московской области. Данные были собраны в ходе опроса с использованием Гугл форм. Повторный опрос прошли 29 человек.

Методы

Ответы были получены с помощью пятибалльной шкалы Ликерта, возможные варианты которой были адаптированы к вопросам о предпочитаемых видах транспорта на протяжении различных этапов пандемии: [1] – «никогда», [2] – «редко» (несколько раз в год), [3] – «пару раз в месяц», [4] – «1 или 2 раза в неделю», [5] – «почти ежедневно или ежедневно»).

Были рассмотрены основные индикаторы описательной статистики (средние значения и стандартные отклонения). Для определения статистической значимости различий между тремя периодами измерений был использован критерий Уилкоксона (для парных сравнений).

Результаты исследования

Средние значения и стандартные отклонения по предпочтениям личного и отказам от общественного транспорта, а также по предпочтениям велосипеда представлены в таблице 1.

Графически результаты динамики предпочтений личного транспорта и отказ от общественного представлены на рисунке 1.

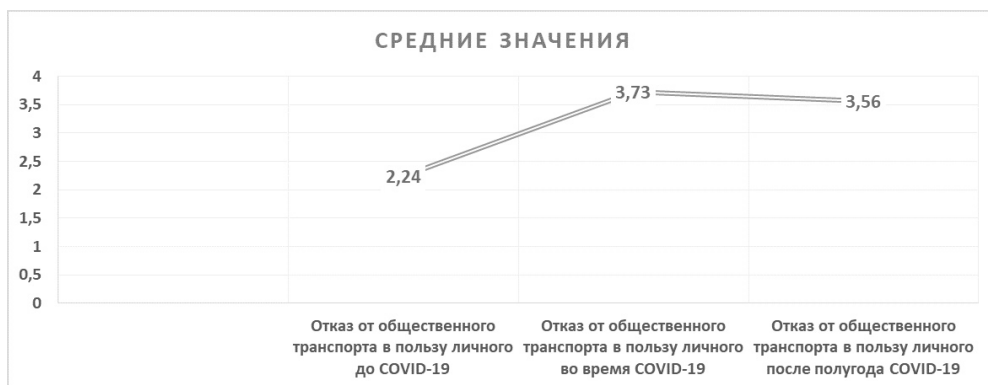
Таблица 1

Описательная статистика (средние значения и стандартные отклонения)

Предпочтения	N	Mean	SD
A1. Отказ от общественного транспорта в пользу личного до COVID-19	58	2.24	1.58
Б1. Предпочтение использования велосипеда до COVID-19	58	0.89	0.94
A2. Отказ от общественного транспорта в пользу личного во время COVID-19	58	3.73	1.65
Б2. Предпочтение передвижения на велосипеде во время COVID-19	58	1.69	1.30
A3. Отказ от общественного транспорта в пользу личного спустя полгода с начала COVID-19	29	3.56	1.50
Б3. Предпочтение использования велосипеда спустя полгода с начала COVID-19	29	2.82	1.58

Рисунок 1

Предпочтение использования личного транспорта и отказ от общественного до COVID-19, во время пандемии и спустя полгода с ее начала

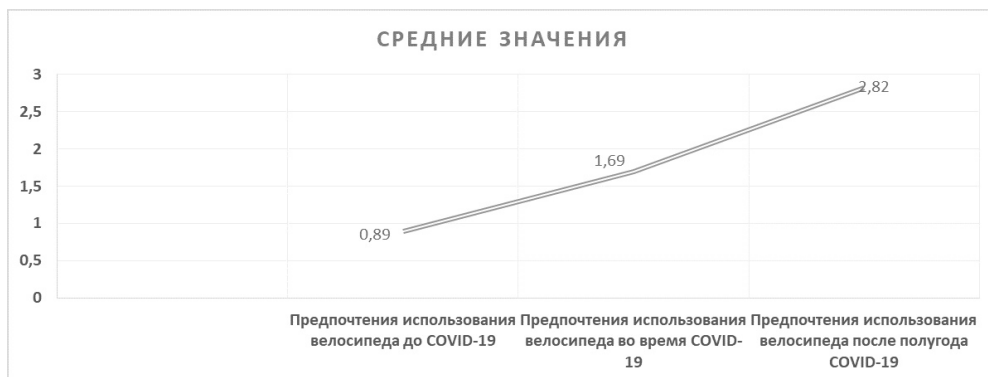

Использование критерия Уилкоксона (Wilcoxon Matched Pairs Test) показало наличие статистически значимых различий в предпочтениях личного транспорта и отказа от общественного в первый рассматриваемый период ($p < 0.003$, Wilcoxon), а также отсутствие статистически значимых различий во второй рассматриваемый период ($p < 0.37$, Wilcoxon).

Также было обнаружено некоторое изменение предпочтений жителей мегаполиса в пользу передвижения на велосипеде во время пандемии COVID-19 (включая летнее время и использование велосипеда для прогулок), результаты представлены на рисунке 2.

Так, для первого и для второго рассматриваемых периодов различия в предпочтениях передвижению на велосипеде на небольшие расстояния оказались

**Предпочтение использования велосипеда для передвижения до COVID-19,
во время пандемии и спустя полгода с ее начала**

статистически незначимыми ($p < 0.40$, Wilcoxon), а для второго и третьего периодов — значимыми ($p < 0.017$, Wilcoxon).

Таким образом, с одной стороны, во время пандемии произошел отказ от более проэкологичного вида транспорта — общественного — в пользу более безопасного (личного автомобиля), однако, с другой, пандемия послужила основанием для выбора велосипеда (при передвижении на небольшие расстояния), снижающего риск заражения и имеющего нулевой выброс углекислого газа в атмосферу.

Обсуждение результатов

Полученные результаты продемонстрировали, что респонденты существенно ограничили свои передвижения на общественном транспорте во время пандемии, предпочитая использование личного автомобиля. Однако спустя полгода после снятия жестких ограничений мобильности и снижения уровня риска заражения COVID-19 (в летнее время) выбор в пользу общественного транспорта стал возвращаться на допандемийный уровень. Также была обнаружена положительная динамика в предпочтениях велосипеда как вида транспорта до пандемии и спустя полгода с ее начала.

Однако важно учитывать, что изменения предпочтений жителей мегаполиса в пользу использования велосипеда совпали с летним периодом, что может быть обусловлено популярностью данного вида транспорта для передвижения в мегаполисе на небольшие расстояния в этот период.

В целом результаты представленного пилотажного исследования лишь частично совпали с результатами, опубликованными в работе Э. Монтерде-и-Борта с коллегами (Monterde-i-Bort et al., 2022), где говорится о динамике отказа от общественного транспорта в пользу личного. Данное исследование также продемонстрировало устойчивость предпочтений передвижения на велосипеде. Обнаруженный факт может быть объяснен качественным составом

выборки из жителей мегаполиса, где использование велосипеда является уже сформированной привычкой. При этом отказ в ситуации высокого риска от общественного транспорта в пользу личного автомобиля также представляется весьма логичным, поскольку автомобиль в сознании пользователей может рассматриваться как некий гарант сохранения личного пространства (Ершова, 2023), несмотря на то что его использование вступает в противоречие со многими проэкологическими инициативами.

Сегодня очевидно, что влияние пандемии может продолжаться еще в течение длительного времени, однако во всем мире люди уверенно возвращаются в общественный транспорт и уже с учетом новых реалий формируют свое отношение к нему.

В связи с вышесказанным представляется логичным, что различные программы, направленные на формирование проэкологического поведения жителей мегаполиса, могли бы актуализировать установки, связанные с использованием как общественного транспорта, так и велосипедов/электросамокатов. Так, в одном из исследований коллег из Северной Европы подчеркивается, что в крупных городах велика плотность высокообразованного населения, предпочитающего активные способы передвижения (велосипед, пешие прогулки и др.): чем выше уровень образования человека, тем больше вероятность, что он будет чаще выбирать активный или экологически чистый вид транспорта (Przybyłowski et al., 2021). Как подчеркивают некоторые авторы, люди с уровнем образования выше среднего оказываются более чувствительны к использованию проэкологических паттернов поведения и более внимательно относятся к «своему углеродному следу» (Zebardast, Radaei, 2022).

Выявленные значимые предпочтения жителями Москвы и Московской области в ситуации высокого риска (пандемии) более проэкологичных способов передвижения (личного автомобиля и велосипеда) носят противоречивый характер. В связи с этим можно предположить, что в основе «сдвига» в таких предпочтениях будет лежать установка на безопасность.

Проведенное исследование носит исключительно эксплораторный характер и имеет ограничения, накладываемые численным составом выборки. Однако его результаты могут послужить, в частности, важным основанием для разработки дизайна исследования динамики установок на использование более экологичных видов транспорта в ситуации высокого риска.

Литература

- Гейл, Я. (2012). *Города для людей*. М.: Крост.
- Дерябо, С. Д., Ясвин, В. А. (1996). *Экологическая педагогика и психология*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Ершова, О. А. (2023). Отношение жителей мегаполиса к личному и общественному транспорту. *Современная зарубежная психология*, 12(1), 16–25. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120102>
- Кочетков, Н. В. (2011). Определяющие компоненты субъективного отношения к экологическим проблемам учащейся молодежи. *Социальная психология и общество*, 1, 83–96.

- Кочетова, Т. В. (2021). Динамика предпочтений выбора проэкологичного способа передвижения в условиях COVID-19. В кн. *Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2021 г.)* (с. 269–271). М.: ФГБОУ ВО МГППУ. https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy_qtp_2021/contents
- Мдивани, М. О., Хисамбеев, Ш. Р. (2017). Экологическое самосознание как основа проэкологического поведения. *Азимут научных исследований: Педагогика и психология*, 6(4(21)), 346–348. <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-samosoznanie-kak-osnova-proekologicheskogo-povedeniya/viewer>
- О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году (Государственный доклад). (2021). М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.
- Ясвин, В. А. (2000). *Психология отношения к природе*. М.: Смысл.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Abdullah, M., Dias, Ch., Muleym, D., & Shahin, Md. (2020). Exploring the impacts of COVID-19 on travel behavior and mode preferences. *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*, 8, Article 100255. <https://doi.org/10.1016/j.trip.2020.100255>
- Alonso-Almeida, M. d. M. (2022). To use or not use car sharing mobility in the ongoing COVID-19 pandemic? Identifying sharing mobility behaviour in times of crisis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(5), Article 3127. <https://doi.org/10.3390/ijerph19053127>
- Anke, J., Francke A., Schaefer, L. M., & Petzoldt, T. (2021). Impact of SARS-CoV-2 on the mobility behaviour in Germany. *European Transport Research Review*, 13, Article 10. <https://doi.org/10.1186/s12544-021-00469-3>
- Barbieri, D. M., Lou, B., Passavanti, M., Hui, C., Hoff, I., Lessa, D. A., Sikka, G., Chang, K., Banergee, A., Maharaj, B., Lam, L., Ghasemi, D., Nail, B., Wang, F., Mirhosseini, A. F., Naseri, S., Liu, Z., Qiao, S., Tucker, A., ... Rashidi, T. H. (2021). Impact of COVID-19 pandemic on mobility in ten countries and associated perceived risk for all transport modes. *PLoS ONE*, 16(2), Article e0245886. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0245886>
- Chan, H. F., Skali, A., Savage, D. A., Stadelmann, D., & Torgler, B. (2020). Risk attitudes and human mobility during the COVID-19 pandemic. *Scientific Reports*, 10(1), Article 19931. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-76763-2>
- Deryabo, S. D., & Yasvin, V. A. (1996). *Ekologicheskaya pedagogika i psikhologiya* [Ecological pedagogy and psychology]. Rostov on Don: Feniks.
- Eisenmann, C., Nobis, C., Kolarova, V., Lenz, B., & Winkler, C. (2021). Transport mode use during the COVID-19 lockdown period in Germany: The car became more important, public transport lost ground. *Transport Policy*, 103, 60–67.
- Ershova, O. A. (2023). The attitude of residents of the metropolis to personal and public transport. *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 12(1), 16–25. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120102> (in Russian)
- Gehl, J. (2012). *Goroda dlya lyudei* [Cities for people]. Moscow: Krost. (Original work published 2010)

- Grazi, F., Bergh, J. C. V. D., & Ommeren, J. N. V. (2008). An empirical analysis of urban form, transport, and global warming. *Energy Journal*, 29(4), 97–122. <https://doi.org/10.2307/41323183>
- Kochetkov, N. V. (2011). Determinants of subjective attitudes towards ecological problems in students. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2(1), 83–96. (in Russian)
- Kochetova, T. V. (2021). Dinamika predpochtenii vybora proekologichnogo sposoba peredvizheniya v usloviyakh COVID-19 [Dynamics of preferences for choosing a pro-environmental mode of transportation in the context of COVID-19]. In *Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati M.Yu. Kondratieva (12–13 maya 2021 g.)* [Social Psychology: Questions of Theory and Practice. Proceedings of the VI International Research-to-Practice Conference in Memory of M. Yu. Kondratiev (12–13 of May 2021)] (pp. 269–271). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy_qtp_2021/contents
- Mdivani, M. O., & Khisambeev, Sh.R. (2017). Ecological self-consciousness as the basis of proecological behavior. *Azimuth Nauchnykh Issledovaniy: Pedagogika i Psikhologiya [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology]*, 6(4(21)), 346–348. (in Russian)
- Monterde-i-Bort, H., Sucha, M., Risser, R., & Kochetova T. (2022). Mobility patterns and mode choice preferences during the COVID-19 situation. *Sustainability*, 14(2), Article 768. <https://doi.org/10.3390/su14020768>
- Muley, D., Shahin, M., Dias, C., & Abdullah, M. (2020). Role of transport during outbreak of infectious diseases: evidence from the past. *Sustainability*, 12(18), Article 7367.
- O sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu (Gosudarstvennyi doklad) [On the state of sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation in 2020 (State report)]. (2021). Moscow: Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere zashchity prav potrebiteli i blagopoluchiya cheloveka.
- Politis, I., Georgiadis, G., Papadopoulos, E., Fyrogenis, I., Nikolaidou, A., Kopsacheilis, A., & Verani, E. (2021). COVID-19 lockdown measures and travel behavior: The case of Thessaloniki, Greece. *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*, 10, Article 100345. <https://doi.org/10.1016/j.trip.2021.100345>
- Przybylowski, A., Stelmak, S., & Suchanek, M. (2021). Mobility behaviour in view of the impact of the COVID-19 pandemic – Public transport users in Gdansk case study. *Sustainability*, 13(1), Article 364. <https://doi.org/10.3390/su13010364>
- Risser, R., & Sucha, M. (2020). Start walking! How to boost sustainable mode choice – Psychological measures to support a shift from individual car use to more sustainable traffic modes. *Sustainability*, 12(2), Article 554. <https://doi.org/10.3390/su12020554>
- Wang, Y., Chen, Y., & Qin, Q. (2020). Unique epidemiological and clinical features of the emerging 2019 novel coronavirus pneumonia (COVID 19) implicate special control measures. *Journal of Medical Virology*, 92(6), 568–576. <https://doi.org/10.1002/jmv.25748>
- Yasvin, V. A. (2000). *Psikhologiya otnosheniya k prirode* [The psychology of attitude to nature]. Moscow: Smysl.
- Zebardast, L., & Radaei, M. (2022). The influence of global crises on reshaping pro-environmental behavior, case study: the COVID-19 pandemic. *Science of the Total Environment*, 811, Article 151436. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2021.151436>

АДАПТАЦИЯ И ВАЛИДИЗАЦИЯ ШКАЛЫ ПРОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ НА РОССИЙСКОЙ ВЫБОРКЕ

А.А. ИВАНОВА^а, Ф. АГИСОВА^а, Т.М. ШЕВЕЛЬ^а, Е.В. САУТКИНА^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Adaptation and Validation of Motivation Toward the Environment Scale (MTES) in Russia

A.A. Ivanova^a, F. Agisova^a, T.M. Shevel^a, E.V. Sautkina^a

^a *HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Резюме

Статья посвящена адаптации на русский язык шкалы проэкологической мотивации (Pelletier et al., 1998), проверке ее надежности и валидности, а также анализу ее факторной структуры. Методика основана на теории самодетерминации, где поведение определяется разными причинами и уровнем контроля, и рассматривает шесть видов мотивации: внутреннюю мотивацию, внешнюю мотивацию (состоящую из интегрированной, идентифицированной, интроецированной, внешне регулируемой мотивации), а также амотивацию. На выборке из 462 респондентов были подтверждены факторная структура шкалы и внутренняя согласованность подшкал. Также на выборке из 56 студентов была продемонстрирована тест-ретестовая валидность шкалы. Для исследования конвергентной валидности рассматривались корреляции типов мотивации с экологической обеспокоенностью и связью с природой. Наиболее самодетерминированные типы

Abstract

The objective of the study was the translation and adaptation of Motivation Toward the Environment Scale (Pelletier et al., 1998) into the Russian language. The methodology is based on the theory of self-determination, where behavior is determined by different reasons and the level of control. The scale contains 6 types of motivation: intrinsic motivation, extrinsic motivation, which includes integrated, identified, introjected and externally regulated motivation, and amotivation. On a sample of 462 respondents, the factorial structure of the scale and the internal consistency of the subscales were confirmed. Further, the test-retest validity of the scale was demonstrated (n = 56). To study convergent validity, correlations of motivation types with environmental concerns and nature connectedness were considered. The most self-determined

мотивации (внутренняя, интегрированная, идентифицированная и интроецированная) положительно связаны между собой и проэкологическими переменными. При этом идентифицированная регуляция, которая фокусируется на целесообразности проэкологических действий, является наиболее распространенной как в Канаде, где была разработана шкала, так и в России. Остальные типы мотивации также положительно связаны между собой. Внешне регулируемая мотивация, рассматриваемая в данной шкале влияние окружения, а не экономических стимулов, наименьшим образом связана с другими переменными исследования. Дополнительно было рассмотрено влияние социально-демографических характеристик на виды мотивации, где пол и уровень дохода оказались значимыми переменными. Описанные в статье анализы и их показатели сопоставимы с оригинальным исследованием по разработке шкалы, что свидетельствует об эквивалентности адаптированной методики первоначальной. В результате проведенной работы были доказаны надежность, тест-ретестовая и конвергентная валидность адаптированной методики для измерения проэкологической мотивации.

Ключевые слова: проэкологическая мотивация, внешняя мотивация, внутренняя мотивация, амотивация, экологическая обеспокоенность, связь с природой, теория самодетерминации.

Иванова Александра Андреевна — аспирант, стажер-исследователь, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера интересов: социальная психология, психология среды, проэкологическое поведение, психометрика, методология исследований.

Контакты: privanovalexandra@gmail.com

Агисова Фатиха — выпускница магистратуры, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: психология среды, проэкологическое поведение, коммуникация изменения климата, политические ценности, экологическая обеспокоенность.

Контакты: agisa.1995@gmail.com

types of motivation (intrinsic, integrated, identified, and introjected) were positively related to each other and to pro-environmental variables. The identified regulation, which focuses on the expediency of pro-environmental actions, is the most common, both in Canada, where the scale was developed, and in Russia. Other types of motivation were also positively related to each other. Externally regulated motivation, which considers social influence rather than economic incentives in this scale, was the least related to other study variables. Additionally, the influence of socio-demographic characteristics on the types of motivation was considered, where gender and income level turned out to be significant variables. The analysis revealed that the adapted scale is largely equivalent to the original one. Based on the obtained results, the reliability, the test-retest, and the convergent validity of the adapted inventory for measuring pro-environmental motivation were proved.

Keywords: pro-environmental motivation, extrinsic motivation, intrinsic motivation, amotivation, environmental concern, connectedness to nature, Self-Determination Theory.

Alexandra A. Ivanova — PhD student, Research Assistant, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University.

Research Area: social psychology, environmental psychology, pro-environmental behavior, psychometrics, research methodology.

E-mail: privanovalexandra@gmail.com

Agisova Fatikha — MSc in Psychology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University.

Research Area: environmental psychology, pro-environmental behavior, climate change communication, political values, environmental concern.

E-mail: agisa.1995@gmail.com

Шевель Татьяна Максимовна — выпускница бакалавриата, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Сфера научных интересов: устойчивое развитие, возобновляемые источники энергии, коренные народы, психология окружающей среды, психология внимания.
Контакты: tanechkash18@yandex.ru

Tatyana M. Shevel — BSc in Psychology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University.
Research Area: sustainable development, renewable energy, indigenous peoples, environmental psychology, attention psychology.
E-mail: tanechkash18@yandex.ru

Сауткина Елена Владимировна — профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук (PhD). Сфера научных интересов: психология среды, социальная психология.
Контакты: esautkina@hse.ru

Elena V. Sautkina — Professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, PhD in Psychology.
Research Area: environmental psychology, social psychology.
E-mail: esautkina@hse.ru

В последние десятилетия экологические проблемы приобретают все большую актуальность как за рубежом, так и в России. Согласно докладу Росгидромета (2021), 2020 г. в России был экстремально теплым: среднегодовое отклонение температуры от среднего за 1961–1990 гг. составило $+3.22^{\circ}\text{C}$, что более чем на 1°C выше предыдущего максимума (Росгидромет, 2021). Такое стремительное изменение средней температуры приводит к серьезным экологическим и климатическим последствиям (Там же). Наряду с процессами, вызванными климатическими изменениями, существует ряд экологических проблем, появившихся в результате антропогенной деятельности. К ним можно отнести увеличение количества образующихся отходов, загрязнение атмосферы, почвы и воды (Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 2018).

Несмотря на то что упомянутые проблемы становятся все более серьезными и требующими незамедлительных действий общества, они до сих пор не вызывают необходимого резонанса. Действия по защите окружающей среды могут не предприниматься даже в случаях, когда у населения отмечаются высокий уровень экологической обеспокоенности и высокий уровень осведомленности о текущих экологических и климатических проблемах (Иванова и др., 2020; Pelletier et al., 1998; Tam, Chan, 2017). Среди причин, препятствующих проэкологическому поведению, выделяются, в частности, следующие: нехватка инфраструктурных условий; отсутствие знаний о конкретных проэкологических действиях, которые необходимо выполнять; наличие других, более приоритетных проблем, требующих внимания (Гущина, Бадрак, 2012; Gifford, 2011). В связи с этим стоит проблема изучения факторов, которые могут дополнительно объяснять проэкологическое поведение. Одним из таких факторов может стать проэкологическая мотивация. Важная роль данного конструкта в объяснении проэкологического поведения была показана в зарубежных исследованиях (Pelletier et al., 1998), при этом в рамках российских

исследований проэкологического поведения данный конструкт не рассматривался. Так как шкалы проэкологической мотивации в России к данному моменту нет, цель нашей работы — адаптация и валидизация шкалы проэкологической мотивации Л. Пеллетье с соавт. (Ibid.) на российской выборке.

Мотивация: определение и типы

Мотивация является одним из центральных конструктов в психологии, поскольку рассматривает побуждение к действию, т.е. стимулирует и направляет поведение (Ryan, Deci, 2017). Она является надежным предиктором успешности поведения (Гордеева, 2015), определяя эффективность (Teigen, 1994), постоянство и долгосрочность выполняемой деятельности (Deci, Ryan, 1985).

Типы мотивации можно категоризировать в зависимости от того, что именно выступает в качестве мотива деятельности (Шадриков, 2013). Так, деятельность могут определять как внешние (поощрение, наказание), так и внутренние (ценности, идеалы) мотивы (Разина, 2012; Шадриков, 1982; Deci, Ryan, 1985). В рамках теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райан выделяют внутреннюю, внешнюю мотивацию и амотивацию, которые можно расположить на «континууме самодетерминации» в зависимости от уровня контроля над поведением человека (Deci, Ryan, 1985; Ryan, Deci, 2000). *Внутренняя мотивация* определяется как естественное стремление к выполнению действия исключительно ради удовлетворения, которое приносит эта деятельность (Pelletier et al., 1998). *Внешняя мотивация* лежит в основе оперантного поведения, целью которого является достижение позитивных результатов или избегание негативных. Внешнюю мотивацию можно разделить на четыре подтипа, расположенные на континууме от контролируемого до автономного: *внешне регулируемая* (контроль исходит от внешней среды, — например, мнения друзей), *интроецированная* (контроль связан с внутренними эмоциями, регулируемыми самооценкой и чувством стыда), *идентифицированная* (контроль связан с личным выбором, направленным на достижение целей) и *интегрированная* (поведение интернализовано настолько, что оно становится частью самоидентификации личности). В свою очередь, *амотивация*, которую можно сравнить с выученной беспомощностью, описывается как недостаток контроля и отчужденность (Ibid.).

Теория самодетерминации широко изучается в психологии как важный предиктор поведения в различных сферах деятельности — образовании, спорте, межличностных отношениях и т.д. (Ryan, Deci, 2017), в том числе для объяснения проэкологического поведения (De Groot, Steg, 2010; Pelletier et al., 1998). Типы мотивации являются наиболее важными показателями при объяснении поведения (Sass et al., 2018). Так, высокий уровень самодетерминированности предполагает наличие интереса, положительных эмоций и обеспечивает устойчивость поведения (Pelletier et al., 1998).

Исследования проэкологической мотивации

В современной психологии среды большое внимание уделяется изучению факторов, связанных с экологической обеспокоенностью и с проэкологическим поведением. На сегодняшний день подробно изучены ценности, экологические аттитюды и знания (Steg, Vlek, 2009; Steg et al., 2014; Gifford, Nilsson, 2014). Подобные исследования активно проводятся и в России (Soyez, 2012; Zibenberg et al., 2018; Unal et al., 2019).

Важная роль проэкологической мотивации в объяснении проэкологического поведения была показана в зарубежных исследованиях (Pelletier et al., 1998; De Groot, Steg, 2010; Sass et al., 2018). Полученные данные говорят о том, что высокий уровень самодетерминации в отношении проэкологического поведения связан с регулярным выполнением широкого спектра действий, направленных на снижение негативного воздействия на окружающую среду, включая те действия, которые сопряжены с высокими финансовыми затратами и с приложением больших усилий. При этом с повышением уровня самодетерминации наблюдается увеличение разнообразия, частоты, а также долговременности выполнения проэкологических действий (De Groot, Steg, 2010; Grønhøj, Thøgersen, 2017; Thøgersen, 2006).

В России психологическим исследованиям проэкологической мотивации было уделено меньше внимания. Существующие на сегодняшний день исследования мотивации к проэкологическому поведению населения в основном являются обзорно-аналитическими (Гущина, Бадрак, 2012; Ткаченко и др., 2018). В связи с этим отмечается необходимость в проведении эмпирических исследований проэкологической мотивации, в более точной операционализации конструкта и типов мотивации, а также в понимании наиболее распространенных типов мотивации к экологическим действиям у населения.

Шкала проэкологической мотивации

На основе теории Э. Деси и Р. Райана (Deci, Ryan, 1985) Л. Пеллетье с соавт. (Pelletier et al., 1998) разработали инструмент, позволяющий оценить проэкологическую мотивацию. Выбор нами данной методики объясняется ее доказанной надежностью и широкой применимостью в исследованиях проэкологического поведения в разных странах, а также ее универсальностью по отношению к временному и культурному контекстам.

При разработке шкалы авторы валидизировали методику, основываясь на связи типов мотивации с выбранными психологическими и проэкологическими переменными (Ibid.). Разработанный инструмент показал положительную связь внутренней, интегрированной, идентифицированной и интроецированной мотивации с проэкологическими аттитюдами, экологической обеспокоенностью и самоэффективностью в сфере проэкологического поведения. Эти же переменные дали негативную связь с внешне регулируемой мотивацией и амотивацией. Инструмент также показал отсутствие связи со шкалой социальной желательности. На данный момент он успешно используется в

исследованиях. Например, изучены связь между ценностями, видами проэкологической мотивации и проэкологическим поведением (De Groot, Steg, 2010), роль семейных норм в проэкологической мотивации молодых людей (Grønhøj, Thøgersen, 2017), а также связь между академической и проэкологической мотивацией у школьников (Renaud-Dubé et al., 2010). Шкала также была успешно адаптирована в других культурах, например в Турции (Karaarslan et al., 2014) и в Бельгии (Sass et al., 2018).

Текущее исследование

Целью данного исследования является адаптация шкалы проэкологической мотивации Л. Пеллетье и коллег (Pelletier et al., 1998): перевод и корректировка пунктов шкалы с использованием когнитивных интервью; подтверждение шестифакторной структуры шкалы, внутренней согласованности подшкал мотивации; проверка ее тест-ретестовой валидности; а также изучение связи типов мотивации с конструктами экологической обеспокоенности и связи с природой для подтверждения конвергентной валидности шкалы.

На основе результатов, полученных в исследовании Л. Пеллетье с соавторами, предполагается, что:

- внутренняя, интегрированная, идентифицированная и интроецированная мотивации будут положительно коррелировать с конструктами экологической обеспокоенности и связи с природой;
- амотивация и внешне регулируемая мотивация будут отрицательно коррелировать с конструктами экологической обеспокоенности и связи с природой.

Методы исследования

Перевод и подготовка вопросов шкалы

Вопросы шкалы были переведены с английского на русский язык независимо четырьмя исследователями с экспертным уровнем владения языком (С1-С2). Кроме того, был сделан обратный перевод. Результаты перевода коллективно обсуждались авторами статьи, в результате чего были утверждены формулировки вопросов. Далее были проведены когнитивные интервью ($n = 6$) методом *reactive probing/verbal probing* (Priede, Farral, 2011). Состоялись две итерации когнитивных интервью. В первой итерации было выявлено 13 вопросов, которые требовали исправления формулировок. Во второй итерации тем же респондентам был предъявлен скорректированный вариант вопросов. По итогам второй итерации формулировки были полностью понятны респондентам и утверждены для дальнейшего использования.

Процедура сбора данных

Сбор данных исследования проходил в июле 2021 г. Основная часть выборки ($n = 364$) была набрана на платформе anketolog.ru. За прохождения опроса

респонденты получали вознаграждение в размере 210 рублей. Дополнительно была собрана выборка студентов НИУ ВШЭ ($n = 98$) для проведения тест-ретестового сравнения данных. Через месяц после прохождения студентам было предложено принять участие во втором опросе. В качестве вознаграждения респонденты могли принять участие в розыгрыше одного из шести призов по 1000 рублей. Во втором опросе приняло участие 56 человек, что составило 57% от ответивших на первый опрос.

Была обеспечена полная анонимность исследования, респонденты были информированы о возможности выйти из опроса в любой момент. Процедура исследования была одобрена Комиссией по внутриуниверситетским опросам и этической оценке эмпирических исследовательских проектов НИУ ВШЭ.

Инструментарий исследования

Адаптируемая шкала мотивации включает в себя шесть подшкал: внутренняя мотивация, интегрированная мотивация, идентифицированная мотивация, интроецированная мотивация, внешне регулируемая мотивация и амотивация. Каждая подшкала состоит из четырех вопросов (всего 24 пункта). Респондентам было необходимо оценить, насколько каждый из предложенных пунктов соответствует причинам, по которым они заботятся об окружающей среде, по семибалльной шкале Ликерта в диапазоне от 1 (абсолютно не верно) до 7 (абсолютно верно). Вопросы шкалы предъявлялись респондентам в случайном порядке.

Связь с природой измерялась с помощью шкалы, разработанной С. Майером и С. Франц (Mayer, Frantz, 2004) в адаптации К.А. Чистопольской и коллег (Чистопольская и др., 2017). Шкала состоит из четырнадцати пунктов (три обратных пункта), оценивающих степень, в которой респонденты чувствуют себя частью мира природы (например, «Я думаю, что природа — это сообщество, к которому я принадлежу»). Респондентам предлагалось оценить свой уровень согласия с каждым из пунктов по пятибалльной шкале Ликерта в диапазоне от 1 (полностью не согласен) до 5 (полностью согласен). Шкала показала высокую внутреннюю согласованность в текущем исследовании $\alpha = 0.84$ (в предыдущих $\alpha = 0.87$). Таким образом, среднее значение всех пунктов использовалось в качестве показателя степени связи с природой.

Экологическая обеспокоенность оценивалась по шкале из двенадцати вопросов, разработанной У. Шульцем (Schultz, 2001). Она включала в себя три подшкалы (по четыре пункта) обеспокоенности экологическими проблемами: биосферической (обеспокоенность за растения, морских обитателей, животных и птиц), альтруистической (обеспокоенность за всех людей, детей, своих детей и людей в своей стране) и эгоистической (обеспокоенность за себя, свое здоровье, свой образ жизни и свое будущее). Важность последствий экологических проблем было предложено оценить по семибалльной шкале Ликерта от 1 (наименее важно) до 7 (наиболее важно). Подшкалы показали высокую внутреннюю согласованность (биосферическая $\alpha = 0.96$, альтруистическая $\alpha = 0.85$, эгоистическая $\alpha = 0.88$).

В конце опроса респонденты указывали свои пол, возраст, уровень образования и дохода, населенный пункт проживания.

Выборка

Выборка состояла из 462 респондентов (262 женщины, 198 мужчин; 2 респондента предпочли не указывать свой пол) в возрасте от 17 до 72 лет ($M = 36.7$, $SD = 11.8$). Были получены сбалансированные данные по размеру населенного пункта (277 человек из городов с населением более 1 млн человек (60%), 101 — из городов с населением от 250 тысяч до 1 млн (21.9%), 84 — из населенных пунктов с населением менее 250 тысяч человек (18.1%)) и уровню образования (261 респондент с высшим образованием (56.5%), 95 — со средним специальным образованием (20.6%), 65 — с неоконченным высшим образованием (14.1%), 41 — со средним или неоконченным средним образованием (8.8%)). Распределение респондентов по уровню дохода сложилось следующим образом: с низким уровнем $n = 166$ (35.9%), со средним уровнем $n = 188$ (40.8%), с высоким уровнем $n = 50$ (10.8%).

Результаты исследования

Оценка шкалы: факторная структура, внутренняя согласованность, тест-ретестовая надежность

Для определения методов статистического анализа шкалы мотивации, связи с природой и экологической обеспокоенности были исследованы на нормальность распределения. Тесты показали отсутствие нормальности распределения ($K-S < 0.001$, $S-W < 0.001$), несмотря на невысокие показатели асимметрии и эксцесса для пунктов шкалы (асимметрия < 1.9 , эксцесс < 3.1) и переменных (асимметрия < 1.1 , эксцесс < 0.9).

Проверка факторной структуры инструментария осуществлялась с помощью конфирматорного факторного анализа. Модель из 6 факторов с 4 пунктами ($p < 0.001$) на каждый фактор продемонстрировала допустимые показатели пригодности $\chi^2/df = 4.819$ (1142/237), $p < 0.001$; CFI = 0.887; TLI = 0.857; RMSEA = 0.09 (CI 90% L = 0.0857, U = 0.0962); SRMR = 0.0875 (Hu, Bentler, 1999). Тем не менее улучшения показателей модели достигаются при добавлении коррелятов, что в особенности затрагивает связи между пунктами одного фактора (см. рисунок 1). Добавление 10 корреляционных связей между ошибками пунктов значительно улучшило показатели модели: $\chi^2/df = 3.3$ (756/227), $p < 0.001$; CFI = 0.928; TLI = 0.913; RMSEA = 0.07 (CI 90% L = 0.0654, U = 0.0766); SRMR = 0.071.

При принятии шестифакторной структуры шкалы внутренняя согласованность подшкал мотивации демонстрирует умеренно высокие показатели: амотивация — $\alpha = 0.78$, внешне регулируемая — $\alpha = 0.8$, интроецированная — $\alpha = 0.8$, идентифицированная — $\alpha = 0.87$, интегрированная — $\alpha = 0.87$, внутренняя мотивация — $\alpha = 0.92$. Данные показатели приемлемы для дальнейшего использования средних как индикаторов типа мотивации.

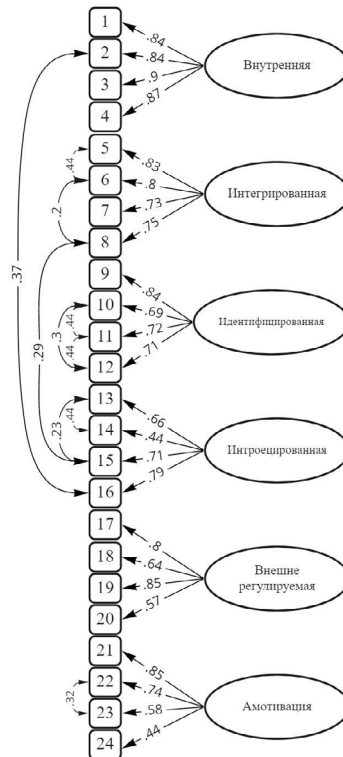
Для проверки тест-ретестовой надежности были исследованы данные 56 респондентов. Коэффициент внутриклассовой корреляции (*average-measurement, absolute-agreement, 2-way mixed-effects*) при сравнении средних показателей подшкал мотивации показал высокие значения: амотивация – ICC = 0.89 при 95%-ном доверительном интервале [0.8, 0.93], внешне регулируемая – ICC = 0.77 при 95% CI [0.6, 0.86], интроецированная – ICC = 0.79 при 95% CI [0.63, 0.88], идентифицированная – ICC = 0.8 при 95% CI [0.67, 0.89], интегрированная – ICC = 0.88 при 95% CI [0.79, 0.93], внутренняя мотивация – ICC = 0.84 при 95% CI [0.72, 0.9]. Все показатели внутриклассовой корреляции были выше 0.77, что свидетельствует о надежности инструментария (Кoo, Li, 2016).

Показатели подшкал и связь между типами мотивации

Средние по типам мотивации распределились следующим образом: самые низкие показатели имели внешне регулируемая мотивация (M = 2.1, SD = 1.1) и амотивация (M = 2.6, SD = 1.3). Респонденты в основном не согласны с тем,

Рисунок 1

Факторная структура шкалы проэкологической мотивации

Примечание. Номера пунктов шкалы соответствуют номерам вопросов, представленных в Приложении 1.

что они заботятся о природе под влиянием окружающих, а также не считают, что их усилия по защите окружающей среды напрасны (низкая амотивация). Были получены средние показатели интроецированной ($M = 3.9, SD = 1.4$), интегрированной ($M = 4.2, SD = 1.5$) и внутренней ($M = 4.7, SD = 1.5$) мотивации. В целом респонденты выражают умеренное согласие (или несогласие) с тем, что (1) они бы испытывали чувство вины, если бы не заботились о природе, (2) защита природы является частью их самоидентификации и образа жизни, (3) они получают удовольствие, когда делают что-то для окружающей среды. Высокие значения были отмечены по подшкале идентифицированной мотивации ($M = 5.7, SD = 1.2$). Таким образом, чаще всего респонденты заботятся о природе, потому что считают это необходимым и целесообразным.

Взаимосвязи типов мотивации были исследованы с помощью анализа ранговой корреляции Спирмена (см. таблицу 1). Амотивация была умеренно положительно связана с внешней мотивацией ($r = 0.32, p < 0.001$) и умеренно отрицательно связана с идентифицированной ($r = 0.49, p < 0.001$), интегрированной ($r = 0.38, p < 0.001$) и внутренней мотивациями ($r = 0.4, p < 0.001$), а также слабо отрицательно связана с интроецированной мотивацией ($r = 0.186, p < 0.001$). Внешне регулируемая мотивация имела умеренную положительную связь не только с амотивацией, но и с интроецированной мотивацией ($r = 0.4, p < 0.001$). Слабые корреляции внешней мотивации были обнаружены с идентифицированной ($r = 0.1, p = 0.03$) и внутренней мотивациями ($r = 0.1, p = 0.03$), а связь с интегрированной мотивацией не была статистически значимой ($r = 0.08, p = 0.08$). Остальные четыре подтипа мотивации, отражающие более высокий уровень самодетерминации, были умеренно или сильно связаны между собой (все $r > 0.5, p < 0.001$). Были обнаружены высокие значения корреляций внутренней мотивации с идентифицированной ($r = 0.72, p < 0.001$) и интегрированной ($r = 0.74, p < 0.001$) мотивациями.

Таблица 1

Корреляционные связи (по методу Спирмена) между типами мотивации

	1	2	3	4	5	6
Амотивация (1)	1.000	0.323**	0.186**	0.491**	0.384**	0.396**
Внешняя мотивация						
<i>Внешне регулируемая (2)</i>	0.323**	1.000	0.409**	0.101*	0.081	0.101*
<i>Интроецированная (3)</i>	0.186**	0.409**	1.000	0.501**	0.585**	0.606**
<i>Идентифицированная (4)</i>	0.491**	0.101*	0.501**	1.000	0.634**	0.719**
<i>Интегрированная (5)</i>	0.384**	0.081	0.585**	0.634**	1.000	0.740**
Внутренняя (6)	0.396**	0.101*	0.606**	0.719**	0.740**	1.000

* $p < 0.05$, ** $p < 0.001$.

Связь с эконсихологическими переменными

В рамках исследования были рассмотрены взаимосвязи подтипов мотивации с переменными связи с природой и экологической обеспокоенности. Как и предполагалось, внутренняя, интегрированная, идентифицированная и интроецированная мотивации положительно коррелировали с экологической обеспокоенностью ($r > 0.45, p < 0.001$) и связью с природой ($r > 0.32, p < 0.001$). Амотивация отрицательно коррелировала с экологической обеспокоенностью (все $r > 0.16, p < 0.001$) и со связью с природой ($r = -0.35, p < 0.001$), что также подтвердило гипотезы исследования. Гипотезы относительно связи внешней мотивации с изучаемыми переменными подтвердились только относительно биосферической обеспокоенности. Внешне регулируемая мотивация не показала взаимосвязей с переменными «связь с природой» ($r = 0.03, p = 0.5$) и «альтруистическая обеспокоенность» ($r = 0.3, p = 0.52$), но продемонстрировала низкие положительные корреляции с эгоистической обеспокоенностью ($r = 0.1, p = 0.03$) и отрицательные корреляции с биосферической обеспокоенностью ($r = 0.1, p = 0.04$). Полученные результаты подтверждают конвергентную валидность шкалы.

Связь с социально-демографическими переменными

Для изучения связи подшкал мотивации с возрастом, уровнем дохода и размером населенного пункта был проведен анализ ранговой корреляции Спирмена. Возраст (все $r < 0.08, p > 0.098$) и размер населенного пункта (все $r < 0.05, p > 0.25$) не были связаны ни с одним типом мотивации. Уровень дохода был положительно связан с внешне регулируемой ($r = 0.11, p = 0.017$), интегрированной ($r = 0.13, p = 0.004$) и внутренней ($r = 0.11, p = 0.015$) мотивациями, а также, на уровне тенденции, с интроецированной мотивацией ($r = 0.09, p = 0.058$). Соответственно, чем выше уровень дохода, тем выше внешняя, интегрированная, внутренняя, а также интроецированная мотивации респондентов. Для сравнения уровней проэкологической мотивации у женщин и мужчин был применен непараметрический критерий оценки различий между двумя независимыми выборками Манна–Уитни. В зависимости от пола (женский — 1; мужской — 2) различия были обнаружены по четырем подшкалам мотивации: внутренней ($Z = 2.18, p = 0.029, M \text{ rank } 1 = 242.24, M \text{ rank } 2 = 214.96$), идентифицированной ($Z = 3.59, p < 0.001, M \text{ rank } 1 = 249.74, M \text{ rank } 2 = 205.04$), внешней ($Z = 3.74, p < 0.001, M \text{ rank } 1 = 210.5, M \text{ rank } 2 = 256.96$) и амотивации ($Z = 2.43, p = 0.015, M \text{ rank } 1 = 217.46, M \text{ rank } 2 = 247.76$). У женщин достоверно выше уровень внутренней и идентифицированной мотиваций, в то время как у мужчин достоверно выше уровень внешней мотивации и амотивации. Для изучения различий между уровнями мотивации у респондентов с разным уровнем образования был применен ранговый тест Краскела–Уоллиса. По результатам анализа не было выявлено значимых различий в мотивации между группами (все $H(4) < 4.9, p > 0.3$). Для более детальной оценки различий между группами были проанализированы поправки на множественную проверку

гипотез Бонферрони. Различий в уровнях мотиваций между группами обнаружено не было.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования показали, что полученная в России структура шкалы проэкологической мотивации соответствует структуре оригинальной шкалы, при этом все подшкалы имеют достаточно высокие показатели внутренней согласованности (Pelletier, 1998). Однако при улучшении характеристик показателей пригодности шестифакторной модели были выявлены корреляции между ошибками вопросов подшкал. Эти связи предположительно объясняются семантическим сходством некоторых вопросов.

Полученные нами результаты по типам мотивации соответствуют данным оригинального исследования. В частности, наиболее высокие значения были получены для идентифицированной регуляции. В исследовании Л. Пеллетье и коллег (Ibid.) идентифицированная регуляция характеризовалась как процесс, при котором поведение само по себе становится значимым для человека, его выполняющего. Все еще оставаясь оперантным поведением с внешней мотивацией, оно тем не менее регулируется внутренним желанием человека достичь личных целей. Вопросы, измеряющие идентифицированную регуляцию, например, фокусируются на целесообразности, «правильности» проэкологических действий. Таким образом, целесообразность проэкологического поведения (для достижения цели защиты окружающей среды) является самой частой мотивацией проэкологических действий как в Канаде, где была разработана шкала, так и в России.

Данные, полученные для интегрированной и внутренней мотивации, так же как и в исследовании Л. Пеллетье и коллег (Ibid.), свидетельствуют о том, что более самодетерминированные типы мотивации тоже являются достаточно распространенными. Люди в значительной степени склонны считать проэкологическое поведение частью своей идентичности, а также получать удовольствие от участия в действиях по защите окружающей среды. Важность проэкологической идентичности в объяснении проэкологического поведения была показана в предыдущих исследованиях (Brick et al., 2017; Brick, Lai, 2018). Выполнение проэкологических действий ради получения удовольствия от процесса — тип мотивации, который наиболее активно изучается на данный момент (Hunt, Harbor, 2019; Thiermann, Sheate, 2020). Данное направление исследований усложняется тем, что по своей сути не все виды проэкологического поведения предполагают получение удовольствия от процесса. Например, если питание органическими продуктами может приносить удовольствие само по себе, то частичный отказ от отопления зимой — это отказ от комфорта проживания в теплом помещении, что, напротив, может приносить неудобства. В этой связи отмечается, что для повышения внутренней мотивации к проэкологическому поведению необходимо рассматривать, как повысить удовольствие человека при выполнении этих действий (Venhoeven et al., 2013). Например, разрабатывать удобный способ покупки и приятный дизайн

экологических товаров, использовать геймификацию при обучении сортировке отходов.

Еще один тип мотивации с умеренно высокими показателями — интроецированная регуляция, характеризующаяся желанием повысить самооценку или избежать чувства вины через проэкологическое поведение. Данный тип мотивации также важен, так как проведенные исследования показывают, что ожидание положительных или отрицательных эмоций от поведения может играть решающую роль в его выполнении (Miao, Wei, 2013; Rezvani et al., 2017).

Как и предполагалось, все наиболее самодетерминированные типы мотивации — внутренняя, интегрированная, идентифицированная и интроецированная — положительно взаимосвязаны между собой, а также со всеми видами экологической обеспокоенности и со связью с природой. Предыдущие исследования показали связь между данными переменными и проэкологическим поведением (Martin et al., 2020; Nisbet et al., 2009). Вероятно, экологическая обеспокоенность и связь с природой способствуют росту внутренней, самодетерминированной мотивации к проэкологическому поведению, что повышает вероятность его выполнения.

Самые низкие средние, как и в оригинальном исследовании (Pelletier et al., 1998), были получены для внешне регулируемой мотивации. Таким образом, внешняя мотивация редко является причиной выполнения проэкологических действий. Данный вывод соответствует результатам исследований связи между нормами и проэкологическим поведением. Внешнюю мотивацию можно соотнести с инъюнктивными социальными нормами, которые относятся к боязни осуждения окружающих при невыполнении определенного нормативного действия. Исследование, проведенное в Великобритании, показало, что такие нормы слабее предсказывают сортировку личных отходов, чем личные нормы (Huber et al., 2020). При этом внешне регулируемая мотивация показала тенденции, отличные от полученных в исследовании Л. Пеллетье: в нашем исследовании она была отрицательно связана с идентифицированной и интроецированной мотивациями и не связана с остальными видами мотивации. Возможно, в восприятии россиян желание получить одобрение окружающих несовместимо с пониманием целесообразности проэкологических действий или с чувством вины от невыполнения поведения. Будучи связанной с желанием получить одобрение окружающих, внешняя мотивация положительно коррелирует с эгоистической обеспокоенностью (Pelletier et al., 1998). Вероятно, желание получить одобрение окружающих посредством проэкологического поведения мотивировано эгоистическими целями. Например, исследования помогающего поведения относят оказание помощи ради получения одобрения окружающих (личной выгоды) к категории эгоистической мотивации (Polonsky et al., 2002). Соответственно, не только желание сохранить природу, но и личный интерес может способствовать проэкологическому поведению (De Dominicis et al., 2017).

Амотивация, как и внешне регулируемая мотивация, показала низкие средние в нашем исследовании. Амотивация была отрицательно связана с четырьмя наиболее самодетерминированными типами мотивации и положительно —

с внешней мотивацией. Соответственно, поведение все еще может осуществляться ради одобрения окружающих, несмотря на отрицание его необходимости и важности. Все виды экологической обеспокоенности и связь с природой были отрицательно связаны с амотивацией. Такие же результаты были получены в исследовании Л. Пеллетье и коллег (Pelletier et al., 1998), где амотивация оказалась отрицательно связана с экологической обеспокоенностью и восприятием важности экологических проблем. Эта взаимосвязь была объяснена в исследовании, посвященном изучению амотивации к проэкологическому поведению: появление мотивации к действиям возможно только при понимании серьезности экологических проблем и обеспокоенности состоянием окружающей среды (Pelletier et al., 1999).

В нашем исследовании у женщин были обнаружены более высокие уровни внутренней и идентифицированной мотивации, в то время как у мужчин был выше уровень внешней мотивации и амотивации. Эти данные соответствуют результатам проведенных ранее исследований: женщины чаще бывают обеспокоены состоянием окружающей среды и более склонны к проэкологическому поведению, чем мужчины (Gifford, Nilsson, 2014; Иванова и др., 2020). Подобные результаты наблюдались и в кросс-культурных исследованиях (Zelezny et al., 2000). Гендерные различия в уровне экологичности объясняются рядом теорий, которые отмечают социализацию женщин, подчеркивая в связи с этим их просоциальное поведение, эмпатию, заботу о других (Ibid.).

Положительная связь уровня дохода одновременно с внешней и с внутренней и интегрированной мотивациями может показаться противоречивой, но объясняется данными предыдущих исследований. Было показано, что экологическая идентичность повышается с увеличением уровня дохода (Moser, Kleinhüchelkotten, 2018). При этом она не обязательно приводит к проэкологическому поведению, но эта связь усиливается, если действия видны окружающим (Brick et al., 2017). Вероятно, несмотря на то что люди с большим доходом могут быть внутренне мотивированы к проэкологическому поведению, это может происходить под влиянием как более высокой экологической идентичности, так и социальной желательности данного вида поведения.

Проведенная адаптация методики показала, что шкала проэкологической мотивации демонстрирует устойчивые во времени результаты и имеет стабильную факторную структуру. Это свидетельствует о высоком качестве разработанного Л. Пеллетье с коллегами инструментария, а также об успешности ее перевода и выбора формулировок в нашем исследовании. Корреляции шкалы с переменными, сопоставимыми с используемыми в оригинальном исследовании конструктами, а также показатели внутренней согласованности подшкал мотивации позволяют сделать вывод о том, что адаптированная методика эквивалентна первоначальной. Однако в адаптации отсутствует изучение влияния социальной желательности на распределение ответов, что было бы важно исследовать в дальнейшем. Тем не менее методика может успешно применяться в российских исследованиях, объясняя связи с другими эконсихологическими переменными и причины, по которым люди участвуют в действиях по защите окружающей среды.

Общая тенденция к высоким уровням наиболее самодетерминированных типов мотивации, выявленная нами на российской выборке, свидетельствует о желании населения участвовать в действиях по защите окружающей среды. Также можно отметить отсутствие ограничений для использования методики на разных социально-демографических группах. Финальная версия шкалы представлена в Приложении 1.

Основным ограничением исследования является отсутствие изучения связи проэкологической мотивации с проэкологическим поведением. В дальнейших исследованиях следует оценить то, как типы мотивации могут предсказывать непосредственно проэкологическое поведение. Также было бы полезно проведение исследования различных форм внешней мотивации. Например, важным внешним мотивом проэкологического поведения может быть цель экономии средств как причина сбережения энергии (Гущина, Бадрак, 2012). Сравнительный анализ большого списка различных типов мотивации может помочь увидеть более полную картину в объяснении причин, по которым население готово демонстрировать проэкологическое поведение. Отметим также, что исследование проводилось в период малых ограничений, связанных с пандемией COVID-19. Психометрически это не должно было повлиять на структурные показатели шкалы, но могло уменьшить мотивацию людей заботиться о природе. Однако некоторые работы описывают влияние пандемии на проэкологические аттитюды и поведение как фрагментарное, незначимое даже в краткосрочной перспективе (Urban, Braun Kohlová, 2022).

Выводы

Нами была адаптирована шкала проэкологической мотивации Л. Пеллетье и коллег (Pelletier et al., 1998), а также изучена взаимосвязь типов мотивации с конструктами экологической обеспокоенности и связи с природой. Шкала продемонстрировала высокие показатели надежности, внутренней согласованности и валидности. Показатели средних, корреляций между подшкалами мотивации адаптированной версии шкалы соответствуют данным оригинально разработанной шкалы Л. Пеллетье и коллег (Ibid.). Шкала может быть использована в будущих исследованиях проэкологической мотивации в России.

Литература

- Гордеева, Т. О. (2015). *Психология мотивации достижения*. М.: Смысл.
- Гущина, Е. Г., Бадрак, Н. Ю. (2012). Мотивация энергосбережения: проблемы формирования и опыт внедрения через образование. *Современные проблемы науки и образования*, 5. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7009>
- Иванова, А. А., Агисова, Ф. Б., Сауткина, Е. В. (2020). Проэкологическое поведение в России: адаптация шкалы Кэмерона Брика и связь с экологической обеспокоенностью. *Психологические исследования*, 13(70). <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199>

- Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. (2019). *Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году»*. https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/
- Разина, Т. В. (2012). Метасистемный подход к исследованию мотивации научной деятельности. *Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук*, 1, 155–169.
- Росгидромет. (2021). *Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год*. https://www.meteorf.ru/upload/pdf_download/doklad_klimat2020.pdf
- Ткаченко, Ю. Л., Комиссарова, М. В., Щербакова, И. С. (2018). Экологическая культура общества и пути ее формирования. *Общество: философия, история, культура*, 4, 125–131. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.4.25>
- Чистопольская, К. А., Ениколопов, С. Н., Николаев, Е. Л., Семикин, Г. И. (2017). Связь с природой: вклад в душевное благополучие. В кн: Сборник статей *Международной научно-практической конференции «Перспективы психологической науки и практики»* (с. 764–767). М.: Московский государственный университет дизайна и технологии.
- Шадриков, В. Д. (1982). *Проблемы системогенеза профессиональной деятельности*. М.: Наука.
- Шадриков, В. Д. (2013). *Психология деятельности человека*. М.: Институт психологии РАН.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Brick, C., & Lai, C. K. (2018). Explicit (but not implicit) environmentalist identity predicts pro-environmental behavior and policy preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 58, 8–17. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2018.07.003>
- Brick, C., Sherman, D. K., & Kim, H. S. (2017). “Green to be seen” and “brown to keep down”: Visibility moderates the effect of identity on pro-environmental behavior. *Journal of Environmental Psychology*, 51, 226–238. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2017.04.004>
- Chistopolskaya, K. A., Enikolopov, S. N., Nikolaev, E. L., & Semikin, G. I. (2017). Svyaz' s prirodoj: vklad v dushevnoe blagopoluchie [Nature connectedness and its contribution to mental health]. In *Perspektivy psikhologicheskoi nauki i praktiki* [Perspectives of psychological science and practice] (pp. 764–767). Moscow: Moscow State University of Design and Technology.
- De Dominicis, S., Schultz, P., & Bonaiuto, M. (2017). Protecting the environment for self-interested reasons: Altruism is not the only pathway to sustainability. *Frontiers in Psychology*, 8, Article 1065. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01065>
- De Groot, J. I., & Steg, L. (2010). Relationships between value orientations, self-determined motivational types and pro-environmental behavioural intentions. *Journal of Environmental Psychology*, 30(4), 368–378. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.04.002>
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (1985). *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. Springer.
- Gifford, R. (2011). The dragons of inaction: psychological barriers that limit climate change mitigation and adaptation. *American Psychologist*, 66(4), 290–302. <https://doi.org/10.1037/a0023566>
- Gifford, R., & Nilsson, A. (2014). Personal and social factors that influence pro-environmental concern and behaviour: A review. *International Journal of Psychology*, 49(3), 141–157. <https://doi.org/10.1002/ijop.12034>

- Gordeeva, T. O. (2015). *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [Psychology of achievement motivation]. Moscow: Smysl.
- Grønhoj, A., & Thøgersen, J. (2017). Why young people do things for the environment: The role of parenting for adolescents' motivation to engage in pro-environmental behaviour. *Journal of Environmental Psychology, 54*, 11–19. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2017.09.005>
- Guschina, E. G., & Badrak, N. Y. (2012). Motivation of energy conservation: issues of its generation and experience of its implementation through education. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education], 5*. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7009> (in Russian)
- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal, 6*(1), 1–55. <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>
- Huber, J., Viscusi, W. K., & Bell, J. (2020). Dynamic relationships between social norms and pro-environmental behavior: evidence from household recycling. *Behavioural Public Policy, 4*(1), 1–25. <https://doi.org/10.1017/bpp.2017.13>
- Hunt, C. A., & Harbor, L. C. (2019). Pro-environmental tourism: Lessons from adventure, wellness and eco-tourism (AWE) in Costa Rica. *Journal of Outdoor Recreation and Tourism, 28*. <https://doi.org/10.1016/j.jort.2018.11.007>
- Ivanova, A. A., Agisova, F. B., & Sautkina, E. V. (2020). Pro-environmental behavior in Russia: Adaptation of the Recurring Pro-environmental Behavior Scale (Brick et al., 2017) and the relationship with environmental concern. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies], 13*(70). <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199> (in Russian)
- Karaarslan, G., Sungur, S., & Ertepinar, H. (2014). Developing preservice science teachers' self-determined motivation toward environment through environmental activities. *The International Journal of Environmental and Science Education, 9*(1), 1–19. <https://doi.org/10.12973/ijese.2013.222a>
- Koo, T. K., & Li, M. Y. (2016). A guideline of selecting and reporting intraclass correlation coefficients for reliability research. *Journal of Chiropractic Medicine, 15*(2), 155–163. <https://doi.org/10.1016/j.jcm.2016.02.012>
- Martin, L., White, M. P., Hunt, A., Richardson, M., Pahl, S., & Burt, J. (2020). Nature contact, nature connectedness and associations with health, wellbeing and pro-environmental behaviours. *Journal of Environmental Psychology, 68*, Article 101389. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101389>
- Mayer, F. S., & Frantz, C. M. (2004). The connectedness to nature scale: A measure of individuals' feeling in community with nature. *Journal of Environmental Psychology, 24*(4), 503–515. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.10.001>
- Miao, L., & Wei, W. (2013). Consumers' pro-environmental behavior and the underlying motivations: A comparison between household and hotel settings. *International Journal of Hospitality Management, 32*, 102–112. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2012.04.008>
- Ministerstvo prirodnikh resursov i ekologii Rossiiskoi Federatsii [Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation]. (2019). *Gosudarstvennyi doklad "O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchei sredy Rossiiskoi Federatsii v 2018 godu"* [State report "On the State and Environmental Protection of the Russian Federation in 2018"]. https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/
- Moser, S., & Kleinhüchelkotten, S. (2018). Good intents, but low impacts: diverging importance of motivational and socioeconomic determinants explaining pro-environmental behavior, energy use, and carbon footprint. *Environment and Behavior, 50*(6), 626–656. <https://doi.org/10.1177/0013916517710685>

- Nisbet, E. K., Zelenski, J. M., & Murphy, S. A. (2009). The nature relatedness scale: Linking individuals' connection with nature to environmental concern and behavior. *Environment and Behavior*, 41(5), 715–740. <https://doi.org/10.1177/0013916508318748>
- Pelletier, L. G., Dion, S., Tuson, K., & Green Demers, I. (1999). Why do people fail to adopt environmental protective behaviors? Toward a taxonomy of environmental amotivation. *Journal of Applied Social Psychology*, 29(12), 2481–2504. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1999.tb00122.x>
- Pelletier, L. G., Tuson, K. M., Green Demers, I., Noels, K., & Beaton, A. M. (1998). Why are you doing things for the environment? The Motivation Toward the Environment Scale (MTES) 1. *Journal of Applied Social Psychology*, 28(5), 437–468. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1998.tb01714.x>
- Polonsky, M. J., Shelley, L., & Voola, R. (2002). An examination of helping behavior—Some evidence from Australia. *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*, 10(2), 67–82. https://doi.org/10.1300/J054v10n02_04
- Priede, C., & Farrall, S. (2011). Comparing results from different styles of cognitive interviewing: 'verbal probing' vs. 'thinking aloud'. *International Journal of Social Research Methodology*, 14(4), 271–287. <https://doi.org/10.1080/13645579.2010.523187>
- Razina, T. V. (2012). Metasistemnyi podkhod k issledovaniyu motivatsii nauchnoi deyatel'nosti [Metasystem approach to research on motivation toward scientific activity]. *Vestnik Syktyvkar'skogo Universiteta. Seriya Gumanitarnykh Nauk [Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series]*, 1, 155–169.
- Renaud-Dubé, A., Taylor, G., Leke, N., Koestner, R., & Guay, F. (2010). Adolescents' motivation toward the environment: Age-related trends and correlates. *Canadian Journal of Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement*, 42(3), 194–199. <https://doi.org/10.1037/a0018596>
- Rezvani, Z., Jansson, J., & Bengtsson, M. (2017). Cause I'll feel good! An investigation into the effects of anticipated emotions and personal moral norms on consumer pro-environmental behavior. *Journal of Promotion Management*, 23(1), 163–183. <https://doi.org/10.1080/10496491.2016.1267681>
- Roshydromet. (2021). *Doklad ob osobennostyakh klimata na territorii Rossiiskoi Federatsii za 2020 god* [A report on climate features on the territory of the Russian Federation in 2020]. https://www.meteor.ru/upload/pdf_download/doklad_klimat2020.pdf
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2000). Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions. *Contemporary Educational Psychology*, 25(1), 54–67. <https://doi.org/10.1006/ceps.1999.1020>
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. Guilford Publications.
- Sass, W., Pauw, J. B. D., Donche, V., & Petegem, P. V. (2018). “Why (should) I do something for the environment?” Profiles of Flemish adolescents' motivation toward the environment. *Sustainability*, 10(7), Article 2579. <https://doi.org/10.3390/su10072579>
- Schultz, W. P. (2001). The structure of environmental concern: concern for self, other people, and the biosphere. *Journal of Environmental Psychology*, 21(4), 327–339. <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0227>
- Shadrikov, V. D. (1982). *Problemy sistemogeneza professional'noi deyatel'nosti* [Problems of systemogenesis of professional activity]. Moscow: Nauka.
- Shadrikov, V. D. (2013). *Psikhologiya deyatel'nosti cheloveka* [The psychology of human activity]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Soyez, K. (2012). How national cultural values affect pro environmental consumer behavior. *International Marketing Review*, 29(6), 623–646. <https://doi.org/10.1108/02651331211277973>
- Steg, L., & Vlek, C. (2009). Encouraging pro-environmental behaviour: An integrative review and research agenda. *Journal of Environmental Psychology*, 29(3), 309–317. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.10.004>

- Steg, L., Perlaviciute, G., van der Werff, E., & Lurvink, J. (2014). The significance of hedonic values for environmentally relevant attitudes, preferences, and actions. *Environment and Behavior*, 46(2), 163–192. <https://doi.org/10.1177/0013916512454730>
- Tam, K. P., & Chan, H. W. (2017). Environmental concern has a weaker association with pro-environmental behavior in some societies than others: A cross-cultural psychology perspective. *Journal of Environmental Psychology*, 53, 213–223. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2017.09.001>
- Teigen, K. H. (1994). Yerkes-Dodson: A law for all seasons. *Theory & Psychology*, 4(4), 525–547. <https://doi.org/10.1177/0959354394044004>
- Thiermann, U. B., & Sheate, W. R. (2020). Motivating individuals for social transition: The 2-pathway model and experiential strategies for pro-environmental behaviour. *Ecological Economics*, 174, Article 106668. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2020.106668>
- Thøgersen, J. (2006). Norms for environmentally responsible behaviour: An extended taxonomy. *Journal of Environmental Psychology*, 26, 247–336. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2006.09.004>
- Tkachenko, Yu. L., Komissarova, M. V., & Sherbakova, I. S. (2018). The ecological culture of society and the ways of its development. *Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kul'tura [Society: Philosophy, History, Culture]*, 4(4), 125–131. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.4.25> (in Russian)
- Unal, A. B., Steg, L., & Granskaya, J. (2019). “To support or not to support, that is the question”. Testing the VBN theory in predicting support for car use reduction policies in Russia. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, 119, 73–81. <https://doi.org/10.1016/j.tra.2018.10.042>
- Urban, J., Braun Kohlová, M. (2022). The COVID-19 crisis does not diminish environmental motivation: Evidence from two panel studies of decision making and self-reported pro-environmental behavior. *Journal of Environmental Psychology*, 80, Article 101761. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2022.101761>
- Venhoeven, L. A., Bolderdijk, J. W., & Steg, L. (2013). Explaining the paradox: how pro-environmental behaviour can both thwart and foster well-being. *Sustainability*, 5(4), 1372–1386. <https://doi.org/10.3390/su5041372>
- Zelezny, L. C., Chua, P. P., & Aldrich, C. (2000). New ways of thinking about environmentalism: elaborating on gender differences in environmentalism. *Journal of Social Issues*, 56(3), 443–457. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00177>
- Zibenberg, A., Greenspan, I., Katz-Gerro, T., & Handy, F. (2018). Environmental behavior among Russian youth: the role of self-direction and environmental concern. *Environmental Management*, 62(2), 295–304. <https://doi.org/10.1007/s00267-018-1032-7>

Приложение 1

Шкала проэкологической мотивации

Описание инструментария

Шкала проэкологической мотивации включает в себя шесть субшкал: внутренняя мотивация (вопросы 1–4), интегрированная мотивация (вопросы 5–8), идентифицированная мотивация (вопросы 9–12), интроецированная мотивация (вопросы 13–16), внешне регулируемая мотивация (вопросы 17–20) и амотивация (вопросы 21–24).

Процедура

Рекомендуется предъявлять вопросы в случайном порядке. Предъявление вопросов в виде приведенного ниже списка может ухудшить работу методики из-за возникновения ошибки измерения.

Инструкция

Люди выполняют разные действия для того, чтобы защитить окружающую среду. Ниже приведены утверждения о возможных причинах выполнения этих действий. Используя шкалу от 1 до 7, укажите, в какой степени предложенные утверждения соответствуют тому, почему вы заботитесь об окружающей среде (1 — абсолютно не верно, 7 — абсолютно верно).

Список утверждений

1. Потому что, когда я забочусь об окружающей среде, я получаю удовольствие.
2. Потому что я получаю удовольствие, когда нахожу новые способы помочь окружающей среде.
3. Потому что я получаю удовольствие, когда помогаю улучшать качество окружающей среды.
4. Потому что мне нравится чувство, которое я испытываю, когда я делаю что-то для окружающей среды.
5. Потому что осознанное отношение к окружающей среде стало важнейшей частью меня.
6. Потому что забота об окружающей среде — неотъемлемая часть моей жизни.
7. Потому что мне кажется, что забота о себе и забота об окружающей среде неразрывно связаны друг с другом.
8. Потому что это часть образа жизни, который я выбрал(-а) для себя.
9. Потому что это мой способ внести свой вклад в сохранение окружающей среды.
10. Потому что делать что-то для окружающей среды — это разумно.
11. Потому что я считаю, что заботиться об окружающей среде — это хорошо.
12. Потому что необходимо заботиться об окружающей среде.
13. Потому что я бы испытывал чувство вины, если бы ничего не делал для окружающей среды.
14. Потому что мне было бы стыдно перед другими, если бы я ничего не делал для окружающей среды.
15. Потому что я бы переживал, если бы ничего не делал для окружающей среды.
16. Потому что я бы сожалел о том, что чего-то не делал для окружающей среды.
17. Чтобы избежать критики.
18. Потому что мои друзья настаивают на том, чтобы я это делал.
19. Потому что, если я ничего не буду делать для окружающей среды, это будет возмущать других людей.
20. Потому что за это я получаю одобрение окружающих.
21. Я считаю, что делать что-то для окружающей среды — пустая трата времени.
22. Я не понимаю, какая мне от этого польза.
23. Я не понимаю, как мои усилия по защите окружающей среды помогают природе.
24. Я задаюсь вопросом, зачем я делаю что-то для окружающей среды, если ситуация не улучшается.

Обработка результатов

Среднее каждой субшкалы служит показателем подтипа мотивации. Шкала не предполагает наличие тестовых норм.

ШКАЛА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОБЕСПОКОЕННОСТИ У. ШУЛЬЦА: АДАПТАЦИЯ И ВАЛИДИЗАЦИЯ

А.А. ИВАНОВА^а, Т.М. ШЕВЕЛЬ^а, Ф. АГИСОВА^а, Н.А. ПАТРАКОВА^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

W. Schultz Environmental Concern Scale: Adaptation and Validation

A.A. Ivanova^a, T.M. Shevel^a, F. Agisova^a, N.A. Patrakova^a

^a *HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Резюме

Для развития экологической психологии и более глубокого исследования предикторов проэкологического поведения необходимо расширение российского инструментария исследований. В связи с этим целью данной работы стала адаптация и валидизация шкалы экологической обеспокоенности, разработанной в 2001 г. У. Шульцем. Методика основывается на представлениях о ценностной природе аттитюда и рассматривает оценки важности современных экологических проблем для себя, других и органического мира, т.е. эгоистическую, альтруистическую и биосферическую обеспокоенность. Для изучения трехфакторной структуры шкалы были проанализированы данные трех исследований (всего 1333 респондента), в которых использовались незначительно разные формулировки вопросов. Протестированные 12 пунктов полной

Abstract

In order to advance the field of environmental psychology and gain a more profound understanding in the determinants for pro-environmental behavior in the Russian context, it is essential to increase existing research methodology. Therefore, the goal of this study was to adapt and validate the Environmental Concern Scale developed by Schultz in 2001. The methodology was developed based on the value nature of attitude and deals with evaluations of the importance of environmental consequences for oneself, others, and the animal world (egoistic, altruistic, and biospheric concern). Data from three studies which used slightly different question formulations (1333 respondents in total) were analyzed to investigate the three-factor structure of the scale. The

---

Публикация подготовлена в результате проведения исследования (проект № 21-04-058 «Психология среды») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University (grant №21-04-058 «Environmental Psychology»).

версии методики показали удовлетворительное соответствие эмпирическим данным. На основании анализа ковариаций и факторных нагрузок для каждого вида обеспокоенности было удалено по одному вопросу. После сокращения трехфакторная модель для шкалы продемонстрировала хорошее соответствие эмпирическим данным, а ее подшкалы — высокую внутреннюю согласованность. При этом показатели анализов для развернутых формулировок не отличались от сокращенных, соответственно, финальная версия шкалы обеспокоенности представлена с вопросами без дополнительных уточнений. Конвергентная валидность шкалы была доказана в результате корреляционного анализа видов обеспокоенности с конструктами ценностей и связи с природой. Было выявлено, что все виды обеспокоенности выше у женщин, чем у мужчин. Кроме того, биосферическая и альтруистическая обеспокоенности увеличиваются с возрастом респондентов и выше у жителей регионов России, чем у жителей Москвы и Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: экологическая обеспокоенность, связь с природой, ценности, адаптация.

Иванова Александра Андреевна — аспирант, стажер-исследователь, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера интересов: социальная психология, психология среды, проэкологическое поведение, психометрика, методология исследований.

Контакты: privanovalexandra@gmail.com

Шевель Татьяна Максимовна — выпускница бакалавриата, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: устойчивое развитие, возобновляемые источники энергии, коренные народы, психология окружающей среды, психология внимания.

Контакты: tanechkash18@yandex.ru

Агисова Фатиха — выпускница магистратуры, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: психология среды,

tested 12 items of the scale full version showed satisfactory fit with the empirical data. Based on the analysis of covariance and factor loadings, one question was removed for each type of concern. After reduction, the scale showed good model fit, and its factors showed high internal consistency. Importantly, the analysis of the results for the extended formulations did not significantly differ from the abbreviated versions. Consequently, the final version of the concern scale is presented with questions devoid of additional specifications. The convergent validity of the scale was confirmed by the constructs of values and nature connectedness. It was found that all forms of concern were higher in women compared to men. Furthermore, biospheric and altruistic concerns increased with respondents' age and were higher among residents of Russian regions compared to inhabitants of Moscow and Saint-Petersburg.

Keywords: environmental concern, nature connectness, values, adaptation.

Alexandra A. Ivanova — PhD student, Research Assistant, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University.

Research Area: social psychology, environmental psychology, pro-environmental behavior, psychometrics, research methodology.

E-mail: privanovalexandra@gmail.com

Tatyana M. Shevel — BSc in Psychology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University.

Research Area: sustainable development, renewable energy, indigenous peoples, environmental psychology, attention psychology.

E-mail: tanechkash18@yandex.ru

Agisova Fatikha — MSc in Psychology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University.

Research Area: environmental psychology, pro-environmental behavior, climate

проэкологическое поведение, коммуникация изменения климата, политические ценности, экологическая обеспокоенность.
Контакты: agisa.1995@gmail.com

Патракова Наталия Алексеевна — выпускница магистратуры, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: экологическая психология.

Контакты: napatrakova@edu.hse.ru

change communication, political values, environmental concern.

E-mail: agisa.1995@gmail.com

Nataliya A. Patrakova — MSc in Psychology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University.

Research Area: environmental psychology.

E-mail: napatrakova@edu.hse.ru

Благодарности

Авторы благодарят С. Фомичеву и М. Заможскую за предоставленные для статьи данные, полученные в ходе выполнения ими выпускных квалификационных работ, защищенных в НИУ ВШЭ под руководством профессора Е.В. Сауткиной.

Acknowledgements

The authors would like to thank S. Fomichev and M. Zamozhskaya for providing the data for the article, which was obtained during their thesis research conducted at HSE University under the supervision of Professor E.V. Sautkina.

Экологические и климатические проблемы становятся все более видимыми для мирового сообщества, и для России в частности. Так, с началом постиндустриального периода средняя температура поверхности Земли значительно увеличилась, и уже сейчас большинство живых организмов и экосистем сталкиваются с последствиями этих климатических изменений (IPCC, 2018), которые в значительной степени связаны с антропогенными факторами (Steffen et al., 2018). Кроме потепления, антропогенная деятельность приводит к увеличению количества отходов и загрязнению атмосферы, почвы и воды (Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 2019).

Несмотря на повышение внимания к экологической повестке, далеко не все предпринимают действия, направленные на сохранение окружающей среды. Таким образом, исследование переменных, детерминирующих проэкологическое поведение, является одной из ключевых тем в экологической психологии (Steg, Vlek, 2009). В этой связи часто рассматривается отношение человека к экологическим проблемам и обеспокоенность ими (Gifford, Nilsson, 2014). В зарубежных исследованиях было доказано, что экологическая обеспокоенность является важным конструктом, определяющим широкий спектр проэкологических действий, в основном через опосредование другими значимыми для культурного контекста переменными (Kulin, Johansson Sevä, 2021; Rhead et al., 2015; Tam, Chan, 2017). Несмотря на то что в англоязычной литературе часто рассматривают данную переменную, на русском языке была обнаружена только апробация методики «Новая экологическая парадигма», которая скорее изучает аспекты экологического мировоззрения, чем обеспокоенность (Кряж, 2013; Dunlap et al., 2000). В связи с этим целью данной работы является адаптация шкалы экологической обеспокоенности для российского контекста.

Экологическая обеспокоенность

Понятие экологической обеспокоенности (англ. *environmental concern*) в рамках психологии среды изучается более 30 лет (Liere, Dunlap, 1980), в связи с чем его определения и методы исследования разнятся (Fransson, Gärling, 1999; Cruz, Manata, 2020; Lou et al., 2022). В большинстве работ оно характеризуется как отношение (англ. *attitude*) к экологическим проблемам и заключается в восприятии их важности (Gkargkavouzi et al., 2019; Gómez-Carmona et al., 2022). Обеспокоенность включает в себя когнитивный и эмоциональный отклик на экологические проблемы, а также оценку их последствий (Gkargkavouzi et al., 2019). Кроме того, некоторые исследователи вносят в определение экологической обеспокоенности желание и намерение человека принимать участие в решении проблем окружающей среды (Gkargkavouzi et al., 2019; Lo, 2016; Weigel, Weigel, 1978). В связи с этим данную переменную изучают как один из компонентов в рамках теории запланированного поведения (англ. *theory of planned behaviour*) И. Айзена (Ajzen, 1991; Fransson, Gärling, 1999). Выявлено, что высокий уровень экологической обеспокоенности может мотивировать людей на действия, направленные на защиту окружающей среды (Gómez-Carmona et al., 2022), например, на ответственное потребление в целом (Saari et al., 2021) и конкретно на экономию воды и энергии (Sapci, Considine, 2014). Тем не менее важно отметить, что наличие экологической обеспокоенности не всегда переходит в проэкологическое поведение (Saari et al., 2021). Скорее, высокий уровень экологической обеспокоенности коррелирует с выраженным намерением к проэкологическому поведению, которое, при определенных обстоятельствах, с большей вероятностью может привести к реальным действиям (Gkargkavouzi et al., 2019).

Степень выраженности экологической обеспокоенности определяется множеством факторов, как личных, так и социальных (Escario et al., 2022; Gifford, Nilsson, 2014). Так, в качестве предикторов экологической обеспокоенности выделяют ценности (Schultz, 2001) и связь с природой (Mayer, Frantz, 2004). Связь с природой определяется как эмоциональная привязанность человека к окружающей среде с включением ее в когнитивную репрезентацию самого себя (Schultz, 2001; Mayer, Frantz, 2004). Наличие связи с природой однозначно усиливает обеспокоенность ее экологическим состоянием. Альтруистические и биосферические ценности выражаются в беспокойстве о человечестве и окружающем мире (de Groot et al., 2013), в то время как гедонистические и эгоистические ценности, направленные на удовлетворение собственных потребностей, принято считать негативно связанными с проэкологическими переменными (Schultz, Zelezny, 1998; Thøgersen, Ölander, 2002; Steg et al., 2014). Вероятно, это обусловлено тем, что часто действия, направленные на защиту окружающей среды, приносят пользу другим и окружающей среде, но ассоциируются с высокими личными затратами (например, экономия воды, сокращение использования личного автотранспорта). Однако некоторые исследования, наоборот, свидетельствуют о позитивном влиянии эгоистических ценностей на действия, связанные с потреблением экотоваров

(Yadav, 2016; Sautkina et al., 2021). Важно отметить, что в некоторых случаях ценности лучше определяют поведенческие намерения, чем экологическое мировоззрение и обеспокоенность (Steg et al., 2011). Соответственно, рассмотрение конструкта экологической обеспокоенности с включением в него ценностных ориентаций могло бы увеличить его релевантность. Такая методика, рассматривающая биосферическую (англ. *biospheric concern*, обеспокоенность состоянием биосферы), альтруистическую и эгоистическую обеспокоенность, была разработана У. Шульцем (Schultz, 2001).

Адаптация шкалы

Данное исследование посвящено адаптации шкалы экологической обеспокоенности У. Шульца (Schultz, 2001), где исследуемая переменная рассматривается как интенсивность оценки важности экологических проблем для конкретной группы акторов. Выбор именно этой шкалы для адаптации обусловлен как авторитетностью источника и распространенностью его использования, так и простотой формулировок для респондентов (Dillman, 2000). Помимо этого, при разработке шкала была протестирована не только в англоязычных странах, но и в 10 латиноамериканских, что свидетельствует о ее кросс-культурной валидности. Сравнительный анализ шкал экологической обеспокоенности показал, что методика Шульца обладает наиболее высокой надежностью и при этом рассматривает отличные от друг друга виды обеспокоенности: биосферическую и эгоистическую с альтруистической (Cruz, Manata, 2020).

Данная шкала состоит из 12 вопросов, по 4 вопроса на каждый тип обеспокоенности: биосферическая (обеспокоенность за растения, морских обитателей, животных и птиц), альтруистическая (обеспокоенность за всех людей, детей, своих детей и людей в своей стране) и эгоистическая (обеспокоенность за себя, свое здоровье, свой образ жизни и свое будущее). Респондентам предлагается оценить важность последствий экологических проблем по семibalльной шкале Ликерта (см. Приложение).

В рамках исследования на трех независимых выборках выполнены перевод инструментария, анализ структуры шкалы экологической обеспокоенности и внутренней согласованности ее подшкал. Помимо этого, с целью подтверждения конвергентной валидности шкалы в исследовании будет изучена связь видов обеспокоенности с конструктами ценностей (биосферические, альтруистические, эгоистические и гедонистические (de Groot, Steg, 2008; Steg et al., 2014) и связи с природой (Mayer, Frantz, 2004; в адаптации: Чистопольская и др., 2017). Валидность будет считаться доказанной, если предложенные переменные (все, кроме переменной «гедонистические ценности») будут иметь положительную связь с обеспокоенностью. При этом предполагается, что биосферическая обеспокоенность наибольшим образом будет коррелировать с биосферическими ценностями, альтруистическая — с альтруистическими ценностями, а эгоистическая — с эгоистическими.

Методы

При отсутствии адаптированного инструментария исследователи использовали различные версии перевода пунктов методики на русский язык. Например, в оригинальной методике для пункта «My children» автором была предложена альтернативная формулировка «Future generations», что трансформировалось в русскоязычных опросах в вопросы об обеспокоенности за «моих детей», «моих детей и будущих поколений» и «моих детей/будущих поколений». Различия в переводах также встречались для пунктов «My future» — «Моего личного будущего» или «Моего будущего» и «My lifestyle» — «Моего привычного образа жизни» или «Моего образа жизни».

Для лучшей оценки психометрических свойств шкалы в данной работе мы использовали материалы трех исследований (см. таблицу 1). Помимо возможности проанализировать работу пунктов с разными формулировками, такой подход обеспечил разнообразие выборок по социально-демографическим характеристикам, что отчасти позволяет распространить результаты на генеральную совокупность россиян. В каждом исследовании перевод шкалы экологической обеспокоенности Шульца с английского на русский был осуществлен учеными с профессиональным уровнем знания английского языка. В связи с простотой используемых формулировок апробация их значений в рамках когнитивных интервью не проводилась.

В таблице 1 представлен краткий обзор каждого набора данных. Все они были собраны на онлайн-платформах в период с апреля 2020 по август 2021 г. Вопросы шкалы экологической обеспокоенности были даны в случайном порядке. Помимо этого, опросы включали в себя разное количество других переменных. В данной статье будут рассмотрены результаты по шкалам экологической обеспокоенности, ценностей, связи с природой и социодемографические переменные.

Инструментарий исследования

Экологическая обеспокоенность измерялась с помощью адаптируемой методики У. Шульца (Schultz, 2001), описанной выше. В качестве коррелята обеспокоенности использовались шкалы ценностей (de Groot, Steg, 2008; Ünal et al., 2019) и связи с природой (Mayer, Frantz, 2004; Чистопольская и др., 2017). Шкала ценностей состояла из 16 вопросов, которые предлагалось оценить по девятибалльной шкале (где 1 — «ценности, противоположные вашим принципам», 3 — «ценность важна», 7 — «ценность высшей значимости»). В шкале были представлены био-сферические (уважительное отношение к природе и единство с ней, защита окружающей среды, предотвращение природных загрязнений), альтруистические (равенство, мир во всем мире, социальная справедливость, полезность), гедонистические (удовольствие, наслаждение жизнью, потворствование своим желаниям) и эгоистические (социальная власть, богатство, авторитет, влияние, амбициозность) ценности. Для измерения связи с природой респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале 14 утверждений, три из которых имели

Таблица 1

Процедура сбора данных и описание переменных трех исследований

	Исследование 1	Исследование 2	Исследование 3	
Период	апрель 2020 – февраль 2021	август – сентябрь 2021 года	июль – август 2021	
Метод	Метод «снежного кома»	Квотная выборка	Квотная выборка	
Платформа	1ka.si	anketolog.ru	1ka.si	anketolog.ru
Вознаграждение	отсутствует	190 рублей	розыгрыш 6 призов по 1000 рублей (n = 98)	210 рублей (n = 364)
Ценности				
<i>Биосферические</i>	4.4 (1.8), $\alpha = 0.91$		5.2 (1.3), $\alpha = 0.88$	
<i>Альтруистические</i>	4.7 (1.6), $\alpha = 0.82$		5.3 (1.2), $\alpha = 0.67$	
<i>Эгоистические</i>	3.0 (1.5), $\alpha = 0.81$		3.8 (1.4), $\alpha = 0.75$	
<i>Гедонистические</i>	4.2 (1.4), $\alpha = 0.77$		5.0 (1.4), $\alpha = 0.79$	
Связь с природой	3.4 (0.57), $\alpha = 0.86$	3.5 (0.69), $\alpha = 0.84$		
Количество других переменных	5	11	7	

Примечание. Для переменных указаны средние (стандартное отклонение).

обратную форму (где 1 – «полностью не согласен», 5 – «полностью согласен»). Для дальнейшего анализа использовались усредненные значения описанных конструкторов, внутренняя согласованность которых представлена в таблице 1.

Выборка

Социально-демографические характеристики выборок трех исследований представлены в таблице 2. Исследования 2 и 3 использовали квотированный набор выборки для достижения сбалансированных данных по полу, возрасту, образованию и региону проживания. Несмотря на наличие высшего образования у более чем 70% респондентов, также высок процент тех, кто окончил средние специальные учебные заведения. Кроме того, значимая доля респондентов проживали за пределами двух крупнейших городских агломераций России.

Результаты

Оценка шкалы: факторная структура, внутренняя согласованность, показатели подшкал

Для оценки структуры шкалы использовался конфирматорный факторный анализ. Модель включала в себя три вида обеспокоенности с четырьмя вопросами ($p < 0.001$) на каждый фактор (всего 12 вопросов). Показатели

Таблица 2

Характеристики выборок

Социально-демографические характеристики	Исследование 1	Исследование 2	Исследование 3
	N = 445	N = 426	N = 462
Пол*	320 (71.9%)	249 (58.5%)	262 (56.7%)
Возраст **	27.5 (7.23) от 18 до 63	41.6 (11.5) от 17 до 74	36.7 (11.8) от 18 до 72
Образование			
<i>Высшее</i>	347 (78%)	314 (73.7%)	326 (70.5%)
<i>Среднее специальное</i>	32 (7.2%)	90 (21.1%)	95 (20.6%)
<i>Среднее</i>	66 (14.8%)	22 (5.2%)	41 (8.9%)
Регион проживания			
<i>Москва и МО</i>	250 (56.2%)	83 (19.5%)	141 (30.5%)
<i>Санкт-Петербург и область</i>	54 (12.1%)	31 (7.3%)	29 (6.3%)
<i>Другое</i>	141 (31.7%)	312 (73.2%)	292 (63.2%)

Примечание. * — пол указан как абсолютная частота женщин (в %); ** — средние (стандартное отклонение).

пригодности моделей для трех выборок можно считать удовлетворительными (см. таблицу 3). Для всех моделей показатель χ^2/df был выше 3, а для исследований 2 и 3 значения RMSEA выше 0.1, что говорит о невысоком соответствии данных предложенной структуре (Marsh et al., 2004). Добиться приемлемых значений ($\chi^2/df < 3$ и $RMSEA < 0.10$) можно, добавив связи между пунктами шкалы. На основании модификационных индексов для трех исследований были добавлены связи так, чтобы $\chi^2/df \leq 3$, при этом показатели уменьшились до $RMSEA \leq 0.68$ (см. рисунок 1).

Полученные данные можно интерпретировать в пользу сохранения методики в оригинальном виде. Тем не менее сильная связь между пунктами или нагрузками от других факторов говорят о недостаточной содержательной валидности инструментария. В соответствии с рекомендациями внимательно рассматривать проблемные пункты шкал и сокращать количество вопросов, если это кажется релевантным, было принято решение сократить шкалу на один пункт из каждого фактора. Для альтруистической и эгоистической обеспокоенности пункты «Моих детей и будущих поколений» и «Меня» имели наибольшее количество корреляций с другими вопросами и наибольшие нагрузки от чужих факторов. В случае биосферической обеспокоенности можно рассмотреть возможность объединения вопросов, касающихся птиц и животных, основываясь на основании ковариации пунктов и семантической близости понятий (виды наземной фауны). Если сократить шкалу, удалив два пункта из факторов альтруистической и эгоистической обеспокоенности, а также усреднить два пункта из факторов биосферической обеспокоенности, то показатели моделей для трех исследований будут значительно улучшены по сравнению с оригинальной шкалой (см. таблицу 4).

Таблица 3

Конфирматорный факторный анализ шкалы обеспокоенности

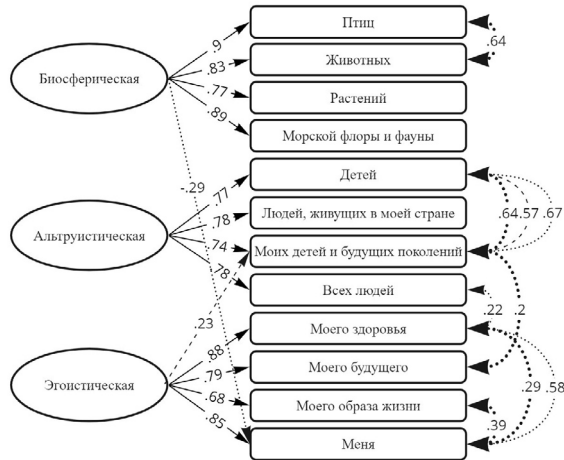
Факторы	Варианты утверждений («Меня беспокоят экологические проблемы из-за последствий для...»)	Исследование		
		1	2	3
Биосферическая обеспокоенность	птиц	0.911	0.897	0.958
	животных	0.828	0.924	0.949
	растений	0.767	0.929	0.884
	морской флоры и фауны	0.922	0.917	0.891
	α Кронбаха	0.920	0.950	0.960
Альтруистическая обеспокоенность	детей	0.896	0.846	0.771
	людей, живущих в моей стране	0.823	0.841	0.777
	моих детей и будущих поколений	0.781		
	моих детей/будущих поколений		0.838	
	моих детей			0.737
	всех людей	0.808	0.815	0.780
	α Кронбаха	0.910	0.900	0.850
Эгоистическая обеспокоенность	моего здоровья	0.895	0.875	0.891
	моего личного будущего		0.791	
	моего будущего	0.855		0.803
	моего привычного образа жизни		0.785	
	моего образа жизни	0.794		0.683
	меня	0.847	0.933	0.853
	α Кронбаха	0.890	0.910	0.880

Примечание. Показатели моделей: исследование 1 – $\chi^2/df = 5$ (256/51), $p < 0.001$; CFI = 0.948; TLI = 0.933; RMSEA = 0.095 (CI 90% L = 0.084, U = 0.1); SRMR = 0.045; исследование 2 – $\chi^2/df = 9.16$ (467/51), $p < 0.001$; CFI = 0.917; TLI = 0.893; RMSEA = 0.138 (CI 90% L = 0.127, U = 0.15); SRMR = 0.057; исследование 3 – $\chi^2/df = 10,9$ (557/51), $p < 0.001$; CFI = 0.898; TLI = 0.868; RMSEA = 0.147 (CI 90% L = 0.136, U = 0.158); SRMR = 0.055.

Таким образом, была получена краткая форма шкалы, которая состоит из трех факторов с тремя пунктами в каждом ($p < 0.001$). Дополнительным аргументом в пользу использования сокращенной версии является почти полная идентичность статистических взаимосвязей двух средних от переменных (биосферической, альтруистической и эгоистической обеспокоенности) из оригинальной и краткой версий шкал (все $r > 0.98$, $p < 0.001$). В связи с этим для дальнейшего анализа в статье будут использоваться показатели сокращенной шкалы экологической обеспокоенности.

Затем данные трех исследований были объединены. Все показатели обеспокоенности имели схожие средние и стандартные отклонения: биосферическая – $M = 5.5$, $SD = 1.4$, альтруистическая – $M = 5.4$, $SD = 1.4$, эгоистическая – $M = 5.4$, $SD = 1.3$. При семибалльной шкале измерения данные значения говорят о

Факторная структура шкалы экологической обеспокоенности

Примечание. Указаны нижние значения факторных нагрузок из трех исследований. Пунктирными линиями обозначены добавленные связи для приведения модели в соответствие критериям пригодности: исследование 1 — штрих, исследование 2 — точки, исследование 3 — жирные точки.

Таблица 4

Конфирматорный факторный анализ сокращенной шкалы экологической обеспокоенности

Факторы	Варианты утверждений («Меня беспокоят экологические проблемы из-за последствий для...»)	Исследование		
		1	2	3
Биосферическая обеспокоенность	птиц и животных	0.930	0.939	0.907
	растений	0.765	0.932	0.928
	морской флоры и фауны	0.924	0.919	0.937
	α Кронбаха	0.900	0.950	0.95
Альтруистическая обеспокоенность	детей	0.819	0.747	0.646
	людей, живущих в моей стране	0.876	0.898	0.845
	всех людей	0.861	0.858	0.834
	α Кронбаха	0.890	0.870	0.800
Эгоистическая обеспокоенность	моего здоровья	0.862	0.778	0.873
	моего личного будущего		0.835	
	моего будущего	0.897		0.829
	моего привычного образа жизни		0.807	
	моего образа жизни	0.772		0.635
	α Кронбаха	0.880	0.850	0.810

Примечание. Показатели моделей: исследование 1 — $\chi^2/df = 3.1 (75.2/24)$, $p < 0.001$; CFI = 0.98; TLI = 0.97; RMSEA = 0.069 (CI 90% L = 0.052, U = 0.087); SRMR = 0.034; исследование 2 — $\chi^2/df = 2.8 (67.8/24)$, $p < 0.001$; CFI = 0.99; TLI = 0.98; RMSEA = 0.065 (CI 90% L = 0.047, U = 0.084); SRMR = 0.023; исследование 3 — $\chi^2/df = 3.9 (94/24)$, $p < 0.001$; CFI = 0.98; TLI = 0.97; RMSEA = 0.08 (CI 90% L = 0.063, U = 0.097); SRMR = 0.034.

достаточно высоком уровне обеспокоенности последствиями экологических проблем для разных акторов.

Как и предполагалось, виды обеспокоенности в достаточно высокой степени коррелируют между собой: биосферическая с альтруистической ($r = 0.58$, $p < 0.001$) и эгоистической ($r = 0.46$, $p < 0.001$), альтруистическая с эгоистической ($r = 0.62$, $p < 0.001$). При этом важно отметить, что представленные корреляции дают понимание о разности исследуемых видов обеспокоенности.

Связь конструктов сокращенной шкалы с другими переменными

Для оценки конвергентной валидности были рассмотрены взаимосвязи видов обеспокоенности с переменными ценности и связь с природой (см. таблицу 5). Все виды обеспокоенности коррелировали с исследуемыми переменными (все $r > 0.07$, $p < 0.05$). Как и предполагалось, биосферические ценности и обеспокоенность, так же как и альтруистические и эгоистические, наибольшим образом коррелируют между собой. Интересно, однако, что гедонистические ценности ($r = 0.21$, $p < 0.001$) имеют схожую с эгоистическими (все $r = 0.23$, $p < 0.001$) взаимосвязь с эгоистической обеспокоенностью. Важно также объяснить снижение значений корреляции от биосферических переменных к альтруистическим и эгоистическим. Это связано с тем, что исследуемый конструкт экологической обеспокоенности в первую очередь определяется отношением к окружающей среде. Данный аргумент подкрепляется довольно схожими показателями корреляции между видами обеспокоенности и связью с природой (все $r > 0.39$, $p < 0.001$).

Связь конструктов сокращенной шкалы с социально-демографическими переменными

Исследование связи между типами обеспокоенности и возрастом было проведено с помощью анализа ранговой корреляции Спирмена. Биосферическая

Таблица 5

Корреляционные связи (коэффициент Спирмена) между видами обеспокоенности и шкалами ценностей и связи с природой

Переменные	Обеспокоенность		
	Биосферическая	Альтруистическая	Эгоистическая
Ценности			
<i>Биосферические</i>	0.60**	0.42**	0.29**
<i>Альтруистические</i>	0.35**	0.43**	0.22**
<i>Эгоистические</i>	0.07*	0.13**	0.23**
<i>Гедонистические</i>	0.10*	0.08*	0.21**
Связь с природой	0.48**	0.47**	0.39**

* $p < 0.05$, ** $p < 0.001$.

($r = 0.1, p < 0.001$) и альтруистическая ($r = 0.2, p < 0.001$) обеспокоенности увеличивались по мере повышения возраста респондентов, а эгоистическая не имела связи с возрастом ($r = 0.04, p = 0.16$). Выяснилось, что показатели всех видов обеспокоенности значимо выше у женщин, чем у мужчин (все $Z > 2.7, p < 0.007$, тест Манна–Уитни). Ранговый тест Краскела–Уоллиса показал значимые различия альтруистической обеспокоенности в зависимости от уровня образования ($\chi^2 = 7.2, p = 0.028$). При детальном рассмотрении дисперсионного анализа с поправкой Бонферрони видно, что данный вид обеспокоенности значимо выше у людей со средним специальным образованием, чем у людей со средним образованием ($p = 0.038$). Таким же образом были обнаружены различия по уровню биосферической и альтруистической обеспокоенности между жителями страны, разделенными на три категории: проживающие в Москве и области ($n = 474$), Петербурге и области ($n = 114$) и других населенных пунктах ($n = 737$). Поправка Бонферрони показала, что у жителей других населенных пунктов выше биосферическая (все $p < 0.03$) и альтруистическая (все $p < 0.001$) обеспокоенность, чем у москвичей и петербуржцев.

Обсуждение

В представленном исследовании мы проанализировали структурную и конвергентную валидность, а также надежность измерения видов обеспокоенности русскоязычного варианта методики У. Шульца (Schultz, 2001). Результаты продемонстрировали, что полная версия шкалы удовлетворительно соответствует эмпирическим данным трех исследований. Это связано с наличием ковариаций между утверждениями и нагрузками от других факторов для пунктов альтруистической и эгоистической обеспокоенности. Фактор биосферической обеспокоенности имел наибольшие факторные нагрузки, но и наименьшее количество корреляций между ошибками. Схожая картина была выявлена и на американской выборке в 2020 г. (Cruz, Manata, 2020). После удаления наиболее проблемных пунктов из факторов альтруистической и эгоистической обеспокоенности, а также объединения пунктов из фактора биосферической обеспокоенности для формирования сокращенного и наиболее сбалансированного инструментария конфирматорные модели продемонстрировали высокое соответствие эмпирическим данным.

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что психометрическая ценность полной версии инструментария уступает предложенной сокращенной методике. В этой связи мы рекомендуем использовать сокращенную шкалу для исследования видов экологической обеспокоенности. Такое предложение соответствует современным представлениям о важности формирования краткого инструментария с сохранением его надежности и валидности, во-первых, потому, что такие шкалы дают исследователям возможность балансировать между стоимостью опроса и получаемой информацией для охвата необходимых переменных (Malhotra et al., 2012), во-вторых, из-за того, что психологические исследования становятся все более комплексными, включают много конструкторов и статистических методов моделирования,

соответственно, критическую значимость приобретают время прохождения исследования и погрешность процедур обработки данных (Ziegler et al., 2014). Поскольку показатели модели оригинальной шкалы не являются абсолютно непригодными, ее использование возможно для кросс-культурных исследований, требующих полной схожести инструментария, однако в данном случае мы рекомендуем обращать внимание на проблемные пункты и обсуждать с коллегами полученные результаты.

Трехфакторная модель инструментария показала высокую внутреннюю согласованность для всех видов беспокойности. При этом взаимосвязь между видами беспокойности одновременно свидетельствует как о связи между конструктами, так и об их различии. Например, высокая корреляция между альтруистической и эгоистической беспокойностью объясняется тем, что оба фактора рассматривают беспокойность за людей, в то время как биосферическая рассматривает заботу о живых организмах. Это представление соответствует результатам Ш. Круз и Б. Манаты (Cruz, Manata, 2020), которые в факторном анализе второго порядка выявили, что эгоистическая и альтруистическая беспокойность отличны от биосферической, т.е. от заботы об окружающей среде как таковой. Таким образом отчасти можно объяснить нагрузки пунктов и наличие корреляций между ошибками полной версии шкалы. Например, пункт об беспокойности за детей имеет наименьшую нагрузку на фактор альтруистической беспокойности, потому что дети могут восприниматься как важная часть жизни родителя. При этом беспокойность за жителей своей страны и всех людей включает респондента в данные общности, соответственно, эти пункты могут определяться не только альтруистическими, но и эгоистическими переживаниями. Тем не менее при исследовании конвергентной валидности было обнаружено, что типы беспокойности значительным образом связаны с ценностями соответствующей направленности. Эти результаты свидетельствуют не только о ценностной основе аттитюдов, но и о концептуальных различиях между видами беспокойности. Соответственно, важно отметить не только близость альтруистической и эгоистической беспокойностей, но и их различие. Однако все исследованные виды беспокойности отражают переживания, связанные с влиянием окружающей среды на разных акторов. В данной работе это подтверждается схожим характером взаимодействия подшкал с переменной «связь с природой».

Следует также обратить внимание на взаимосвязь эгоистических и гедонистических ценностей с экологической беспокойностью. Принято считать, что ценности, направленные на получение удовольствия и доминирования, не влияют на проэкологические установки или отрицательно связаны с ними (de Groot, Steg, 2007; Steg et al., 2014; Schultz, 2001). Однако данное исследование, наряду с некоторыми другими, показывает их положительную взаимосвязь (Liobikienė et al., 2020; Sautkina et al., 2021; Tolppanen, Kang, 2021). Несмотря на то что их сила значительно меньше, по сравнению с переменными биосферической направленности, для формирования комплексного представления о предикторах и планирования интервенций, направленных на широкую общественность, важно продолжить изучать роль данных конструктов.

Социально-демографические характеристики выборки и ее размер дают возможность сделать выводы о специфике экологической обеспокоенности в России. Женщины более обеспокоены проблемами экологии для всех акторов, чем мужчины, что часто наблюдается и в зарубежных исследованиях (Stern et al., 1993; Schultz, 2001). С возрастом увеличивается обеспокоенность за биоразнообразие и других людей, но не за себя и свое здоровье. Это может объясняться представлением о том, что экологические проблемы будут значительно влиять на жизнь в отдаленной перспективе, а на здоровье и будущем живущего поколения они не скажутся (van Lange, Huckelba, 2021). Также интересно, что биосферическая и альтруистическая обеспокоенности определялись местом проживания таким образом, что жители Москвы и Санкт-Петербурга были менее обеспокоены, чем жители периферии. Возможно, эта тенденция характерна и для других больших городов России, поэтому в дальнейшем было бы интересно представить исследование с достаточной выборкой для сравнения жителей большего количества населенных пунктов. В нашем исследовании выяснилось, что уровень образования в малой степени определяет обеспокоенность. Было выявлено только, что альтруистическая обеспокоенность выше у людей со средним специальным образованием, чем у людей со средним образованием.

Три рассмотренных исследования использовали разные переводы для 3 из 12 пунктов шкалы, однако разницы между работой пунктов в исследованиях 1 и 3, по сравнению с исследованием 2, где формулировки имели чуть более развернутую форму, не было обнаружено. Соответственно, имеет смысл использовать формулировки, описывающие вопрос без дополнительных уточнений. Финальный вид шкалы экологической обеспокоенности в сокращенном варианте представлен в Приложении. Дополнительно ее плюсом можно считать то, что простота формулировок и методов анализа шкалы дает возможность практикующим специалистам легко использовать данный инструмент. Помимо этого шкала подходит для социологических исследований, например, для изучения сравнения выраженности экологической обеспокоенности в этнических или религиозных группах. Однако с психологической точки зрения важно подчеркнуть, что данная методика учитывает степень выраженности обеспокоенности, но не рассматривает ее характер и особенности проявления.

Ограничением данного исследования можно считать отсутствие подтверждения конвергентной валидности шкалы с другой измеряющей аттитюды и адаптированной на русский язык методикой — «Новая экологическая парадигма» (Кряж, 2013). На примере других культур была подтверждена взаимосвязь между указанными методами (Schultz, 2001; Cruz, Manata, 2020), соответственно, в дальнейших работах следует проверить данное положение в российском контексте. Еще одним минусом является отсутствие характеристик предсказательной валидности методики по отношению к проэкологическому поведению. Предыдущие российские исследования показывают, что экологическая обеспокоенность не сильный, но значимый предиктор проэкологических действий (Иванова и др., 2020; Sautkina et al., 2021). Таким образом, для

будущих исследований имеет смысл рассмотреть переменные, медирующие связь между экологической обеспокоенностью и поведением.

Выводы

Полученные в рамках трех исследований результаты свидетельствуют об успешной адаптации шкалы экологической обеспокоенности в России. При этом сокращенная форма методики обладает лучшими показателями пригодности, по сравнению со шкалой, идентичной оригинальной, что свидетельствует о предпочтительном использовании девятипунктного опросника. Подшкалы биосферической, альтруистической и эгоистической обеспокоенности показывают высокий уровень надежности и конвергентной валидности. Представленный инструментарий подходит как для российских, так и для кросс-культурных исследований.

Литература

- Иванова А. А., Агисова Ф. Б., Сауткина Е. В. (2020). Проэкологическое поведение в России: адаптация шкалы Кэмерона Брика и связь с экологической обеспокоенностью. *Психологические исследования*, 13(70). <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199>
- Кряж, И. В. (2013). *Психология смысловой регуляции экологически релевантного поведения* [Докторская диссертация]. Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина.
- Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. (2019). *Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году»*. <http://gosdoklad-ecology.ru/2018/pdf/>
- Чистопольская, К. А., Ениколопов, С. Н., Николаев, Е. Л., & Семикин, Г. И. (2017). Связь с природой: вклад в душевное благополучие. В кн. *Перспективы психологической науки и практики: Материалы научной конференции* (с. 764–767). М.: РГУ им. А.Н. Косыгина. https://elibrary.ru/download/elibrary_30012377_92123849.pdf

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50(2), 179–211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-t](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-t)
- Chistopolskaya, K. A., Enikolopov, S. N., Nikolaev, E. L., & Semikin, G. I. (2017). Sviaz' s prirodой: vklad v dushevnoe blagopoluchie [Nature Connectedness and its contribution to mental health]. In *Sbornik materialov nauchnoi konferencii "Perspektivy psihologicheskoi nauki i preaktiki"* [Proceedings of the conference "Perspectives of psychological science and practice"] (pp. 764–767). Moscow: Russian State Kosygin University. https://elibrary.ru/download/elibrary_30012377_92123849.pdf

- Cruz, S. M., & Manata, B. (2020). Measurement of environmental concern: A review and analysis. *Frontiers in Psychology, 11*. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00363>
- De Groot, W. J., Cantin, A. S., Flannigan, M. D., Soja, A. J., Gowman, L. M., & Newbery, A. (2013). A comparison of Canadian and Russian boreal forest fire regimes. *Forest Ecology and Management, 294*, 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.foreco.2012.07.033>
- De Groot, J. I. M., & Steg, L. (2007). Value orientations and environmental beliefs in five countries: validity of an instrument to measure egoistic, altruistic and biospheric value orientations. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 38*(3), 318–332. <https://doi.org/10.1177/0022022107300278>
- De Groot, J. I. M., & Steg, L. (2008). Value orientations to explain beliefs related to environmental significant behavior: how to measure egoistic, altruistic, and biospheric value orientations. *Environment and Behavior, 40*(3), 330–354. <https://doi.org/10.1177/0013916506297831>
- Dillman, D. A. (2000). *Mail and internet surveys: The tailored design method*. Wiley.
- Dunlap, R. E., Van Liere, K. D., Mertig, A. G., & Jones, R. E. (2000). New trends in measuring environmental attitudes: Measuring endorsement of the new ecological paradigm: A revised NEP Scale. *Journal of Social Issues, 56*(3), 425–442. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00176>
- Escario, J.-J., Rodriguez-Sanchez, C., Valero-Gil, J., & Casaló, L. V. (2022). COVID-19 related policies: The role of environmental concern in understanding citizens' preferences. *Environmental Research, 211*, Article 113082. <https://doi.org/10.1016/j.envres.2022.113082>
- Fransson, N., & Gärling, T. (1999). Environmental concern: Conceptual definitions, measurement methods, and research findings. *Journal of Environmental Psychology, 19*(4), 369–382. <https://doi.org/10.1006/jevps.1999.0141>
- Gifford, R., & Nilsson, A. (2014). Personal and social factors that influence pro-environmental concern and behaviour: A review. *International Journal of Psychology, 49*(3), 141–157. <https://doi.org/10.1002/ijop.12034>
- Gkargkavouzi, A., Halkos, G., & Matsiori, S. (2019). A multi-dimensional measure of environmental behavior: exploring the predictive power of connectedness to nature, ecological worldview and environmental concern. *Social Indicators Research, 143*(2), 859–879. <https://doi.org/10.1007/s11205-018-1999-8>
- Gómez-Carmona, D., Marín-Dueñas, P. P., Tenorio, R. C., Domínguez, C. S., Muñoz-Leiva, F., & Liébana-Cabanillas, F. J. (2022). Environmental concern as a moderator of information processing: A fMRI study. *Journal of Cleaner Production, 369*, Article 133306. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.133306>
- IPCC. (2018). *Summary for policymakers*. <https://www.ipcc.ch/sr15/chapter/spm/>
- Ivanova, A. A., Agisova, F. B., & Sautkina E. V. (2020). Pro-environmental behavior in Russia: Adaptation of the Recurrent Pro-environmental Behavior Scale (Brick et al., 2017) and the relationship with environmental concern. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies], 13*(70). <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199> (in Russian)
- Kryazh I. V. (2013). *Psikhologiya smyslovoi regulyatsii ekologicheskii relevantnogo povedeniya [Psychology of semantic regulation of environmentally relevant behavior]* [DSc dissertation]. V. N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
- Kulin, J., & Johansson Sevä, I. (2021). Quality of government and the relationship between environmental concern and pro-environmental behavior: A cross-national study. *Environmental Politics, 30*(5), 727–752. <https://doi.org/10.1080/09644016.2020.1809160>

- Liere, K. D. V., & Dunlap, R. E. (1980). The social bases of environmental concern: a review of hypotheses, explanations and empirical evidence. *Public Opinion Quarterly*, *44*(2), 181–197. <https://doi.org/10.1086/268583>
- Liobikienė, G., Liobikas, J., Brizga, J., & Juknys, R. (2020). Materialistic values impact on pro-environmental behavior: The case of transition country as Lithuania. *Journal of Cleaner Production*, *244*, Article 118859. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.118859>
- Lo, A. Y. (2016). National income and environmental concern: Observations from 35 countries. *Public Understanding of Science*, *25*(7), 873–890. <https://doi.org/10.1177/0963662515581302>
- Lou, X., Li, L. M. W., Xia, W., & Zhu, Q. (2022). A meta-analysis of temporal shifts in environmental concern between 1994 and 2017: An examination of the new environmental paradigm. *Anthropocene*, *38*, Article 100335. <https://doi.org/10.1016/j.ancene.2022.100335>
- Malhotra, N. K., Mukhopadhyay, S., Liu, X., & Dash, S. (2012). One, few or many?: An integrated framework for identifying the items in measurement scales. *International Journal of Market Research*, *54*(6), 835–862. <https://doi.org/10.2501/IJMR-54-6-835-862>
- Marsh, H. W., Hau, K. T., & Wen, Z. (2004). In search of golden rules: Comment on hypothesis-testing approaches to setting cutoff values for fit indexes and dangers in overgeneralizing Hu and Bentler's (1999) findings. *Structural Equation Modeling*, *11*(3), 320–341. https://doi.org/10.1207/s15328007sem1103_2
- Mayer, F. S., & Frantz, C. M. (2004). The connectedness to nature scale: A measure of individuals' feeling in community with nature. *Journal of Environmental Psychology*, *24*(4), 503–515. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.10.001>
- Ministerstvo prirodnikh resursov i ekologii Rossiiskoi Federatsii. (2019). *Gosudarstvennyi doklad "O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchei sredy Rossiiskoi Federatsii v 2018 godu"* [State report "On the state and protection of the environment in the Russian Federation in 2018"]. <http://gosdoklad-ecology.ru/2018/pdf/>
- Rhead, R., Elliot, M., & Upham, P. (2015). Assessing the structure of UK environmental concern and its association with pro-environmental behaviour. *Journal of Environmental Psychology*, *43*, 175–183. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2015.06.002>
- Saari, U. A., Damberg, S., Frömbling, L., & Ringle, C. M. (2021). Sustainable consumption behavior of Europeans: The influence of environmental knowledge and risk perception on environmental concern and behavioral intention. *Ecological Economics*, *189*, Article 107155. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2021.107155>
- Sapci, O., & Considine, T. (2014). The link between environmental attitudes and energy consumption behavior. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, *52*, 29–34. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2014.06.001>
- Sautkina, E., Agissova, F., Ivanova, A., Ivande, K., Kabanova, V., & Patrakova, N. (2021). *Political, environmental and social determinants of pro-environmental behaviour in Russia* (SSRN Scholarly Paper No. 3995972). Higher School of Economics. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3995972>
- Schultz, P. W. (2001). The structure of environmental concern: Concern for self, other people, and the biosphere. *Journal of Environmental Psychology*, *21*(4), 327–339. <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0227>
- Schultz, P. W., & Zelezny, L. C. (1998). Values and proenvironmental behavior: A five-country survey. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, *29*(4), 540–558. <https://doi.org/10.1177/0022022198294003>
- Steffen, W., Rockström, J., Richardson, K., Lenton, T. M., Folke, C., Liverman, D., Summerhayes, C. P., Barnosky, A. D., Cornell, S. E., Crucifix, M., Donges, J. F., Fetzer, I., Lade, S. J., Scheffer, M., Winkelmann, R., & Schellnhuber, H. J. (2018). Trajectories of the Earth System in the

- Anthropocene. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(33), 8252–8259. <https://doi.org/10.1073/pnas.1810141115>
- Steg, L., de Groot, J. I. M., Dreijerink, L., Abrahamse, W., & Siero, F. (2011). General antecedents of personal norms, policy acceptability, and intentions: The role of values, worldviews, and environmental concern. *Society & Natural Resources*, 24(4), 349–367. <https://doi.org/10.1080/08941920903214116>
- Steg, L., Perlaviciute, G., van der Werff, E., & Lurvink, J. (2014). The significance of hedonic values for environmentally relevant attitudes, preferences, and actions. *Environment and Behavior*, 46(2), 163–192. <https://doi.org/10.1177/0013916512454730>
- Steg, L., & Vlek, C. (2009). Encouraging pro-environmental behaviour: An integrative review and research agenda. *Journal of Environmental Psychology*, 29(3), 309–317. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.10.004>
- Stern, P. C., Dietz, T., & Kalof, L. (1993). Value orientations, gender, and environmental concern. *Environment and Behavior*, 25(5), 322–348. <https://doi.org/10.1177/0013916593255002>
- Tam, K.-P., & Chan, H.-W. (2017). Environmental concern has a weaker association with pro-environmental behavior in some societies than others: A cross-cultural psychology perspective. *Journal of Environmental Psychology*, 53, 213–223. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2017.09.001>
- Thøgersen, J., & Ölander, F. (2002). Human values and the emergence of a sustainable consumption pattern: A panel study. *Journal of Economic Psychology*, 23(5), 605–630. [https://doi.org/10.1016/S0167-4870\(02\)00120-4](https://doi.org/10.1016/S0167-4870(02)00120-4)
- Tolppanen, S., & Kang, J. (2021). The effect of values on carbon footprint and attitudes towards pro-environmental behavior. *Journal of Cleaner Production*, 282, Article 124524. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.124524>
- Ünal, A. B., Steg, L., & Granskaya, J. (2019). “To support or not to support, that is the question”. Testing the VBN theory in predicting support for car use reduction policies in Russia. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, 119, 73–81. <https://doi.org/10.1016/j.tra.2018.10.042>
- Van Lange, P. A., & Huckelba, A. L. (2021). Psychological distance: How to make climate change less abstract and closer to the self. *Current Opinion in Psychology*, 42, 49–53. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.03.011>
- Weigel, R., & Weigel, J. (1978). Environmental concern: The development of a measure. *Environment and Behavior*, 10(1), 3–15. <https://doi.org/10.1177/0013916578101001>
- Yadav, R. (2016). Altruistic or egoistic: Which value promotes organic food consumption among young consumers? A study in the context of a developing nation. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 33, 92–97. <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2016.08.008>
- Ziegler, M., Kemper, C. J., & Kruyen, P. (2014). Short scales – Five misunderstandings and ways to overcome them. *Journal of Individual Differences*, 35, 185–189. <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000148>

Шкала экологической обеспокоенности

Процедура. Рекомендуется предъявлять вопросы в случайном порядке. Предъявление вопросов в виде приведенного ниже списка может ухудшить работу методики из-за возникновения ошибки измерения.

Описание инструментария. Шкала включает в себя три вида экологической обеспокоенности: биосферическую (вопросы 1–3), альтруистическую (вопросы 4–6), эгоистическую (вопросы 7–9).

Обработка результатов. Для каждой подшкалы высчитывается среднее, которое служит показателем вида обеспокоенности. Шкала не предполагает наличие тестовых норм.

Инструкция. Люди во всем мире обеспокоены экологическими проблемами, которые возникают из-за причиненного ими вреда природе. Однако их мнения различаются в том, какие последствия экологических проблем наиболее важны. Пожалуйста, оцените каждый из следующих вопросов от 1 (наименее важно) до 7 (наиболее важно).

Меня беспокоят экологические проблемы из-за последствий для...

- 1) птиц и животных;
- 2) растений;
- 3) морской флоры и фауны;
- 4) детей;
- 5) людей, живущих в моей стране;
- 6) всех людей;
- 7) моего здоровья;
- 8) моего будущего;
- 9) моего образа жизни.

Статьи

УЗЕЛ РАЗВИТИЯ: ОТ М.К. МАМАРДАШВИЛИ К Л.С. ВЫГОТСКОМУ. ОПЫТ ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

А.С. БЕЛОРУСЕЦ^а

^а *Независимый исследователь*

Developmental Knot: From M. Mamardashvili towards L. Vygotsky. A Comparative Study in Personology

A.S. Belorusetz^a

^а *Independent Researcher*

Резюме

В разных контекстах разными исследователями были предложены различные модели акта развития. Настоящая работа посвящена выявлению общих черт этих моделей и попытке их продуктивного синтеза. Рассматриваются содержательные параллели между тремя моделями, сформулированными Л.С. Выготским: моделью инструментального акта, моделью зигзага свободного осмысленного действия и моделью динамики психологического возраста. Показаны структурная близость и преемственность, которые существуют между ними. В первой модели возникает идея непрямого движения; кроме того, важно, что опосредующее звено — X (культурное средство) — имеет «двойную природу»: вещную и смысловую. Во второй модели, созданной под влиянием диалога Л.С. Выготского с К. Левином, смысловое поле возникает как отдельный план, в котором должен выстроить свой маршрут

Abstract

This study delves into the examination of three models developed by Lev Vygotsky, namely the instrumental act model, the zigzag model of meaningful action, and the model of psychological age dynamics. The objective is to uncover the common features among these models and to attempt their productive synthesis. The first model introduces the concept of indirect movement and highlights the dual nature of the mediating link, X, which acts as both a thing and a meaning. The second model, influenced by K. Levin, emphasizes the emergence of a distinct plane of meaning within which the acting subject navigates and constructs their path. The third model focuses on the subject's development through the

действующий субъект. В третьей модели делается акцент на развитии самого субъекта через развитие его смыслового поля. Эти модели, в свою очередь, сравниваются с серией графических моделей развития, предложенных в разных контекстах М.К. Мамардашвили, реконструированных и обобщенных А.А. Парамоновым. Траектория движения в них очень близка траектории движения в работах Л.С. Выготского, но есть и различия. Во-первых, у М.К. Мамардашвили акт развития всегда запускается извне, через впечатление, в то время как у Л.С. Выготского может иметь место и произвольное обращение к средству. Во-вторых, модели М.К. Мамардашвили содержат наглядное представление этапа «выворачивания наизнанку» жизненного поля через выбранный символ-средство. Эта идея близка идее катарсиса, высказанной Л.С. Выготским в «Психологии искусства», однако не получившей наглядного выражения в его работах. Модели Л.С. Выготского и М.К. Мамардашвили рассматриваются как дополняющие друг друга. Предпринимается попытка совместить их «по общим точкам» на одном рисунке. Полученная модель самодвижения Я может служить иллюстрацией символического опосредствования (в противовес опосредствованию знаковому).

Ключевые слова: символическое опосредствование, психологическая топология пути, понимаемый топос, зигзаг свободного осмысленного действия, самодвижение Я.

Белорусец Арсений Сергеевич — независимый исследователь.
Контакты: arsenny@mail.ru

progressive evolution of their field of meanings. These models are compared with a series of graphical models of development proposed in different contexts by Merab Mamardashvili and subsequently reconstructed and generalized by Andrey Paramonov. While these models exhibit similar trajectories to Vygotsky's works, notable differences arise. Mamardashvili's model incorporates a visual representation of the stage involving the "turning inside out" of the life field through a selected symbol-tool, resembling the concept of catharsis in "Psychology of Art," albeit not explicitly expressed in Vygotsky's models. Overall, Vygotsky's and Mamardashvili's models are seen as complementary to each other. The aim is to integrate these models based on shared elements, resulting in a comprehensive model illustrating the movement of the Self and serving as an example of symbolic mediation as opposed to sign-mediation.

Keywords: symbolic mediation, psychological topology of path, topos of understanding, zigzag of free action.

Arseniy S. Belorusetz — Independent Researcher.
E-mail: arsenny@mail.ru

Замысел этой статьи возник, когда мы, погружаясь в, казалось бы, далекие друг от друга контексты, неожиданно для себя столкнулись с поразительно близкими идеями и моделями. Эти идеи так или иначе касались динамики самодвижения Я к свободе. Данное движение рассматривалось, впрочем, в отдельных аспектах: генез инструментального акта поведения, становление свободного осмысленного действия, динамика психологического возраста, внутренняя структура акта понимания, модель жизненной ситуации-события, генез впечатления, «психологическая топология пути» самосозидания личности. Идея стадийности самодвижения Я, как правило, выражаемая авторами графически, вдруг предстала чем-то вроде «жесткого ядра» (по И. Лакатосу) некоей междисциплинарной исследовательской программы, впрочем, по-видимому, не осознающей себя таковой.

Постановка проблемы

Пожалуй, одним из самых увлекательных занятий в рамках истории науки оказывается компаративистика: вычленение схожих мотивов (в литературоведческом смысле этого слова) в работах разных авторов. Обычно задача, которую ставит перед собой историк науки, заключается не только в том, чтобы выявить некоторую неявную параллель, но и в том, чтобы найти причинные основания ее возникновения. Чаще всего их ищут не в особенностях исследуемой предметной реальности, а в биографиях ученых. Успехом таких экстерналистских исследований становится убедительно аргументированная гипотеза о том, что более поздний автор А заимствовал какой-то тезис у более раннего автора Б. Ничего не имея против такого типа исторических исследований, мы хотели бы предпринять опыт компаративистики другого рода.

Нашей задачей будет вовсе не доказательство факта заимствования, а исследование возможности нового или лучшего понимания более ранней модели через знакомство с более поздней моделью, имеющей с первой схожие мотивы. Таким образом, наше исследование будет направлено не на редукцию, но на актуализацию новых возможностей понимания, что представляется крайне важным в ценностном плане. Сама возможность лучшего понимания более раннего из более позднего, на наш взгляд, переносит исследование из историко-психологического поля в теоретическое, из диахронного — в синхронное. В новом синтезе двух моделей важна не их преемственность, а вневременная актуальность предметной реальности.

Итак, в центре внимания фигура «*узла развития*» (термин В.П. Зинченко (2010)), которая буквально пронизывает творчество Л.С. Выготского и М.К. Мамардашвили. Слово «фигура» здесь употребляется и в прямом смысле. Действительно, троп, который мы исследуем, в наиболее четком виде дан в *рисунках* обоих авторов. Согласно нашей гипотезе, один и тот же образ (пространственная модель) вдохновлял обоих исследователей и был источником их концептуализаций самых разных аспектов развития. Траектория развития, воплощенная в этой фигуре, стала для обоих исследователей ведущей фигурой мысли (ср. «фигура речи»), когнитивной метафорой, не только заключающей в себе возможные решения проблем, но и конституирующей сам предмет исследования.

Какими же материалами мы располагаем для исследования? Хотелось бы сказать так: мы имеем некоторые примеры когнитивной графики, выполненные независимо друг от друга Л.С. Выготским и М.К. Мамардашвили и моделирующие ход человеческого развития. Увы, все значительно сложнее. В обоих случаях чудом сохранившиеся образцы когнитивной графики представляют собой лишь рисунки на полях (т.е. начальный этап функционирования когнитивно-графических единиц (Чебанов, 2020, с. 319)). Это не выверенная модель, а набросок, попытка ухватить образ с тем, чтобы лучше понять его самому и передать другим. У обоих авторов мы можем найти по несколько рисунков (иногда даже не самих рисунков, а лишь воспоминаний о них), содержащих один и тот же мотив *непрямого движения (самодвижения!)*

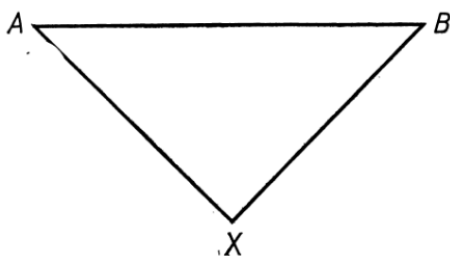
субъекта развития. У обоих авторов мы можем найти тексты, описывающие, по-видимому, ту же реальность, что и рисунки. Иногда такое сопоставление самоочевидно, так как текст представляет собой пояснение к рисунку, иногда параллель мы вынуждены выстраивать гипотетически. Дополнительным ориентиром выступают собственный опыт психотерапевтической работы в рамках метода ландшафтной аналитики¹ и тот образ развивающегося человека, на который мы ориентируемся в нашей практике.

Развитие идеи о самодвижении Я в работах Л.С. Выготского

Как уже было сказано, мы будем отталкиваться не столько от текстов, сколько от рисунков, воплощающих анализируемые идеи. Рассмотрим последовательно некоторые из них. Начнем с рисунка 1.

Рисунок 1

Схема инструментального акта, описывающая генез высших форм поведения

Этот рисунок появляется в двух работах Л.С. Выготского: «История развития высших псих[олог]ических функций» (1928–1930 гг., согласно датировке Е.Ю. Завершневой и Р. ван дер Веера (Завершнева, ван дер Веер, 2017, с. 152)) и «Инструментальный метод в психологии» («Тезисы доклада, прочитанные в 1930 г. в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской» (Выготский, 1982, с. 463)). Обе они относятся к сравнительно ранним общепсихологическим работам ученого, внимание которого в это время было направлено на открытие опосредствованного строения высших психологических функций и на проблематику их вращения.

В обеих работах рисунок приводится как иллюстрация процесса **развития высших форм поведения**: «На нашей схеме... условно изображены два пункта А и В, между которыми должна быть установлена связь. Своеобразие опыта заключается в том, что связи сейчас нет и мы исследуем характер ее образования. Стимул А вызывает реакцию, которая заключается в нахождении стимула X, который, в свою очередь, воздействует на пункт В. Связь, таким образом, между пунктами А и В устанавливается не непосредственная, а опосредованная» (Выготский, 1983а, с. 111).

¹ Ландшафтная аналитика – метод психотерапевтической групповой работы в форме путешествия, предложенный С.В. Березиным и Д.С. Исаевым (Березин, Исаев, 2009).

Выготский подчеркивает этим рисунком, что «Искусственные акты суть те же естественные, они могут быть без остатка, до самого конца разложены и сведены к этим последним, как любая машина (или техническое орудие) может быть без остатка разложена на систему естественных сил и процессов» (Выготский, 1982, с. 104) (в обеих работах этот тезис соседствует с рисунком и повторяется почти без изменений).

Однако для целей нашего сравнительного анализа важнее другое замечание Выготского, скорее не поясняющее, а дополняющее рисунок: «Будучи включено в процесс поведения, психологическое орудие так же видоизменяет все протекание и всю структуру психических функций, определяя *своими свойствами* (курсив наш. — А.Б.) строение нового инструментального акта, как техническое орудие видоизменяет процесс естественного приспособления, определяя форму трудовых операций» (Там же, с. 103). Обратим внимание: стимул-средство (тот самый X) меняет структуру операции вовсе не простым фактом своего появления, а своими свойствами, которые никак не показаны на рисунке. В этом несоответствии рисунка и текста в свернутом виде кроется программа «семического метода», впервые эксплицитно сформулированная Л.С. Выготским в 1932 г.² и развернутая им позже в исследованиях значения как внутренней структуры знаковой операции.

Таким образом, исходный рисунок Выготского (рисунок 1) оказывается требующим дальнейшей разработки, которая позволила бы ему воплотить идею, заключенную в приведенной выше цитате: ***точка X должна быть развернута в некоторое пространство, чтобы стало понятно, как своими свойствами она меняет структуру операции.*** В опубликованных работах такого рисунка нам найти не удалось, однако он был обнаружен Е.Ю. Завершневой в архивах Л.С. Выготского и подробно прокомментирован ею и Р. ван дер Веером (Завершнева, ван дер Веер, 2017) (см. рисунки 2 и 3): «На каждой плоскости имеются две точки — X и O, образующие параллельные отрезки. На схеме показан путь из нижней плоскости к верхней и обратно, т.е. зигзаг свободного осмысленного действия: “X (реальн.) — X (ирр.) — O (ирр.) — O (реальн.)”. Рисунок очень похож на рисунки 8 и 10 из статьи [сотрудницы Левина] Слиозберг (Lewin, Sliosberg, 1934)... однако под планом ирреального Выготский подразумевал план мышления (а не фантазии и мечты), плану реального соответствовал план практического действия, т.е. трактовка Выготского значительно отличалась от того, что имели в виду Левин и его сотрудники» (Там же, с. 476).

Как известно, излюбленный ход Выготского заключался в том, чтобы опереться на экспериментальные или теоретические построения других психологов, реинтерпретировать их, увидеть в них новое, не замеченное самими авторами, и, показав это, выстроить собственную концепцию. Рассматриваемый

---

² «Когда мы стояли на границе — натуральных и опосредствованных процессов — мы работали методикой двойной стимуляции. Когда нас стало интересовать движение внутри развития опосредствованных процессов — мы переходим к семическому анализу» (Завершнева, ван дер Веер, 2017, с. 315).

Рисунок 2

Рисунок из записных книжек
Л.С. Выготского (по мотивам лекции
К. Левина в Москве весной 1933 г.)
(Завершнева, ван дер Веер, 2017, с. 476)

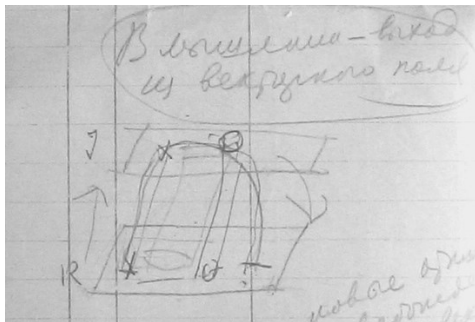

Рисунок 3

Реконструкция рисунка Л.С. Выготского
(Завершнева, ван дер Веер, 2017, с. 465)

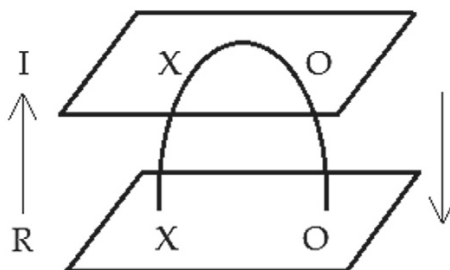

рисунок есть не что иное, как случай такого стимула-средства. Смысл его оказывается не тождественным значению. Этот рисунок *означает* иллюстрацию к тезисам Левина (не исключено, что Левин рисовал эту картинку во время своего выступления, похожие изображения есть в его работах). Но для Выготского рисунок приобретает совершенно другой *смысл*. Позволим себе, как в рисуночном проективном тесте, искать его там, где карандаш делал больше движений или нажимал с большей силой. Жирнее всего на рисунке выведена дуга («зигзаг»?), соединяющая планы R и I. Ее конфигурацию повторяют стрелки, показывая, что эта дуга есть *путь*.

Сравним рисунок Выготского (рисунок 2) с рисунками С. Слиозберг (рисунки 4 и 5) и убедимся, что на ее рисунках нет пути (активного процесса), но есть *проекция* (пассивный процесс³). Оригинальный рисунок Слиозберг оказывается как бы фоном для рисунка Выготского, на котором показан путь⁴.

Е.Ю. Завершнева соотносит рисунок с траекторией «зигзага» свободного осмысленного действия, стадии которой Л.С. Выготский описывает следующим образом: «1) превращение динамики психологического поля, динамики ситуации в динамику мышления; 2) развитие и развертывание динамических процессов самой мысли, ее обратное превращение в динамику действия»;

³ Забегая вперед, вспомним слова М.К. Мамардашвили, определявшего мышление (да и жизнь вообще) как усилие и восклицавшего: «Это не ассоциации!» (т.е. это не пассивный процесс, а активная деятельность).

⁴ Действительно, рисунки из работы Слиозберг у Выготского как бы обобщаются: из них уходят подробности, и в этом обобщенном виде они оказываются фоном для совершающейся в движении карандаша мысли Выготского. Заметим также еще одно отличие: точка, в которую приходит кривая на рисунке Выготского, достаточно далеко отстоит от O (реальн.), как бы превосходит его. И в этой особенности мы склонны видеть содержание: результат человеческой деятельности, поступок, всегда оборачивается чем-то иным, чем его замысел.

Рисунок 4

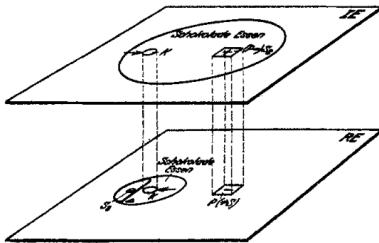
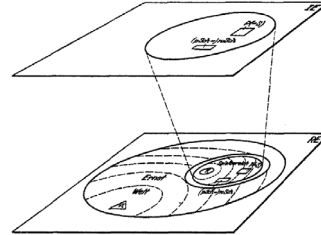
Рисунок 8 из статьи С. Слюзберг
(Lewin, Sliosberg, 1934)

Abb. 8. Sich verkrüsten; Benennen mit dem Namen des Ersatzgegenstandes (Aufspaltung der Person).

Рисунок 5

Рисунок 10 из статьи С. Слюзберг
(Lewin, Sliosberg, 1934)Abb. 10. Topologie der Spielsituation. (Der Spielbereich als relativ abgegrenzter Bereich innerhalb der Realitätsebene; dynamisch flüssiger; besonders enge Kommunikation mit Bereichen irrelevanter Schichten.)
(P → S = Pappe wie Schokolade behandelt; (pSch →) sSch = Papierschere, wie wirkliche Schere behandelt; - - - Kraftfeld des Erwachsenen (P); ····· Kraftfeld des Kindes.

3) действие, преломленное через призму мысли, превращается уже в другое действие, осмысленное, осознанное и, следовательно, произвольное и свободное, т.е. стоящее в ином принципиальном отношении к ситуации, чем действие, непосредственно обусловленное ситуацией и не прошедшее через это прямое и обратное превращение динамики» (Выготский, 1983б, с. 250). В центре этого зигзага — динамика мышления (обобщения), и она нетождественна топике воспринимаемого психологического поля.

«В мышлении — выход из векторного поля», — пишет Выготский над рисунком и обводит эти слова. Для Левина два плана представляют взаимную проекцию с некоторыми топологическими преобразованиями. Выготский же подчеркивает, с одной стороны, нетождественность возникающих в обобщении связей смыслового поля топике воспринимаемого психологического поля, а с другой — возможность мысли выбирать себе разные дорожки в смысловом поле и даже прокладывать новые. Свободная мысль обретает таким образом **двойную полнезависимость** (см. подробную реконструкцию теории смыслового поля Е.Ю. Завершневой (2015)). В своих записях Выготский фиксирует «два парадокса мышления»: оно не сводится ни к ассоциативным репродукциям, ни к логическим фигурам. Оно «идет (курсив автора. — А.Б.) в борьбе произвольных тенденций со смысловыми полями и в соз[и]д[а]нии этих полей» (Завершнева, ван дер Веер, 2017, с. 466).

Созидание новых полей есть, с нашей точки зрения, не что иное, как акт понимания, из которого может следовать действие, поступок: финальная точка зигзага, возвращающая актора в поле реальности и позволяющая проверить «на деле» корректность сформированного понимания.

В двух рисунках Выготского (рисунок 1 и 2) мы склонны видеть прямую преемственность и отражение развития его собственной концепции. Так, первый показывает траекторию высших форм поведения, подчеркивая сам факт их опосредствованности. Когда же для Выготского становится важнее внутренняя структура знаковой операции, возникает второй рисунок. На нем точка X первого рисунка расширяется до отдельного плана, внутри которого

возможна своя динамика. Выготский задает систему координат, в которых движется мысль, определяемую, по его метафорическому выражению, длиной — параметром уровня обобщения — и шириной — предметной отнесенностью. Именно в ней мыслящий человек может гибко выбирать разные X, которые приведут его к разным O. Эти-то выборы и влекут за собой динамику смысловых полей, о которой пишет Выготский.

Таким образом, если в инструментальном акте (рисунок 1) развивается лишь поведение, то на рисунке 2 показан акт, состоящий одновременно и в развитии поведения (зигзаг свободного действия), и в развитии смыслового поля актора (а значит, самого актора)⁵. Именно это движение мы вслед за В.П. Зинченко называем *узлом развития*.

Считается, что Л.С. Выготский вплотную подступил к созданию теории личности, но не успел предложить ее в явном виде. Вместе с тем, в рассмотренной выше схеме зигзага свободного осмысленного действия мы не можем не заметить траекторию самодвижения Я⁶, безусловно, являющуюся предметом именно психологии личности. В более ранней схеме инструментального акта описывается как бы безличный поведенческий акт. Выготского больше интересовали пункты X и B, а A присутствует на схеме лишь номинально, как некая точка отсчета. Эта условность становится очевидной, если попытаться ответить на вопрос, что такое A. Выготский использует применительно к A термин «стимул», но даже с поправкой на дух времени это словоупотребление нельзя считать точным.

Правомерно и дальнейшее, *персонологическое*, изменение масштаба, открывающее за всеми пунктами схем Выготского разные ипостаси Я. В.А. Петровский различает четыре ипостаси Я в духе четырех аристотелевых причин (Петровский, 2010, с. 196):

1. *Имманентное Я* (материальная причина: Я-само-по-себе, материя Я как бы соткана из мгновенных состояний Я).

2. *Идеальное Я* (формальная причина, Я как представление самого себя).

3. *Трансцендентальное Я* (действующая причина, Я как мысль о себе, не совершившаяся в слове мысль: «Мысль переживается сразу как что-то иное, чем переживание; воспринимается сразу как что-то иное, чем восприятие, и, будучи высказанной, означает что-то иное, чем само высказывание... Мысль как таковая вне-находима и вне-временна, [лишь] ее чувственная запись — своего рода письменное послание нам — существует в пространстве и времени» (Там же, с. 198).

4. *Трансфинитное Я* (целевая причина, Я как переживание себя: «В данном случае, речь идет о полноте “присутствия” человека в мире. Это — переживание его сопринадлежности вечному (всегда-бытие — “Не надо мне числа: я

⁵ Впрочем, как таковое изменение смыслового поля на рисунке не показано: Л.С. Выготский лишь пишет о нем. Попытку графической фиксации такого изменения мы найдем у М.К. Мамардашвили.

⁶ «Есть как минимум одно отличительное обстоятельство, выделяющее развитие в особую категорию явлений. Это — самодвижение» (Петровский, 1996, с. 102).

был, и есмь, и буду. / Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду / Один, как сирота, я сам себя кладу...» (Арс. Тарковский)), переживание сквозь-пространственности (везде-бытие), переживание беспредельности наслаждения, любви, истины» (Там же).

При определенном усилии можно увидеть в Я-самом-по-себе «натуру», «естество», первичную слитность человека и ситуации (элемент А в триаде А-Х-В), в то время как Я-в-переживании обнаружит себя как образование «сверхъестественное» (элемент В). Первое из них — нечто неопределенное (не-о-предѣленное), второе — в результате инструментального акта — беспредельное. Что же касается инструментального акта, т.е. Х, то он в схеме на рисунке 2 разрастается в пространство, на котором выделяются такие элементы, как Я-в-созерцании (X_1) и Я-в-мысли (O_1) — той самой мысли, которая не подчиняется даже силовым линиям смыслового поля⁷.

Говоря о схеме Выготского как о схеме самодвижения Я, нельзя не упомянуть и концепцию структуры и динамики возраста, которую в 1932–1934 гг. (т.е. как раз в период полемики с Левином!) развивает ученый (Выготский, 1984). В описываемой им динамике онтогенеза прослеживается тот же мотив, что и в динамике зигзага свободного действия. Разница лишь в том, что в этом случае Выготский делает акцент на развитии человека, формировании у него психического новообразования, а в случае с «зигзагом» акцент делается на поступке.

Напомним основные тезисы возрастно-психологического подхода Выготского. К началу нового психологического возраста вокруг ребенка складывается особая социальная ситуация развития — совокупность значимых для него отношений со средой. В этих отношениях содержится противоречие между наличными возможностями ребенка и его потребностями. У ребенка чего-то нет. Однако он продолжает жить именно в этой ситуации, и «из жизни ребенка в этой социальной ситуации необходимо возникают и развиваются новообразования, свойственные данному возрасту. Эти новообразования, характеризующие в первую очередь перестройку сознательной личности ребенка, являются не предпосылкой, но результатом или продуктом возрастного развития. <...> Но раз возникшие новообразования в сознательной личности ребенка приводят к тому, что изменяется сама эта личность. Это не может не иметь самых существенных последствий для хода дальнейшего развития. <...> Ребенок, изменивший строение своей личности, есть уже другой ребенок, социальное бытие которого не может не отличаться самым существенным образом от бытия ребенка более раннего возраста» (Там же, с. 189). Таким образом, меняется и социальная ситуация развития.

Описываемая здесь Выготским траектория развития полностью соответствует как рисунку 2 (представим, что социальная ситуация развития — психологическое поле, сознательная личность — смысловое поле), так и сопровождающим его размышлениям. Сравним:

---

⁷ Автор благодарит В.А. Петровского, указавшего на эту параллель и, таким образом, помогшего найти упущенное логическое звено в рассуждении.

• мышление «идет в борьбе произвольных тенденций со смысловыми полями и в соз[и]д[а]нии этих полей» (Завершнева, ван дер Веер, 2017, с. 466) и «раз возникшие новообразования в сознательной личности ребенка приводят к тому, что изменяется сама эта личность»;

• «действие, преломленное через призму мысли, превращается уже в другое действие» (Выготский, 1983б, с. 250) и «ребенок, изменивший строение своей личности, есть уже другой ребенок, социальное бытие которого не может не отличаться самым существенным образом от бытия ребенка более раннего возраста» (Выготский, 1984, с. 189).

Итак, в трех рассматривавшихся ранее порознь контекстах — становление высших форм поведения через опосредствование, генез свободного осмысленного действия и цикл возрастного развития — Выготский опирается на одну и ту же динамическую модель. Более того, разрабатываемая им модель в своем самодвижении превращается в модель самодвижения Я и может быть рассмотрена как графическое воплощение так и не разработанной в текстовом варианте теории личности.

Самодвижение Я в работах М.К. Мамардашвили

Тот же сюжет самодвижения Я обнаруживается у М. Пруста. В центре его семитомника «В поисках утраченного времени» — фигура Марселя, который хочет стать писателем и становится им, но лишь тогда, когда роман уже им написан: «Роман... кончается появлением персонажа, который может написать этот роман, уже написанный. Утраченное время обретено, и теперь можно рассказывать. А уже все рассказано» (Мамардашвили, 2009, с. 85)⁸. Выражаясь словами Выготского, новое качество (новое смысловое поле) его сознательной личности возникает одновременно **как средство** и **результат** преодоления им исходной социальной ситуации развития. Действительно, модель развития, предложенная Л.С. Выготским, отлично соотносится с ходом развития прустовского героя, но соотносится ли она с моделью развития, которую, в том числе и на прустовском материале, предлагает М.К. Мамардашвили? Это вдвойне любопытно, так как в построении такой модели Мамардашвили, как и Выготский, прибегает к когнитивной графике, что дает нам возможность сопоставить обе модели не только по смыслу, но и буквально по точкам.

Предмет интереса Мамардашвили — акт понимания. Он рассматривает понимание с самых разных сторон, его метод заключается в том, чтобы абстрагироваться от «узкого», дисциплинарного взгляда. Этот метод приводит его к чтению множества философских курсов на нефилософском материале и/или для не-философов. Этот же метод погружает в единый дискурс его условно

---

⁸ Хронологически первыми написаны первая и последняя книга романа, т.е., с одной стороны, уже в этой рамке становление героя осуществилось, но, с другой стороны, Пруст посчитал необходимым продолжить работу по расширению серединной части романа — цепочки опосредствующих звеньев развития героя.

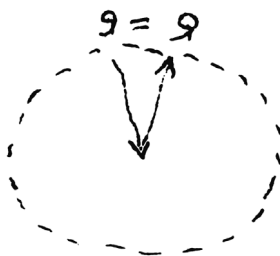
гносеологическое сочинение «Стрела познания» (Мамардашвили, 2004), условно антропологические лекции о Прусте (Мамардашвили, 2014, 2015) и условно онтологические лекции по античной философии (Мамардашвили, 2009). Этот метод дает нам основания рассматривать когнитивно-графические схемы Мамардашвили не как самостоятельные или эксплицирующие суть разных процессов, но как единую схему метапроцесса понимания, самосозидания мира или самодвижения Я, что для Мамардашвили суть одно и то же.

В разных местах философ использует разные термины, но мы будем называть рассматриваемую схему моделью понимающего топоса. Ее герменевтика на основе рисунков и текстов М.К. Мамардашвили осуществлена А.А. Парамоновым в серии работ (Мамардашвили, 2009, с. 154–156; Парамонов, 2015, 2016). Не претендуя на оригинальность в представлении этой модели, добавим к изложению некоторые комментарии, в большей степени касающиеся ее пересечений с моделью Л.С. Выготского.

Итак, исходный тезис Мамардашвили состоит в том, что человек постоянно пересобирает себя. Эта пересборка может выглядеть как дурная бесконечность пути от Я к Я (в терминологии В.А. Петровского, от *имманентного Я* к *имманентному Я*, минуя другие ипостаси) или же как путь развития от Я к Я *живущих* (в терминологии В.А. Петровского, от *имманентного Я* к *трансфинитному Я*) (рисунок 6). Я *живущих* — более настоящее, более живое, более истинное, чем первое. Если дурная бесконечность пути от Я к Я характеризуется лишь хронологическим и позиционным изменением, то при переходе к Я *живущих* имеет место «изменение себя, необратимость, [иначе] весь мир уже прибежал и стал тобой в виде привычки “мира” языка и логики и ошетинился психологическими механизмами страха и лени, надежды и привычки...» (Парамонов, 2016, с. 66).

Рисунок 6

Путь от Я к Я *живущих*. Рисунок М.К. Мамардашвили (2015, с. 772)

Дистанция⁹ между Я и Я *живущих* едва различима. Мамардашвили цитирует Данте: «Истина похожа на ложь». Между истиной и ложью (Я *живущих* и Я) существует исчезающе малое расстояние, и их легко спутать (особенно если смотреть извне), но именно оно, это исчезающе малое расстояние, и должно быть преодолено, если человек хочет что-то понять.

⁹ Расстояние, но не путь.

Различение *Я* и *Я живущих* комплементарно тезису Выготского о динамике возрастного развития: развивающийся субъект попадает в такую социальную ситуацию развития, в которой существует какой-то зазор, проблема, не позволяющая ему чувствовать себя органичной частью этой ситуации. Ему чего-то не хватает для того, чтобы его *Я* без зазора встроилось во множество *Я живущих*. Тогда он начинает путь поиска этого недостающего, заключающийся в решении некоторой задачи, и это недостающее (*новообразование*, по Выготскому, или *внутренний эквивалент*, по Мамардашвили) ему удастся сформировать как средство разрешения (= понимания) исходного противоречия. При этом новообразование является *внутренним* средством, вписанным в состав личности, а значит, обретая его, меняется и сама личность, вступающая в *Я живущих* (которое, впрочем, снова отступает, подобно горизонту).

Второй тезис Мамардашвили состоит в том, что, несмотря на то что расстояние от *Я* до *Я живущих* исчезающе мало, прямой путь между ними невозможен. Чтобы пройти этот путь, «мы должны воображением растянуть его так, чтобы поместить в этот интервал целый мир» (Мамардашвили, 2015, с. 52). Мамардашвили обращается к образу мировой сферы. Расстояние от *Я* до *Я живущих* — дуга на поверхности этой сферы (см. рис. 6), но преодолеть его можно только лишь в два хода. Первый — шаг к центру сферы (выделение центра мировой сферы мы здесь склонны трактовать как акт понимания: выбор не любой произвольной точки, а именно такой, которая действительно будет соответствовать центру мира, предполагает понимание того, как устроен этот мир). Второй — шаг от центра к *Я живущих*, т.е. поступок, в котором постижение мира обретает внешние формы конкретного действия и становится доступно другим.

В этой траектории узнаем «зигзаг свободного осмысленного действия» Выготского. Поверхность сферы — психологическое поле (в нем вещи даны так, как воспринимаются чувственно), ее центр — смысловое поле (в нем вещи законосообразно упорядочены). Зигзаг — от проблемы в психологическом поле к ее постижению в поле смысловом и обратно в психологическое поле — к поступку.

Но это внешняя структура действия, а какова же внутренняя структура акта понимания? Как человеку найти тот самый центр сферы, через который возможно движение от *Я* к *Я живущих*? Чтобы ответить на этот вопрос, вслед за А.А. Парамоновым реконструируем другой, более сложный, рисунок М.К. Мамардашвили¹⁰ в диахронной развертке: попробуем построить его в несколько шагов (см. рисунок 7).

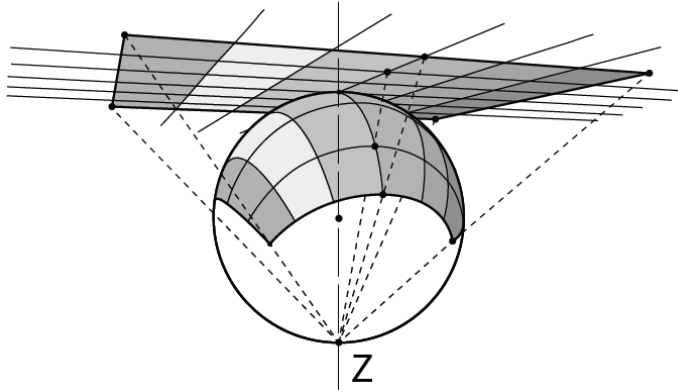
1. Нарисуем плоскость (она символизирует психологическое поле, жизненный мир).

2. Отметим на плоскости точку *Я* — точку психологического поля, которая соответствует моей позиции в нем здесь и сейчас¹¹. Эта точка вечно скользит

¹⁰ А.А. Парамонов реконструирует его по тексту 9-й лекции по курсу античной философии М.К. Мамардашвили. Контекст рисунка — способ упорядочивания бесконечного множества точек психической жизни в идее (в Платоновском смысле).

¹¹ Как здесь не вспомнить ироничное и точное определение В.Л. Каганского: «Географ — мыслящий сгусток ландшафта».

Построение «понимательного топоса» / «ноогенной машины»
 (рисунок М.К. Мамардашвили, реконструкция А.А. Парамонова (Парамонов, 2016, с. 71))

по поверхности психологического поля, создавая некое мнимое естественное движение — дурную бесконечность новых мест, каждое из которых не лучше и не хуже предыдущего.

3. Однако в особые, привилегированные, моменты возможно движение вглубь, или, как его называет Мамардашвили, «трансверсальное» движение, дающее надежду на понимание и качественное преобразование точки *Я*. Метафорой такого движения оказывается путь по сфере, касающейся плоскости психологического поля. Построим эту сферу.

4. Точка касания сферы и плоскости — интервал от *Я* до *Я живущих* на рисунке 6 (мы помним, что он исчезающе мал и вырождается в точку). Этот интервал минимален, но путь по кратчайшему расстоянию лишен смысла — это будет мнимое движение. Итак, *Я* может в этой точке продолжить мнимое движение по поверхности или проникнуть вглубь. *Я* на развилке: пойти по плоскости или по сфере.

5. Если принять точку касания сферы и плоскости за полюс, то можно обнаружить и противоположный полюс — точку, принадлежащую сфере, но при этом наиболее далекую от психологического поля. Мамардашвили обозначает ее буквой *Z*. Итак, на рисунке возникает сфера, имеющая два полюса: *Z* и *Я*.

6. Геометрически точка *Z* обладает важным свойством: в нее можно спроецировать все множество точек плоскости — психологического поля, — так что все соединяющие их лучи пройдут через поверхность сферы, а значит, все точки плоскости получают свои представительства на сфере (фактически, речь о сфере Неймана и нанесенной на нее сетке Мебиуса).

Получившийся рисунок соответствует трехмерной версии рисунка из работы Мамардашвили «Стрела познания» (рисунок 8): обозначенную конструкцию он именуется «понимательным топосом», или «ноогенной машиной». Возможность понимания (как схватывания, апперцепции) достигается тем, что такая система «позволяет оперировать с отрезками бесконечной длины,

«Ноогенная машина» (Мамардашвили, 2004, с. 54)

расположенными на плоскости, представляя их дугами конечной длины, лежащими на сфере», и создавая «непосредственную данность бесконечного в конечном» (Парамонов, 2016, с. 70).

Несмотря на всю полноту апперцепции, точка *Z* не может являться финальной точкой самодвижения личности. Выражаясь словами Выготского, она обладает лишь одинарной, но не двойной полнезависимостью. В ней преодолеваются силовые линии психологического, но не смыслового поля. К тому же полнота апперцепции оказывается мнимой. Да, все точки психологического поля, будучи спроецированными на сферу, актуально доступны, но сама-то сфера при этом остается непонятой. «Я понимаю, но не понимаю, как понимаю!» Значит, нужен следующий шаг.

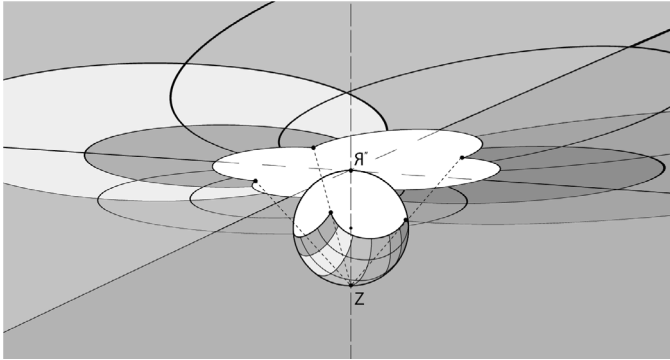
7. В реконструкции А.А. Парамонова такой шаг — дальнейшее движение по поверхности сферы, при котором удерживаются все точки проекций психологического поля на сферу понимающего топоса. «Мебиусная сетка» начинает скользить по поверхности и «выворачиваться наизнанку». «Поворот по сфере сетки Мебиуса влечет за собой инверсию плоскости, подобно вихрю индуцируя новую форму “мира”. Двигаясь по дуге... (от “Я” к “Я живущих”. — А.Б.), неся на своих плечах тяжесть “знания” мира, мы по дороге “перевертываемся” вокруг невидимого центра (*divinité*) и оказываемся вновь в точке нашего “входа” в сферу, но на другой стороне “интервала” под другим “небом” над головой (рисунок 9 — А.Б.). Бесконечно далекое стало близким. Произошло “растворение” первоначальной кристаллизации или пафоса¹²» (Там же, с. 75). В этом заключительном шаге узнается свободный волевой поступок: я не просто «схватываю» все законы своей жизни, но и действую, исходя из этого понимания, и своим действием их преобразую.

Итак, мы привели и подробно прокомментировали два рисунка М.К. Мамардашвили (рисунки 6 и 7): теперь необходимо их сопоставить.

Бесспорным общим мотивом являются точки *входа* и *выхода*, обрамляющие разрыв сферы. Они на рисунках отмечены как *Я*, разрыв между ними и есть зазор между *Я* и *Я живущих*. Рисунки объединяет и таинственная точка — центр сферы. На обоих рисунках у нее нет названия. Однако в комментариях Мамардашвили

¹² Ср. «катарсис» в психологии искусства Л.С. Выготского.

**Итоговое положение цикла самодвижения Я:
трансформация как психологического, так и смыслового полей**

«скромно» называет ее «divinité» — «божество». В реконструкции А.А. Парамонова она оказалась как бы вне рассмотрения, в то время как именно она буквально является тем местом, вокруг которого все крутится. На передний план вышла точка Z, про которую специально говорится, что она взята произвольно и может быть любой не лежащей в плоскости психологического поля точкой.

Действительно, если посмотреть на рисунок 7 не в становлении, а как на уже нарисованный, то можно интерпретировать его и так: любая надситуативная точка позволяет строить между ней и полем психологического представления ситуации особое пространство понимания, рожденное отношениями этой точки и каждого элемента жизненной ситуации, причем это пространство понимания актуально бесконечно и позволяет ухватить весь мир единым взглядом. Здесь, однако, обнаруживаются две практические трудности. Во-первых, в жизни бывает совершенно невозможно произвольно (т.е. по своей инициативе) выйти из ситуации и найти ту самую точку Z. Во-вторых, без проникновения в центр окружности понимание, достигаемое из точки Z, все равно оказывается неполным.

Для Пруста и Мамардашвили ключ к выходу из поля ситуации — **впечатление** (вспомним знаменитое пирожное «Мадлен») — особое состояние чувственной *окликнутости*, в котором мы замечаем тот или иной предмет и воспринимаем его, выражаясь термином Выготского, как символ-средство для представления себя, актуализации *идеального Я*, Я-в-созерцании, по В.А. Петровскому. Встреча с впечатлением буквально выбивает нас из психологического поля. Этот символ-средство, с одной стороны, вовлекает личность в отношения с собой, а с другой — сохраняет дистанцию по отношению к психологическому полю, не вписывается в него (*остраняет*, по В.Б. Шкловскому). М.К. Мамардашвили в этом контексте говорит об *индуктивных воронках*, которые как бы вытягивают личность из психологического поля ситуации. Событие встречи с впечатлением Мамардашвили называет *событием причастности*, оно и субъективно переживается как выход из психологического

поля. Можно найти массу описаний такого рода событий, — например, классический эпизод эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», где князь Андрей смотрит в небо Аустерлица.

«Обращаясь к впечатлению, воссоздавая его, личность задается вопросами: что со мной происходит на самом деле? где я стою? что на самом деле я чувствую? какое место я занимаю? что я испытываю? о чем свидетельствует мое состояние? каковы сейчас мои возможности? Работа с впечатлением увеличивает разрешающую способность сознания и завоевывает новое видимое и незримое пространство для Я» (Старовойтенко, 2015, с. 405). Но отклик на зов впечатления — лишь первый шаг пути. Непонятое впечатление не может быть снова вплетено в психологическое поле... Только будучи понятым, соотношенным с психологическим полем, а затем и вплетенным в него посредством поступка, *свободного осмысленного действия*, оно может стать средством для перехода от Я к Я живущих.

Впечатление, выступая промежуточным элементом, медиатором, дает личности возможность оторваться от психологического поля и выйти в надситуативную позицию. Но где оно на рисунке: это точка Z или точка центра сферы понимающего топоса? Похоже, ни то, ни другое.

Если мы вернемся к модели-метафоре Мамардашвили (рисунок 6), то должны будем вспомнить: чтобы преодолеть путь от Я до Я живущих, необходимо попасть в центр сферы. Идея центра предполагает некое точное попадание. Правомерно ли считать произвольно взятую (или взявшуюся, если говорить о впечатлении как внешнем по отношению к личности воздействии) точку этим самым центром? Вероятно, нет. Это переходная точка — точка выхода из психологического поля и входа в поле смысловое, она лежит на границе и при пристальном взгляде открывается как особое переходное пространство. Сама по себе эта точка может быть какой угодно: «Я говорил вам, что в рекламе мыла можно сделать такие же открытия, как и в “Мыслях” Паскаля. Уже здесь мы начинаем видеть действие прустовской проблемы некоей точки равноденствия. Предметы равны — в данном случае мыло равно великой книге Паскаля. Нырнув в рекламу мыла, можно вынырнуть на правой стороне равенства со столь же значительной мыслью или со столь же значительным открытием, как и нырнув в “Мысли” Паскаля» (Мамардашвили, 2015, с. 53). Эту фразу стоит в геометрическом смысле трактовать так, что точка впечатления принадлежит не центру, но поверхности сферы (рисунок 7), на которой также расположены и другие вещи, и все они равно удалены от некоего центра. Точка впечатления лежит на границе плоскости и сферы и при внимательном погружении открывает путь к представлению всего множества других точек сферы, активное движение по которым, соощущение равноудаленности которых рождает идею центра¹³. Выше мы отмечали, что Выготский подразумевает под «зигзагом свободного осмысленного действия» активный путь; Мамардашвили также говорит об активном движении — «нырке».

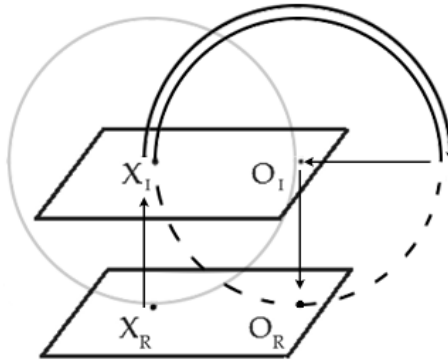
¹³ Альтернативное прочтение смысла «индуктивных воронок»: индукция не как магнит, а как обобщение: обобщенное соощущение множества точек окружности, рождающее идею окружности и ее центра.

Интегральная модель самодвижения Я с опорой на символическое средство

Мы показали как предметную, так и содержательную близость пространственных моделей Л.С. Выготского и М.К. Мамардашвили. Однако всякий раз нам приходилось что-то в них достраивать. Ниже мы предпримем попытку совместить модели, заполнив таким образом лакуны каждой из них (см. рисунок 10). Действительно, рисунок Мамардашвили оказывается в некотором смысле неполным и может быть дополнен рисунком Выготского (см. рисунок 3), на котором и в психологическом, и в смысловом полях показаны точки входа и выхода. (Для удобства мы опираемся на рисунок зигзага свободного осмысленного действия Выготского как на графическую основу, а также используем его буквенные обозначения.)

Рисунок 10

Интегральная модель самодвижения Я, объединяющая схемы Л.С. Выготского и М.К. Мамардашвили

Чтобы построить эту модель, нужно будет отказаться от построения ее «по точкам» как по остановочным пунктам. Коль скоро речь идет о само-движении Я, мы будем постоянно сталкиваться с логическими противоречиями, пытаясь отождествить ипостаси Я или стадии самодвижения с точками. Они имеют принципиально динамический характер, всякий раз это не пребывание в какой-то одной ипостаси, но взаимопереход. Используя блестящую метафору В.И. Мартынова, можно сказать, что речь идет не о ступенях, но о ступенях (Мартынов, 1994, с. 120).

Пожалуй, единственная ипостась Я, которая может быть представлена как точка (совокупность постоянно сменяющих друг друга точек), — это *имманентное Я*; выше мы поставили его в соответствие с точкой А на схеме инструментального акта или с X_R на схеме зигзага свободного действия.

Однако, как только происходит встреча с впечатлением (т.е. буквально «впечатывание» какого-то фрагмента мира в «имманентное Я» — событие, заключающееся в том, что Я вдруг обнаруживает себя стоящим в отношении с

какой-то частью мира¹⁴), мы уже не можем говорить о точке. Во впечатлении чувственное восприятие — вкус условного пирожного «Мадлен» — не равно самому себе, оно *больше* и этим как бы переносит личность в надситуативную позицию. Вкус пирожного открывает дорогу ко множеству других представлений, подобранных по какому-то неявному пока правилу и отражающихся друг в друге. В поле представлений личность очерчивает окружность, соощущение «геометрического места» множества точек которой чревато идеей центра (точки X_1).

Личность оказывается дважды проблематизированной. С одной стороны, как проблема переживается зазор между *имманентным Я (Я-самим-по себе)* и *Я-в-представлении* (причем таком, в котором я могу представить себя только в связи с впечатлением). Эту первую проблематизированность мы можем обозначить как путь от точки X_R к X_1 на рисунок 10 и назвать проблематизированностью интроекцией: *что-то вошло в меня, и теперь я — не я*.

Но есть и вторая проблема: впечатление имеет природу *резонансного ящичка*: вкус пирожного запускает целую цепочку представлений, резонирующих друг с другом и усиливающих друг друга. В какой-то момент то единственное, ярчайшее, ни с чем не сравнимое впечатление оказывается... лишь одним из элементов в символическом ряду. Вот здесь-то и возникает вторая проблема, относящаяся скорее к *Трансцендентальному Я*, т. е. к *Я-как-мысли-о себе*. Эта проблема заключается в том, что цепочка представлений осознается именно как цепочка элементов, связанных друг с другом некоторым законом, который тем не менее еще только предстоит сформулировать. Иными словами, цепочка представлений осознается как символ¹⁵, а именно его явленная часть, которая может привести и к скрытой его части. За планом выражения начинает проступать некоторый план содержания, как за первыми и последними строчками сонетов в венке проступает магистрал. Итак, второй проблемой становится путь от явленной части символа к его скрытой части, метафорически определяемой Мамардашвили как центр окружности. Эту проблематизированность можно обозначить как путь от X_1 к O_1 и назвать проблематизированностью пониманием (в терминах Мамардашвили) или интериоризацией (в терминах Выготского).

Описывая метод ландшафтной аналитики, основанный на обращении с впечатлениями, мы подробно описывали «путь от интроекции к интериоризации» и возможные препятствия на нем (Белорусец, 2021).

Во-первых, в дело могут вмешаться психологические защиты и впечатление будет проигнорировано. На рисунке 10 такой исход можно обозначить как отсутствие движения от X_R к X_1 .

Во-вторых, возможно «короткое аффективное замыкание», когда личность не сможет удерживать зазор между надситуативным впечатлением и жизненной

¹⁴ Одно из определений, которое Л.С. Выготский дал понятию социальной ситуации развития, — «значимые отношения».

¹⁵ Символ здесь понимается как бесконечная цепочка подобий, утверждение типа «A1 относится к B1 так же, как An к Bn». Постигание символа, таким образом, предполагает разного «масштаба» открытия: 1) A1 определенным образом (но пока не ясно, каким) относится к B1; 2) открытие коллекции подобий; 3) открытие того конкретного отношения, которое связывает все A и B.

ситуацией (классический пример — селфи на фоне Ниагарского водопада, которое жестко опредмечивает источник впечатления и вплетает его в психологическое поле в роли красивого фона). На рисунке 10 такой исход можно обозначить как возврат из X_1 к X_R .

В-третьих, возможен прямой интерпретирующий ход, когда непосредственно из точки X_1 (а не из всего множества точек окружности) личность начинает смотреть на свое психологическое поле, используя ее как самоценный знак (мы обозначили этот вариант на рисунке 10 серым кругом). Личность как бы ставит впечатление как таковое в центр, смотрит на всю свою жизнь сквозь призму этого впечатления. В этом случае «открытия» возможны, но они будут тривиальными, так как не проделан никакой активный путь, не осуществлен «нырок» в смысловом поле, не случилось «движения **в** теле впечатления», а имело место только пассивное движение **за** впечатлением; пересборка нового Я не будет обладать новизной по сравнению с исходным Я, или, используя терминологию В.А. Петровского, не состоится переход в Трансфинитное Я. Рассмотрение впечатления как самоценного знака «позволяет соотнести скрытое содержание ([жизненную] проблему) с явленной моделью на основании какого-то **тривиального** признака» (Белорусец, 2020, с. 82).

Истинная же интериоризация, выражаясь словами Выготского (или понимание как выстраивание «внутреннего эквивалента», по Мамардашвили) предполагает активное движение в смысловом поле (путь по большой окружности от X_1 вокруг O_1 с последующей индуктивной реконструкцией этой точки, приходом к ней). Содержательно он может быть объяснен как движение по цепочке подобий символа от его субъективной интерпретации к нахождению через него всеобщего (не случайно Мамардашвили называет центр окружности «*divinité*»).

В реконструкции А.А. Парамонова «точка равноденствия» Z лежит на поверхности сферы, а на нашем рисунке ее функциональным эквивалентом выступает центр, но здесь нет принципиального различия. Ключевая характеристика этой точки — то, что на нее могут быть спроецированы все точки жизни личности. *Трансфинитное Я*, предполагающее переживание актуальной бесконечности, по описанию совпадает с точкой «равноденствия» O_1 / Z . Это точка встречи со всеобщим, из которой и может быть верно увидана вся «окружность» символа, первая эмпирическая встреча с одним из проявлений которого произошла в точке X_1 . Из этой точки возможно осмысление впечатления уже не как личного, но как надличностного, являющегося источником проекции на личность какого-то всеобщего закона.

Следующая часть пути от O_1 к O_R (к *Я живущих*, в терминах Мамардашвили), т.е. к конкретному поступку, который, с одной стороны, исходит из понимания только что открытого закона, а с другой — предполагает конкретные действия по претворению этого закона в жизнь. Эту точку было бы правомерно снова отождествить с *имманентным Я, Я, действующим в мире*, но это уже не то *имманентное Я*, с которого мы начали описание траектории: оно совершило полный цикл самодвижения и вернулось в преобразованный им же мир.

Заключение

Подводя итоги, задумаемся о том, какое значение имеет выполненное нами компаративистское упражнение.

Для истории науки это значение состоит в том, что демонстрируемая близость ключевых моделей Л.С. Выготского и М.К. Мамардашвили позволяет отнести их к единой традиции или даже исследовательской программе, в центре которой — динамическая модель непрямого развития (самодвижения) личности. Здесь следовало бы уточнить традиционно применяемый к работам Л.С. Выготского термин — «знаковое опосредствование», ведь, как было показано, уместнее было бы говорить об опосредствовании символическом (в сосюрсовском понимании слова «символ»), предполагающем не просто «отталкивание» от знака, но — на определенном этапе — движение в теле символа.

В аспекте теоретической психологии данная работа может рассматриваться как развитие теории надситуативной активности В.А. Петровского (2010) — разработка процессуальной модели одной из форм генеза надситуативности, а также как диалог с Е.Б. Старовойтенко и развитие моделей «феноменологического отношения к себе» и «возможностей Я в отношении к Другому» (Старовойтенко, 2015, с. 405–410).

Предпринятая нами попытка синтеза моделей развития личности (и ее свободного поведения) преследует не только теоретические, но и практические цели. В частности, ориентировка на эту модель поможет психотерапевтам, использующим в своей работе впечатления и опирающимся на символы и метафоры, лучше осознавать свои психотехнические действия и ход развития клиента. Артикуляция всей траектории «зигзага свободного осмысленного действия», понимание этапности активного движения по ней дают возможность психологам-практикам зряче сопровождать клиента в этом движении, выбирая средства поддержки, которые бы соответствовали задачам, решаемым на каждом из этапов.

Особой эвристичностью предложенная модель обладает и по отношению к практике ландшафтной аналитики (Березин, Исаев, 2009), в которой создаются условия для самодвижения Я. Предлагаемая модель позволяет рельефно рассмотреть направления и методы работы на каждом из этапов этого самодвижения.

Литература

- Белорусец, А. С. (2020). Символ как средство ориентировки в личностных задачах: персонологическая перспектива. *Культурно-историческая психология*, 16(1), 78–87. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160108>
- Белорусец, А. С. (2021). Символический диалог человека и мира в ландшафтной аналитике: путь от интроекции к интериоризации. В кн. А. С. Белорусец, С. В. Березин (ред.-сост.), *Одушевленный ландшафт* (с. 63–79). СПб.: Алетейя.
- Березин, С. В., Исаев, Д. С. (2009). *Ландшафтная аналитика: опыт трансдисциплинарной психотерапии*. Самара: Самарский государственный университет.

- Выготский, Л. С. (1982). *Собрание сочинений. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии*. М.: Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1983а). История развития высших психических функций. В кн. Л. С. Выготский, *Собрание сочинений* (в 6 т., т. 3, с. 5–328). М.: Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1983б). Проблема умственной отсталости. В кн. Л. С. Выготский, *Собрание сочинений* (в 6 т., т. 5, с. 231–256). М.: Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1984). Проблема возраста. В кн. Л. С. Выготский, *Собрание сочинений* (в 6 т., т. 4, ч. 2, с. 244–269). М.: Педагогика.
- Завершнева, Е. Ю. (2015). Представления о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л.С. Выготского. *Вопросы психологии*, 4, 119–135.
- Завершнева, Е., ван дер Веер, Р. (ред.). (2017). *Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация».
- Зинченко, В. П. (2010). *Сознание и творческий акт*. М.: Языки славянских культур.
- Мамардашвили, М. К. (2004). *Стрела познания. Сборник*. М.: Тайдекс и Ко.
- Мамардашвили, М. К. (2009). *Лекции по античной философии*. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили.
- Мамардашвили, М. К. (2014). *Психологическая топология пути* (т. 2). М.: Фонд Мераба Мамардашвили.
- Мамардашвили, М. К. (2015). *Психологическая топология пути* (т. 1). М.: Фонд Мераба Мамардашвили.
- Мартынов, В. И. (1994). *История богослужебного пения. Учебное пособие*. М.: РИО Федеральных архивов; Русские огни.
- Парамонов, А. А. (2015). Геометрия сродства. Комментарий к подготовительным материалам к лекциям М.К. Мамардашвили о Прусте. В кн. М. К. Мамардашвили, *Психологическая топология пути* (т. 1, с. 1045–1072). М.: Фонд Мераба Мамардашвили.
- Парамонов, А. А. (2016). «Стихия чертежа». К топологии трансверсальности. *Философский журнал*, 9(4), 63–79. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2016-9-4-63-79>
- Петровский, В. А. (1996). *Личность в психологии: парадигма субъектности*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Петровский, В. А. (2010). *Человек над ситуацией*. М.: Смысл.
- Старовойтенко, Е. Б. (2015). *Персонология: жизнь личности в культуре*. М.: Академический проект.
- Чебанов, С. В. (2020). Когнитивная графика как способ изображения идей. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 10, 309–376. <https://doi.org/10.31249/metod/2020.10.16>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Beloruset, A. S. (2020). Symbol as an orienting means for solving developmental tasks: a personological perspective. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 16(1), 78–87. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160108> (in Russian)
- Beloruset, A. S. (2021). Simvolicheskii dialog cheloveka i mira v landshaftnoi analitike: put' ot introektsii k interiorizatsii [Symbolic dialogue of a human and the world in landscape analytics: A

- way from introjection to interiorization]. In A. S. Belorusetz & S. V. Berezin (Eds.), *Odushevlennyi landschaft* [Living landscape] (pp. 63–79). Saint Petersburg: Aleteiya.
- Berezin, S. V., & Isaev, D. S. (2009). *Landshaftnaya analitika: opyt transdisciplinarnoi psikhoterapii* [Landscape analytics: an experience of transdisciplinary psychotherapy]. Samara: Samara State University.
- Chebanov, S. V. (2020). Kognitivnaya grafika kak sposob izobrazheniya idei [Cognitive graphics as a means of expressing ideas]. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*, 10, 309–376.
- Lewin, K., & Sliosberg, S. (1934). Untersuchungen zur Handlungs- und Affektpsychologie [Studies in psychology of action and affect]. *Psychologische Forschung*, 19, 122–181. <https://doi.org/10.1007/BF02409736>
- Mamardashvili, M. K. (2004). *Strela poznaniya* [An arrow of cognition]. Moscow: Taideks i Ko.
- Mamardashvili, M. K. (2009). *Lektsii po antichnoi filosofii* [Lectures on Ancient Greek and Roman philosophy]. Progress-Traditsiya; Fond Meraba Mamardashvili.
- Mamardashvili, M. K. (2014). *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological topology of path] (Vol. 2). Moscow: Fond Meraba Mamardashvili.
- Mamardashvili, M. K. (2015). *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological topology of path] (Vol. 1). Moscow: Fond Meraba Mamardashvili.
- Martynov, V. I. (1994). *Istoriya bogosluzhebnoho peniya* [History of liturgical singing]. Moscow: RIO Federalnikh arkhivov.
- Paramonov, A. A. (2015). Geometriya srodstva. Kommentarii k podgotovitel'nym materialam k lektsiyam M.K. Mamardashvili o Pruste. In M. K. Mamardashvili, *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological topology of path] (Vol. 1, pp. 1045–1072). Moscow: Fond Meraba Mamardashvili.
- Paramonov, A. A. (2016). Drafting as elemental force. Toward a topology of transversality. *Filosofskii Zhurnal [The Philosophy Journal]*, 9(4), 63–79. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2016-9-4-63-79> (in Russian)
- Petrovsky, V. A. (1996). *Lichnost' v psikhologii: paradigma sub'ektnosti* [Personality psychology: the paradigm of subjectivity]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Petrovsky, V. A. (2010). *Chelovek nad situatsiei* [Human above the situation]. Moscow: Smysl.
- Starovoitenko, E. B. (2015). *Personologiya: zhizn' lichnosti v kul'ture* [Personology: person's life in culture]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Vygotsky, L. S. (1982). *Sobranie sochinenii. T. 1. Voprosy teorii i istorii psikhologii* [Collected works: Vol. 1. Issues of the theory and history of psychology]. Moscow: Pedagogika.
- Vygotsky, L. S. (1983a). Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [The history of the development of higher mental functions]. In L. S. Vygotsky, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (in 6 vols., Vol. 3, pp. 5–328). Moscow: Pedagogika.
- Vygotsky, L. S. (1983b). Problema umstvennoi otstalosti [The problem of mental retardation]. In L. S. Vygotsky, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (in 6 vols. Vol. 5, pp. 231–256). Moscow: Pedagogika.
- Vygotsky, L. S. (1984). Problema vozrasta [Age problem]. In L. S. Vygotsky, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (in 6 vols., Vol. 4, Pt. 2, pp. 244–268). Moscow: Pedagogika.
- Zavershneva, E. Yu. (2015). Predstavleniya o smyslovom pole v teorii dinamicheskikh smyslovykh sistem L.S. Vygotskogo [The notion of semantic field in L.S. Vygotsky's theory of dynamic semantic system]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 119–135.
- Zavershneva, E., & van der Veer, R. (Eds.). (2018). *Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe* [Vygotsky's notebooks. A selection]. Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya".
- Zinchenko, V. P. (2010). *Soznanie i tvorcheskii akt* [Consciousness and creative act]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОВОГО СЛОВАРЯ ДЕСКРИПТОРОВ ЛИЧНОСТИ С ТЕЗАУРУСОМ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ А.Г. ШМЕЛЕВА

А.Ю. КАЛУГИН^а, С.А. ЩЕБЕТЕНКО^а, А.М. МИШКЕВИЧ^а,
У.Е. СИРОТИНА^а, Ю.С. ВИТКО^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия,
Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

A Comparative Analysis of a New Dictionary of Personality Descriptors and the Shmelev's Thesaurus of Personality Traits

A.Yu. Kalugin^a, S.A. Shchebetenko^a, A.M. Mishkevich^a, U.E. Sirotina^a, Yu.S. Vitko^a

^а *HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Резюме

Статья посвящена сравнению нового русского словаря описателей черт личности, разработанного авторами, с тезаурусом личностных черт, подготовленным А.Г. Шмелевым с коллегами в 1980–1990 гг. В новом словаре слова были отобраны из 140 тыс. прилагательных, существительных, глаголов и наречий. В ходе трехэтапного отбора по «немецкой методологии» были получены «полный» (2384 слова) и «сокращенный» (1253 слова) словари описателей черт личности. Из последнего были удалены однокоренные синонимы и антонимы. На разных этапах подготовки словаря описателей к исследованию подключалось от 6 до 45 экспертов разного возраста, пола, уровня компетентности. Для 624 слов из тезауруса А.Г. Шмелева были найдены полные аналоги в «полном» и «сокращенном»

Abstract

We compared a new Russian dictionary of personality descriptors with the thesaurus of personality traits by Alexander Shmelev and his colleagues developed in the 1980s and 1990s. In the new dictionary, the descriptors were selected from the Open Corpus, a global Russian word collection which had included over 140,000 adjectives, nouns, verbs, and adverbs. We utilized a “German methodology” of the word selection which comprises a three-stage process; in so doing, we consecutively yielded a full (2,384 words) and abridged (1,253 words) dictionaries of the personality descriptors, with cognate synonyms and antonyms being removed from the latter. While developing the full dictionary, we engaged groups of experts who varied in their age, sex, and expertise, in amounts from 6 to 45 experts per group. In the full dictionary, full equivalents to contents of the Shmelev's the-

---

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00127.

The research was carried out with the financial support of the RSF, project No 21-18-00127.

словарях. 1353 слова из тезауруса А.Г. Шмелева были отсеяны нами на разных этапах отбора (причины отсева обсуждаются в статье); 109 слов не обнаружили аналогов в первоначальном списке из 140 тыс. слов. 629 слов были в наших словарях, но отсутствовали в тезаурусе А.Г. Шмелева. Словарь А.Г. Шмелева на 26.2% совпадал с «полным» словарем и на 49.8% с «сокращенным» словарем. Выявленные различия в составе словарей не означают, что будут получены разные результаты при изучении структуры личности, так как ключевые характеристики личности могут быть отражены во всех рассмотренных словарях. В этом случае структуры черт личности, полученные на основе сравниваемых словарей, будут схожи. Если же структуры черт личности будут различаться, то это может быть объяснено методологией включения и исключения слов.

Ключевые слова: emic-подход, личность, структура личности, модель «Большая пятерка», описатели черт личности.

Калугин Алексей Юрьевич — старший научный сотрудник, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент.
Сфера научных интересов: психология личности, психология индивидуальности, анализ данных.
Контакты: kaluginau@yandex.ru

Щебетенко Сергей Александрович — профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук, доцент.
Сфера научных интересов: психология личности и индивидуальных различий, социальная психология, методология исследований.
Контакты: sshchebetenko@hse.ru

Мишкевич Арина Михайловна — старший научный сотрудник, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.
Сфера научных интересов: психология личности, социальные установки.
Контакты: ArinaMishkevich@ya.ru

сaurus were found for 624 words, whereas 1,353 words present in the Shmelev's thesaurus were excluded (the reasons for it are discussed in the paper). From the Shmelev's thesaurus, 109 words were absent in our initial 140,000 list, whereas 629 words in our dictionaries were absent in the Shmelev's thesaurus. Overall, the Shmelev's thesaurus was 26.2% equal to our full dictionary and 49.8% to the abridged dictionary. These differences do not imply different findings to be potentially revealed between the dictionaries, as the content of core personality characteristics can remain the same over the dictionaries. Consequently, estimations of the global Russian personality trait structure using either dictionary could closely fit. Conversely, the methodology of including or excluding descriptors in the particular dictionary could explain why the structures of personality were different.

Keywords: emic-approach; personality; personality structure; Big Five model; personality trait descriptors.

Alexey Yu. Kalugin — Senior Research Fellow, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, PhD in Psychology, Associate Professor.
Research Area: personality psychology, psychology of individuality, data analysis.
E-mail: kaluginau@yandex.ru

Sergei A. Shchebetenko — Professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, DSc in Psychology.
Research Area: personality psychology and individual differences, social psychology, methodology.
E-mail: sshchebetenko@hse.ru

Arina M. Mishkevich — Senior Research Fellow, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, PhD in Psychology.
Research Area: personality psychology, social attitudes.
E-mail: ArinaMishkevich@ya.ru

Сиротина Ульяна Евгеньевна — бакалавр, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Сфера научных интересов: психология личности, эффективность медитативных практик. Контакты: uesiroтина@edu.hse.ru

Витко Юлия Станиславовна — ассистент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Сфера научных интересов: психология личности, психология духовности, психология здоровья. Контакты: uliyvitko18@gmail.com

Ulyana E. Sirotina — Bachelor's Degree in Psychology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University. Research Area: personality psychology, efficacy of meditation practices. E-mail: uesiroтина@edu.hse.ru

Yulia S. Vitko — Assistant, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University. Research Area: personality psychology, psychology of spirituality, health psychology. E-mail: uliyvitko18@gmail.com

Etic- и emic-подходы к определению структуры черт личности

На сегодняшний день одной из самых разработанных и признанных в мировом научном сообществе структур личности является так называемая «Большая пятерка», включающая пять черт: экстраверсию, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, интеллект/культуру/открытость опыту¹. Данная модель опирается на «лексическую гипотезу» о том, что основные сведения об индивидуальных различиях исторически нашли отражение в языке (Goldberg, 1981). Существует два основных подхода к изучению структуры личности в рамках данной гипотезы: etic-подход и emic-подход (Cheung et al., 2011; Jiang, 2021). Первый предполагает, что есть некая заданная модель, изначально полученная в некоторой языковой среде; эту модель в дальнейшем «примеряют» к разным культурам. Например, изначально американская пятифакторная модель личности впоследствии нашла подтверждение более чем в 50 странах (McCrae et al., 2005; Schmitt et al., 2007). Такой подход позволяет проверить кросс-культурную устойчивость модели, но практически не учитывает остаточную культурную специфику, отличающую данный культурный контекст от некоего взятого за эталон. Emic-подход, напротив, позволяет учесть культурную специфику, но более трудоемок. Психолексические emic-исследования обычно начинаются с отбора из словарей определенного языка слов, описывающих личность. Когда этот этап пройден и составлен словарь описателей черт личности, его предлагают носителям данного языка, которые оценивают по этим характеристикам себя или другого. Затем полученные результаты обрабатываются с помощью факторного анализа с целью получения эмпирической структуры личности (Thalmayer et al., 2020). Следует отметить, что именно таким путем изначально была получена модель «Большой пятерки» на американской выборке (Allport, Odbert, 1936; Goldberg, 1990; Norman, 1967).

¹ Данная черта является наиболее неустойчивой в своем содержании, что обуславливает комплексность ее названия (Connolly et al., 2014).

Исследования в рамках еміс-подхода показали, что «Большая пятерка» наиболее успешно воспроизводится в германских и славянских языках (Saucier, 2009). Однако даже тогда она имеет культурную специфику. Например, в чешском языке фактор открытости опыту содержательно описывал способности и ловкость (Hřebíčková, 2007), а в голландском и итальянском — социальную непокорность (De Raad et al., 1998).

В других языках «Большая пятерка» воспроизводится хуже, особенно за пределами западных культур (Laajaj et al., 2019; Thalmayer et al., 2020; Wood et al., 2020). Различия наблюдались как в количестве черт, так и в их содержании. Так, исследования на албанском (Shala et al., 2020) и сербском (De Raad et al., 2018b) языках продемонстрировали семь факторов, в то время как на венгерском языке (De Raad et al., 2018a) была получена шестифакторная структура. Как отмечает Дж. Сосье (Saucier, 2018), существуют различия и в содержании черт, выделенных на разных языках, но называемых одинаково.

Всего на данный момент психолексические исследования черт проведены более чем на 30 языках (De Raad et al., 2014; De Raad, Mlačić, 2017). Обнаружена ли универсальная структура личности? По мнению ряда авторов (De Raad, Barelds, 2020; De Raad et al., 2014; и др.), есть три черты, которые более-менее стабильно воспроизводятся в разных языках и культурах (так называемая панкультурная тройка): экстраверсия, доброжелательность и добросовестность. Остальные факторы являются «идиосинкратическими остатками» и могут заметно различаться от культуры к культуре.

Психолексический подход к отбору описателей личности

В мировой практике психолексических еміс-исследований сложились две традиции отбора слов из словарей: голландская (Brokken, 1978; De Raad et al., 1998) и немецкая (Angleitner et al., 1990). Представим их краткое описание (подробнее см.: Мишкевич и др., 2021).

Голландский вариант включает два этапа (Brokken, 1978): 1) из словаря отбираются все прилагательные, которые можно отнести к человеку; 2) отобранные слова разделяются на две категории: «критерий природы» (слово можно подставить в предложение «Этот человек [прилагательное] по своей природе») и «критерий личности» (слово может являться ответом на вопрос «Мистер X, что он за человек?»). Позднее в рамках голландской методологии помимо прилагательных также стали отбирать глаголы и существительные.

Немецкая методология имеет более сложную схему отбора слов (Angleitner et al., 1990). На первом этапе из словаря отбирают слова, с помощью которых можно описать человека или отличить поведение одного человека от поведения другого. Позднее данный этап был расширен за счет дополнительного исключения слов, иррелевантных описанию собственно личности (например, религиозной идентичности или географического происхождения). На втором этапе слова классифицируют по пяти категориям (диспозиции, временные состояния, социальные и репутационные аспекты, наружные характеристики и внешний вид, зависящие от конкретного контекста «термины

ограниченной полезности», метафорические, расплывчатые и т.п.) и 13 подкатегориям. В итоговый список попадают слова только из категории диспозиций.

Ключевое различие этих двух методологий заключается в критериях отбора: в немецкой методологии преимущественно исключаются оценочные признаки, при этом оценочные признаки, относящиеся к описанию темперамента или характера, сохраняются. В целом обе методологии отбора слов-описателей личности дают в итоге схожую структуру черт (Di Blas, Forzi, 1998).

Русскоязычные таксономии черт личности

На русском языке известны единичные попытки определения структуры черт личности на основе слов-описателей (Шмелев и др., 1991; Putilov, 2018).

В исследовании А.А. Путилова (Putilov, 2018) использовались два набора данных. В первый вошли 496 слов, взятых из списков описателей личности зарубежных таксономий. Они были переведены с английского языка на русский, а прилагательные преобразованы в существительные. Далее 414 участников исследования оценивали себя и двух других известных им людей, один из которых им нравился, а другой нет, по трехбалльной шкале: «да», «не знаю», «нет».

Второй список описателей для исследования, включающий 296 существительных, был получен путем объединения 148 существительных, отобранных из ранее полученного списка, с двумя наборами по 74 слова. Каждый из них, в свою очередь, был получен из списков В. Хофсти с соавт. (Hofstee et al., 1992) и А.Г. Шмелева с соавт. (Шмелев и др., 1991). Отбор слов осуществлялся в соответствии с циркумплексной моделью личностных черт, в которой признаки характеризуются их угловыми позициями в двумерном факторном пространстве (Hofstee et al., 1992) по 74 аспектам (фасетам) этой модели. Далее 149 респондентов оценивали себя и двух других известных им людей, один из которых им нравился, а другой нет, по пятибалльной шкале: «да, конечно», «да, наверное», «не знаю», «нет, наверное», «нет, конечно».

Строго говоря, исследование А.А. Путилова не следует емic-парадигме: в качестве источника слов использовался не словарь, а уже сокращенные тезаурусы, полученные на других культурах; при отборе слов автор опирался на априорную модель черт личности (шестифакторная структура, визуализируемая в трехмерном пространстве). Таким образом, речь может идти не о структуре черт личности, основанной на дескрипторах русского языка, а о проверке авторской модели черт личности на русской выборке. В этом отношении исследование Путилова представляет собой комбинацию емic- и еtic-подходов.

В рамках собственно емic-подхода было проведено исследование А.Г. Шмелева с коллегами по составлению «Тезауруса личностных черт» и проверке на его основе факторной структуры личности (Голдберг, Шмелев, 1993; Шмелев, Похилько, 1985; Шмелев и др., 1991; Shmelyov, Pokhil'ko, 1993).

На протяжении десятилетия под руководством А.Г. Шмелева составлялись, расширялись и корректировались словники² личностных черт. Первый словник, включавший 1530 слов, был составлен из личностных конструктов, предложенных студентами, а также из «Алфавита из 1500 черт личности» К.К. Платонова (Платонов, Голубев, 1977) и «Номинальной шкалы личностных качеств» В.Е. Хмелько (Хмелько, 1981). Впоследствии скорректированный и расширенный, дополненный понятиями из толкового «Словаря русского языка» (Ожегов, 1980), словник включил в себя 1650 описателей. Его финальный вариант содержал 2090 слов, характеризующих личность (подробно см.: Голдберг, Шмелев, 1993; Шмелев, 2002; Shmelyov, Pokhil'ko, 1993). Этот вариант (см. в кн.: Шмелев, 2002) был взят нами для сравнения со списком, полученным в ходе нашего собственного исследования русской таксономии личностных черт.

На основе полученного словника путем «интернальных суждений» — оценки связи слов между собой (в противоположность «экстернальным суждениям», суждениям респондентов о себе или другом) — А.Г. Шмелев с коллегами получили 15-факторную структуру личности, затем дополненную 16-м фактором социальной желательности (Шмелев и др., 1991; Шмелев, 2002).

Следует отметить, что подход А.Г. Шмелева с коллегами к отбору слов отличался от принятого за рубежом: ученые основывались более на психосемантической традиции, нежели на психолексической. Как отмечают сами авторы, могла сыграть свою роль ограниченная доступность для них актуальной зарубежной литературы в то время, это приводило к необходимости открывать свои пути для достижения тех же целей, что ставили перед собой зарубежные ученые в изучении структуры личности на основе словарного состава языка (Голдберг, Шмелев, 1993; Shmelyov, Pokhil'ko, 1993). Вероятно, когда зарубежные источники стали доступнее, в многолетнее исследование уже сложно было внести коррективы. Указанное, в конечном счете, породило определенные сложности в проведении кросс-культурных исследований на основе полученной русской таксономии (Saucier, Goldberg, 2001).

Постановка проблемы исследования

Итак, структура личности, полученная А.А. Путиловым на основе описателей личности, не может рассматриваться в качестве примера использования культурно-специфичного *emic*-подхода, так как при ее создании был упущен ключевой элемент — поэтапный процесс отбора слов из словаря конкретного языка. Психосемантический подход А.Г. Шмелева с коллегами, как и психолексический, соотносится с *emic*-подходом. В то же время в международной практике психолексических исследований были выработаны четкие алгоритмы отбора слов, описывающих личность (см., например: Angleitner et al., 1990; De Raad et al., 1998). Единый стандарт позволяет сравнивать структуры

---

² А.Г. Шмелев (2002) активно использует термин «словник» как синоним «словаря» или «тезауруса» личностных черт. Мы также будем использовать данный термин.

личности, полученные в разных странах, говорящих на разных языках. Однако, как отмечают, например, Дж. Сосье и Л. Голдберг (Saucier, Goldberg, 2001), различия в подходах к отбору слов препятствуют активному использованию русской таксономии А.Г. Шмелева в кросс-культурных исследованиях. При этом стоит учитывать, что различия в списках слов-описателей личности, полученных с помощью психолексического и психосемантического подходов, могут быть минимальны.

Целью данного исследования является определение степени сходства и различия двух русских тезаурусов описателей черт личности: (1) подготовленного под руководством А.Г. Шмелева в традициях психосемантического подхода и (2) подготовленного нами в традициях психолексического подхода³.

Гипотеза исследования: вследствие разницы в подходе А.Г. Шмелева с соавт. и в нашем подходе к отбору слов-описателей черт личности различие сравниваемых тезаурусов будет преобладать над сходством.

Метод

Участники исследования

На разных этапах подготовки словаря описателей к работе подключались разные группы экспертов.

В схеме исследования выделяются этапы, которые, в свою очередь, могут состоять из шагов. На первом этапе в первом шаге исследования участие приняли девять экспертов в возрасте от 21 до 30 лет ($M = 23.8$, $SD = 3.6$); все эксперты были женского пола. Среди них были один кандидат психологических наук, один филолог и семь студентов-психологов старших курсов. Во втором шаге участвовали шесть экспертов в возрасте от 21 до 30 лет ($M = 23.33$, $SD = 3.33$); все эксперты были женского пола. Среди них были один кандидат филологических наук и пять студентов-психологов старших курсов.

Во втором этапе участие приняли шесть экспертов в возрасте от 21 до 30 лет ($M = 24.5$, $SD = 4.32$); все эксперты были женского пола. Среди них были один кандидат филологических наук, один филолог и четыре студента-психолога старших курсов.

В первом шаге третьего этапа участие приняли шесть экспертов в возрасте от 22 до 45 лет ($M = 30.83$, $SD = 8.77$), из них двое мужчин и четыре женщины. Экспертами на этом этапе выступили один доктор психологических наук, два кандидата психологических наук, один кандидат филологических наук и два эксперта с психологическим образованием. Во втором шаге каждое слово оценивали по 12 экспертов (по 6 человек студенческого возраста и по 6 человек старшего возраста), всего 45 человек в возрасте от 19 до 74 лет ($M = 25.93$, $SD = 12.54$), включая 8 мужчин. Эти эксперты не имели психологического образования. Экспертов студенческого возраста было 38 человек (из них 5

---

³ В представленном сравнении словарей описателей личности не рассматривается словарь А.А. Путилова, так как он был получен путем комбинации еmic- и еtic-подходов.

мужчин) в возрасте от 19 до 26 лет ($M = 21.16$, $SD = 1.61$). Семь экспертов (из них трое мужчин) были в возрасте от 30 до 74 лет ($M = 51.14$, $SD = 15.13$).

Подготовка словаря описателей черт личности

Из словаря русского языка (<https://opencorpora.org/dict.php>), полученного на основе свободно распространяемого «Открытого корпуса» (<http://opencorpora.org/>)⁴, были отобраны искомые слова четырех частей речи: прилагательные, существительные, глаголы и наречия. Первоначальный список насчитывал 140 тыс. слов.

Первый этап исследования состоял из двух шагов. В первом шаге первого этапа отбирались слова, описывающие человека, и отсеивались не описывающие. Во втором шаге первого этапа, в соответствии с «немецкой методологией», слова разносились по пяти категориям: 1) слова, связанные с политическим, философским, литературным, религиозным контекстом или искусством; 2) слова, описывающие национальный статус, географическое происхождение или профессию; 3) слова, определяемые как разговорные или вульгарные; 4) архаичные слова; 5) другие слова, с помощью которых можно описать человека или отличить поведение одного человека от поведения другого человека. Если слово попадало в пятую категорию, оно переходило на следующий этап, если в первые четыре — отсеивалось. Поскольку слово могло быть отнесено только к одной категории и была возможность ошибочно удалить многозначные слова, эксперты дополнительно оценивали отсеянные слова на предмет того, насколько они подходят для описания личности, характера и темперамента человека. Оценка проводилась по пятибалльной шкале от 1 («вообще ничего не говорит о личности/характере/темпераменте человека») до 5 («очень много говорит о личности/характере/темпераменте человека»). Слова, в среднем набравшие более 4 баллов, также переходили на следующий этап.

На втором этапе слова классифицировались по 5 категориям (см. раздел «Психолексический подход к отбору описателей личности») и 13 подкатегориям. На следующий этап переходили слова, попавшие в категорию «Диспозиции» (подкатегории: темперамент и характер; ментальные способности и таланты), даже если они одновременно были отнесены и к другим категориям.

На третьем этапе производилась «итоговая чистка» словаря. Число однокоренных синонимов и антонимов оценивала группа из пяти психологов и одного филолога. Понятность смысла слова и частоту его использования применительно к человеку оценивали 12 «наивных носителей языка» на слово. В результате слова либо удалялись, либо сохранялись. Так был получен «полный» словарь (2384 слова), включающий существительные, прилагательные, глаголы и наречия.

Помимо «полного» словаря был подготовлен «сокращенный» словарь (1253 слова), который был очищен от однокоренных синонимов в разных

⁴ Лингвистический корпус — это собрание особым образом подготовленных (в первую очередь, размеченных) машиночитаемых текстов, обладающих максимальной репрезентативностью и предназначенных для решения определенного круга задач (Захаров, 2019, с. 158).

частях речи (например, «честность» и «честный»). Преимущественно сохранялись прилагательные.

Внесем некоторые дополнительные пояснения. Если слово можно было применить к человеку только в качестве метафоры, то такое слово удалялось. Метафоры часто характеризуют не определенное поведение, мысли и чувства (определяя тем самым черты личности), а неочевидную ассоциацию между иррелевантным объектом (событием и т.п.) и чертой. Как следствие, метафоры дают широкий простор для интерпретации и увеличивают дисперсию ошибки при их использовании для диагностики черты личности.

Вульгарные слова на этапе самооценки могут восприниматься респондентами как оскорбительные, что может серьезно повлиять на определение структуры личности. Разговорные слова часто также имеют оскорбительный или метафорический оттенок. Кроме того, они могут иметь сленговый характер, распространенный в определенной субкультуре, и совершенно иначе восприниматься в других возрастных и культурных группах.

Устаревшие слова могут использоваться в художественной литературе, пословицах и поговорках, однако лексическое значение их утрачивается, забывается. Это также может увеличивать дисперсию ошибки, размывать содержание, которое кроется за понятием. Так как оценку слов проводили «наивные носители языка», а не специалисты-филологи, некоторые слова, отнесенные к «архаичным», таковыми не являются с научной точки зрения, хотя и редко используются в речи. Выбор в пользу «наивных носителей языка» был сделан осознанно, так как задача состояла не в том, чтобы научно обоснованно классифицировать материал, но в том, чтобы отразить отношение к словам в популяции. Если какие-то слова воспринимались «экспертами» как не относящиеся к человеку, вульгарные или устаревшие, то эта оценка принималась как характерная для популяции.

Удаление непонятных и редко используемых в отношении человека слов — важная часть работы над словарями описателей, которые будут впоследствии предъявляться носителям языка. Если какое-то слово окажется малознакомым и непонятым, респондент не сможет применить его к своей личности, а значит, ответ будет во многом случайным и внесет «шум» в результаты статистической обработки. Это одна из причин, почему удалялись узкоспециализированные, сленговые и малоизвестные слова.

Отметим, что в тезаурусе личностных черт А.Г. Шмелева (2002) вместо заявленных 2090 слов содержится 2088.

Сопоставление списков описателей личности осуществлялось с помощью среды языка программирования R.

Результаты

Полный список из 140 189 слов был сопоставлен с тезаурусом А.Г. Шмелева (2088 слов); для 1941 слова были найдены полные аналоги. В таблице 1 приведено количество слов, отсеянных нами по тем или иным причинам, но присутствующих в словнике А.Г. Шмелева.

Таблица 1

**Слова, отсеянные на разных этапах исследования, но присутствующие
в тезаурусе А.Г. Шмелева**

Этапы отсева	Количество отсеянных слов из тезауруса А.Г. Шмелева	Примеры исключенных слов
Этап 1. Первичный отбор	428 (6)	
Шаг 1. Исключение слов, которые не относятся к описанию человека (например, «подушка»)	216 (6)	жила, аспид, свинья, продувной
Шаг 2. Исключение слов...	212	
1) связанных с политическим, философским, литературным, религиозным контекстом или искусством	39	анархист, экстремист, догматичный, поэтический
2) описывающих национальный статус, географическое происхождение или профессию	25	звонарь, комедиант, ученый, шут
3) определяемых как разговорные или вульгарные	159	бездарь, дармоед, трепло, чумовой
4) архаичных	18	крамольник, горемычный, окаянный, срамной
Этап 2. Классификация слов	711 (24)	
1. Временные состояния (эмоции, настроения и когниции; физические состояния; наблюдаемая активность)	155 (16)	вдохновенный, грустный, истощенный, сытый
2. Социальные и репутационные аспекты (социальные роли и взаимоотношения; установки и мировоззрения; социальный статус и др.)	589 (13)	брехун*, волонтерист, неподкупный, привилегированный
3. Наружные характеристики и внешний вид (анатомия и телосложение; внешний вид, образ, манеры)	188 (1)	изящный, низкий, опрятный, экстравагантный
4. Термины ограниченной полезности (термины, зависящие от конкретного контекста, или технические термины; метафорические, расплывчатые, устаревшие слова; термины, обозначающие физические/моторные способности)	399 (19)	волокита, параноик, глубокий, плодовый
Этап 3. Итоговая чистка словаря (удаление однокоренных синонимов и антонимов, непонятных и низкочастотных слов)	181 (4)	

Примечание. При сложении отсеянных слов по категориям сумма будет больше, чем указанная на уровне шагов и этапов, т.к. одно и то же слово могло быть отсеяно по разным основаниям; в скобках указано количество удаленных слов из дополнительного списка в 38 близких однокоренных синонимов или антонимов.

* У читателя может возникнуть вопрос: как слово с явно «разговорным и вульгарным» оттенком могло перейти на следующий этап отбора, если соответствующий фильтр был на предыдущем

В списке из 140 тыс. слов не были найдены полные аналоги для 147 слов из тезауруса А.Г. Шмелева. Однако для 38 из них можно найти близкие однокоренные синонимы или антонимы (например, «героичный» — «героический», «заслуженный» — «незаслуженный», «просторечивый» — «просторечный»). В таблице 1 в скобках приведено количество отсеянных слов из этого дополнительного списка.

«Полный» словарь совпадал с тезаурусом А.Г. Шмелева по 622 словам. Из дополнительного списка 34 слова были отсеяны, 2 подобранных однокоренных слова уже входили в указанные 622 слова, 2 слова были новыми и совпадали с нашим списком («героический», «неприспособленный»). Таким образом, 624 слова были одинаковыми в нашем словаре и тезаурусе А.Г. Шмелева. Сходство составляло 29.9% для тезауруса А.Г. Шмелева и 26.2% для «полного» словаря описателей личности. «Сокращенный» словарь при учете однокоренных синонимов из разных частей речи совпадал с тезаурусом А.Г. Шмелева на 49.8%.

Таким образом, 1353 слова из тезауруса А.Г. Шмелева были отсеяны нами на разных этапах отбора. 109 слов тезауруса не нашли соответствий с нашим полным списком. Многие из них можно было бы заменить синонимами (например, «гомонливый» — «шумливый»), но мы не пошли по этому пути, так как синонимы могут иметь свой смысловой оттенок.

Обсуждение

Тестировалась гипотеза о том, что вследствие разницы в подходах отбора слов различие рассматриваемых словарей-описателей личности будет преобладать над сходством. Было обнаружено, что «полный» словарь и тезаурус А.Г. Шмелева содержат 26.2% одинаковых слов (624 из 2384), а «сокращенный» словарь (при учете однокоренных синонимов из разных частей речи) — 49.8% (624 из 1253).

Ряд слов (109) не вошел в изначальный словарь из 140 тыс. слов, но присутствовал в тезаурусе А.Г. Шмелева, что можно объяснить следующим:

- словарь не включал словосочетания («с развитой интуицией», «с развитым воображением», «с чувством долга»);
- в словаре отсутствовали сложные слова, включающие несколько корней, с большой вариативностью в плане сочетания («абстрактномыслящий», «глубокомыслящий», «конкретномыслящий»);

этапе? Поясним. Как отмечалось выше, поскольку эксперты относили слово только к одной из пяти категорий, была опасность отсеять слова, имеющие «личностный контекст», поэтому была проведена дополнительная оценка отсеянных слов. Эксперты оценивали каждое слово по пятибалльной шкале на предмет «описания личности, характера или темперамента человека»: 1 балл — «вообще ничего не говорит о личности/характере/темпераменте человека», 5 баллов — «очень многое говорит о личности/характере/темпераменте человека». Если средняя оценка экспертов была равна 4 или выше, то слово возвращалось в словарь (примером может служить слово «брехун»).

- мы использовали в словаре только существительные, прилагательные, глаголы и наречия; таким образом, в него не вошли причастия: «думающий», «задавленный», «зарвавшийся», «метушийся»;

- тезаурус А.Г. Шмелева включал в себя узкоспециализированные слова, профессиональный сленг («гипертимный», «гипнабельный»);

- тезаурус включал в себя устаревшие либо разговорные слова («духарной», «измочаленный», «стукач», «якающий»).

Также были слова, не вошедшие в тезаурус А.Г. Шмелева, но присутствующие в нашем словаре:

- как уже было указано ранее, сложные слова, состоящие из нескольких корней, имеют большую вариативность в плане сочетания (например, «быстроработающий», «быстрореагирующий», «быстросхватывающий»);

- наиболее частотной частью речи, отсутствующей в тезаурусе А.Г. Шмелева, но вошедшей в наш словарь, были глаголы (314 слов); далее по степени частотности шли существительные-атрибуты⁵ (223 слова), прилагательные (68), наречия (49) и существительные-типы (25)⁶. Как и в случае с причастиями выше, части речи, не включенные в отбор, являются причиной большинства различий в словарях. Тезаурус А.Г. Шмелева включал преимущественно прилагательные и существительные; глаголы и наречия в нем отсутствовали.

«Полный» и «сокращенный» словари в разной степени совпадали с тезаурусом А.Г. Шмелева. Это связано, с одной стороны, с количеством слов в словарях, а с другой — с удалением однокоренных синонимов в «сокращенном» словаре. Например, для слова «авантюрист» из тезауруса А.Г. Шмелева мы находили сопоставимое прилагательное в «сокращенном» словаре — «авантюристичный», так как оно было получено путем обобщения, удаления однокоренных синонимов в разных частях речи («авантюрист», «авантюристичный», «авантюристность»). В «полном» словаре есть слово «авантюрист», и только ему соответствует слово из тезауруса А.Г. Шмелева, «авантюристичный» же и «авантюристность» в тезаурусе отсутствуют. Таким образом, «сокращенный» словарь за счет своей большей обобщенности точнее передает сходство со словником А.Г. Шмелева, чем «полный».

Составление словарей описателей личности — подготовительный этап исследования национальной структуры личности. Совпадение словарей двух российских таксономий лишь на 30–50% говорит о серьезном влиянии используемой методологии на отбор слов. Однако это не обязательно приведет к разным

⁵ В рамках «немецкой методологии» принято различать существительные-типы (например, «агрессор») и существительные-атрибуты (например, «агрессия») (Angleitner et al., 1990).

⁶ Если сложить не вошедшие в словник Шмелева, но присутствующие в нашем словаре слова и 624 указанных выше, сумма окажется больше 1253. Одно слово «сокращенного» словаря обобщало несколько однокоренных слов, имеющих в «полном» словаре (например, «лживый» обобщало слова: «лживый», «лживость», «лгун», «лжец», «лгать»). В тезаурусе Шмелева присутствовали слова «лживый», «лгун» и «лжец», поэтому «лживый» из нашего словаря считался трижды. Подробнее см. далее по тексту. Всего же 629 слов были в «сокращенном» словаре, но отсутствовали в тезаурусе Шмелева.

результатам при изучении структуры личности. Ключевые характеристики личности могут быть отражены как в тезаурусе А.Г. Шмелева, так и в нашем словаре, что в итоге даст схожую структуру черт.

В то же время нельзя утверждать, что таких различий не будет. На наш взгляд, влияние может оказать не только процедура отбора слов (психолексическая или психосемантическая), но и разница в интернальном и экстернальном подходах к получению структуры черт личности. Респондент, примеряющий слова-понятия к своей личности, может отразить в своих ответах всю сложность структуры личности реального человека. На его ответы будут влиять «социальная желательность», «защитные механизмы» (проекция, интроекция, рационализация и т.д.), уровень рефлексивности, самооценка, эрудированность и многое другое. Учет этих моментов отражен и в методологии отбора, когда отсеиваются вульгарные, непонятные, метафоричные или сленговые слова. Эксперт, оценивающий сходство слов, в меньшей степени лично вовлечен, смотрит на ситуацию со стороны. Может показаться, что эксперт более объективен, однако в его случае субъективизм в оценках также будет присутствовать, но он иной: это прежде всего социальные и личностные установки и стереотипы, когнитивные искажения. Более того, эксперт опирается на свой понятийный опыт использования слов как терминов. Напротив, при экстернальном подходе «наивный» респондент оценивает слова в контексте своего жизненного опыта, прибегая к семантической и эпизодической памяти. Таким образом получаемая факторная структура лучше отражает устройство и состав системы личности.

Итак, поставленная цель была достигнута — определена степень сходства и различия двух тезаурусов слов-описателей черт личности, а тестируемая гипотеза получила эмпирическую поддержку.

Заключение

Развернувшиеся в последние десятилетия психолексические исследования в рамках етіс-подхода показали, что, несмотря на достаточно высокую кросс-культурную устойчивость модели «Большая пятерка», в различных языках обнаруживаются и специфические черты, которые могут многое сообщить об особенностях жизни людей в той или иной культуре, нашедших отражение в языке.

На русском языке было проведено, пожалуй, только одно масштабное таксономическое исследование. В 1980–1990-е гг. на основе значительного психосемантического материала группой А.Г. Шмелева был подготовлен тезаурус личностных черт, изучена структура личности, присущая российской (советской) популяции.

Эти изыскания методологически отличались от психолексических исследований, проводимых за рубежом, поэтому их результаты получили ограниченное использование в кросс-культурных исследованиях. Нашей группой была предпринята попытка составить тезаурус слов-описателей черт личности, следуя принятой за рубежом методологии в ее «немецкой» версии. Этот

словарь (в «полном» и «сокращенном» вариантах) сравнивался с тезаурусом А.Г. Шмелева и его коллег. Обнаруженные различия словарей оказались существенными.

Таким образом, гипотеза о том, что вследствие разницы в подходах к отбору слов различие рассматриваемых тезаурусов слов-описателей черт личности будет преобладать над сходством, нашла эмпирическую поддержку. «Полный» словарь отличается от тезауруса А.Г. Шмелева на 73.8%, а «сокращенный» словарь вследствие своей большей обобщенности — на 50.2%.

Ограничения и перспективы исследования

Оценка слов осуществлялась «наивными носителями языка», а не профессиональными филологами и лингвистами. Поэтому слова могли быть не отнесены в филологически корректные категории, а некоторые слова, описывающие личность, могли быть отброшены на каком-либо из этапов. Мы в полной мере осознаем и осознавали данное ограничение, однако участие «наивных носителей языка» — неременное условие получения адекватного списка описателей личности.

На разных этапах отбора количество экспертов, оценивающих одно слово, варьировало от 2 до 12. Малое количество экспертов-оценщиков на первом этапе могло привести к чрезмерному отсеву слов из-за статистической склонности малых выборок к асимметрии и эксцессу, а большее количество на последних этапах могло приводить к избыточному сохранению слов.

А.Г. Шмелев с коллегами помимо составления тезауруса личностных черт также выделили стабильную 15-факторную структуру личности (Шмелев и др., 1991), соотнесли русскую и английскую версии структуры личности (Голдберг, Шмелев, 1993). Повторение этих исследований с использованием полученного нами списка слов может быть перспективным. С одной стороны, это позволит выделить инварианты в структуре личности, с другой — изучить динамику личностных черт. За 35 лет в российском обществе произошли серьезные социально-экономические и культурные изменения, что могло отразиться на структуре черт личности россиянина.

Литература

- Голдберг, Л. Р., Шмелев, А. Г. (1993). Межкультурное исследование лексики личностных черт: «Большая пятерка» факторов в английском и русском языках. *Психологический журнал*, 14(4), 32–39.
- Захаров, В.П. (ред.). (2019). *Моделирование в корпусной лингвистике: специализированные корпуса русского языка*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Мишкевич, А. М., Щebetенко, С. А., Калугин, А. Ю. (2021). К вопросу об организации психологического исследования русской таксономии черт. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 4, 613–627. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-613-627>

- Ожегов, С. И. (1980). *Словарь русского языка*. М.: Советская энциклопедия.
- Платонов, К. К., Голубев, Г. В. (1977). *Психология*. М.: Высшая школа.
- Хмелько, В. Е. (1981). Номинальная шкала личностных качеств. *Социологические исследования*, 2, 124–134.
- Шмелев, А. Г. (2002). *Психодиагностика личностных черт*. СПб.: Речь.
- Шмелев, А. Г., Похилько, В. И. (1985). Экспериментальный подход к построению базисного семантического словаря черт личности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 3–10.
- Шмелев, А. Г., Похилько, В. И., Козловская-Тельнова, А. Ю. (1991). Репрезентативность личностных черт в сознании носителя русского языка. *Психологический журнал*, 12(2), 27–41.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Allport, G. W., & Odbert, H. S. (1936). Trait-names: A psycho-lexical study. *Psychological Monographs*, 47(1), i–171. <https://doi.org/10.1037/h0093360>
- Angleitner, A., Ostendorf, F., & John, O. P. (1990). Towards a taxonomy of personality descriptors in German: A psycho-lexical study. *European Journal of Personality*, 4(2), 89–118. <https://doi.org/10.1002/per.2410040204>
- Brokken, F. B. (1978). *The language of personality* [Unpublished doctoral dissertation]. University of Groningen, Groningen, the Netherlands.
- Cheung, F. M., van de Vijver, F. J. R., & Leong, F. T. L. (2011). Toward a new approach to the study of personality in culture. *American Psychologist*, 66(7), 593–603. <https://doi.org/10.1037/a0022389>
- Connelly, B. S., Ones, D. S., & Chernyshenko, O. S. (2014). Introducing the special section on openness to experience: Review of openness taxonomies, measurement, and nomological net. *Journal of Personality Assessment*, 96(1), 1–16. <https://doi.org/10.1080/00223891.2013.830620>
- De Raad, B., & Barelds, D. P. H. (2020). Models of personality structure. In P. J. Corr & G. Matthews (Eds.), *The Cambridge handbook of personality psychology* (pp. 115–128). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108264822.012>
- De Raad, B., Barelds, D. P. H., Timmerman, M. E., De Roover, K., Mlačić, B., & Church, A. T. (2014). Towards a pan-cultural personality structure: Input from 11 psycho-lexical studies. *European Journal of Personality*, 28(5), 497–510. <https://doi.org/10.1002/per.1953>
- De Raad, B., Di Blas, L., & Perugini, M. (1998). Two independently constructed Italian trait taxonomies: Comparisons among Italian and between Italian and Germanic languages. *European Journal of Personality*, 12(1), 19–41. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0984\(199801/02\)12:1<19::AID-PER290>3.0.CO;2-6](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0984(199801/02)12:1<19::AID-PER290>3.0.CO;2-6)
- De Raad, B., & Mlačić, B. (2017). The lexical foundation of the Big Five factor model. In T. A. Widiger (Ed.), *The Oxford handbook of the five factor model* (pp. 191–216). New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199352487.013.12>
- De Raad, B., Nagy, J., Szirmák, Z., & Barelds, D. P. (2018a). Taxonomy of Hungarian personality traits: Replication and refinement. *International Journal of Personality Psychology*, 4(1), 1–12.
- De Raad, B., Smederevac, S., Čolović, P., & Mitrović, D. (2018b). Personality traits in the Serbian language: Structure and procedural effects. *Journal of Research in Personality*, 73, 93–110. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2017.11.008>

- Di Blas, L., & Forzi, M. (1998). An alternative taxonomic study of personality-descriptive adjectives in the Italian language. *European Journal of Personality*, 12(2), 75–101. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199803/04\)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199803/04)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h)
- Goldberg, L. R. (1981). Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. *Review of Personality and Social Psychology*, 2(1), 141–165.
- Goldberg, L. R. (1990). An alternative “description of personality”: the Big-Five factor structure. *Journal of Personality*, 59(6), 1216–1229. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.6.1216>
- Goldberg, L. R., & Shmelev, A. G. (1993). Mezhekul'turnoe issledovanie leksiki lichnostnykh chert: “Bol'shaya pyaterka” faktorov v angliiskom i russkom yazykakh [Cross-cultural study of the vocabulary of personality traits: the “Big Five” factors in English and Russian]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 14(4), 32–39.
- Hofstee, W. K., De Raad, B., & Goldberg, L. R. (1992). Integration of the Big Five and circumplex approaches to trait structure. *Journal of Personality and Social Psychology*, 63(1), 146–163. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.63.1.146>
- Hřebíčková, M. (2007). The lexical approach to personality description in the Czech context. *Ceskoslovenská Psychologie*, 51, 50–61.
- Jiang, K. (2021). Literature review of measurements of personality traits across cultures. *Journal of Psychological Research*, 3(4), 42–47. <https://doi.org/10.30564/jpr.v3i4.3838>
- Khmel'ko, V. E. (1981). Nominal'naya shkala lichnostnykh kachestv [Nominal scale of personality traits]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Research]*, 2, 124–134.
- Laajaj, R., Macours, K., Hernandez, D. A. P., Arias, O., Gosling, S. D., Potter, J., Rubio-Codina, M., & Vakis, R. (2019). Challenges to capture the big five personality traits in non-WEIRD populations. *Science Advances*, 5(7). <https://doi.org/10.1126/sciadv.aaw5226>
- McCrae, R. R., Terracciano, A., & 78 Members of the Personality Profiles of Cultures Project. (2005). Universal features of personality traits from the observer's perspective: Data from 50 cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 88(3), 547–561. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.3.547>
- Mishkevich, A. M., Shchebetenko, S. A., & Kalugin, A. Yu. (2021). On the organization of a psycho-lexical study of the Russian personality trait taxonomy. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia [Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”]*, 4, 613–627. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-613-627> (in Russian)
- Norman, W. T. (1967). *2800 personality trait descriptors: normative operating characteristics for a university population*. Ann Arbor, MI: University of Michigan.
- Ozhegov, S. I. (1980). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
- Platonov, K. K., & Golubev, G. V. (1977). *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Putilov, A. A. (2018). A 3-D look at the Russian personality traits structure. *Current Psychology*, 37(3), 528–542. <https://doi.org/10.1007/s12144-016-9535-y>
- Saucier, G. (2009). Recurrent personality dimensions in inclusive lexical studies: Indications for a Big Six structure. *Journal of Personality*, 77(5), 1577–1614. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00593.x>
- Saucier, G. (2018). Culture, morality and individual differences: comparability and incomparability across species. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 373(1744), Article 20170170. <https://doi.org/10.1098/rstb.2017.0170>

- Saucier, G., & Goldberg, L. R. (2001). Lexical studies of indigenous personality factors: Premises, products, and prospects. *Journal of Personality, 69*(6), 847–879. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.696167>
- Schmitt, D. P., Allik, J., McCrae, R. R., & Benet-Martínez, V. (2007). The geographic distribution of Big Five personality traits: Patterns and profiles of human self-description across 56 nations. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 38*(2), 173–212. <https://doi.org/10.1177/0022022106297299>
- Shala, R. A., De Raad, B., & Arënlju, A. (2020). The structure of Albanian personality descriptive trait-adjectives: A psycho-lexically based taxonomy. *International Journal of Personality Psychology, 6*, 1–11. <https://doi.org/10.21827/ijpp.6.37224>
- Shmelev, A. G. (2002). *Psikhodiagnostika lichnostnykh chert* [Psychodiagnostics of personality traits]. Saint Petersburg: Rech'.
- Shmelev, A. G., & Pokhil'ko, V. I. (1985). Eksperimental'nyi podkhod k postroeniyu bazisnogo semanticheskogo slovarya chert lichnosti [An experimental approach to building a basic semantic dictionary of personality traits]. *Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology, 3*, 3–10.
- Shmelev, A. G., Pokhil'ko, V. I., & Kozlovskaya-Tel'nova, A. Yu. (1991). Rerezentativnost' lichnostnykh chert v soznanii nositelya russkogo yazyka [Representativeness of personality traits in the mind of a Russian language speaker]. *Psikhologicheskii Zhurnal, 12*(2), 27–41.
- Shmelyov, A. G., & Pokhil'ko, V. I. (1993). A taxonomy oriented study of Russian personality trait names. *European Journal of Personality, 7*(1), 1–17. <https://doi.org/10.1002/per.2410070102>
- Thalmayer, A. G., Saucier, G., Ole-Kotikash, L., & Payne, D. (2020). Personality structure in east and west Africa: Lexical studies of personality in Maa and Supyire-Senufo. *Journal of Personality and Social Psychology, 119*(5), 1132–1152. <https://doi.org/10.1037/pspp0000264>
- Wood, J. K., Gurven, M., & Goldberg, L. R. (2020). Ubiquitous personality-trait concepts in 13 diverse and isolated languages: A cluster-classification approach. *European Journal of Personality, 34*(2), 164–179. <https://doi.org/10.1002/per.2246>
- Zakharov, V. P. (Ed.). (2019). *Modelirovaniye v korpusnoy lingvistike: spetsializirovannyye korpusy russkogo yazyka* [Modeling in corpus linguistics: specialized corpora of the Russian language]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

ВКЛАД СЕМЕЙНЫХ ФАКТОРОВ В ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ДО И ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Е.А. КОЗЛОВА^{a,b}, Е.Н. ПЕТРЕНКО^{a,c}, А.В. ВАРШАЛ^{a,b}, И.В. ЛЕТО^a,
М.Е. ГРИШКЕВИЧ^a, Е.В. РЕЗУН^a, О.С. КОРНИЕНКО^{a,b},
Е.Р. СЛОБОДСКАЯ^a

^a ФГБНУ НИИ нейронаук и медицины, 630117, Россия, Новосибирск, ул. Тимакова, д. 4

^b Новосибирский государственный университет, 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1

^c ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», 630126, Россия, Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28

The Contribution of Family Factors to the Mental Health of Primary Schoolchildren before and during the COVID-19 Pandemic

E.A. Kozlova^{a,b}, E.N. Petrenko^{a,c}, A.V. Varshal^{a,b}, I.V. Leto^a, M.E. Grishkevich^a,
E.V. Rezun^a, O.S. Kornienko^{a,b}, H.R. Slobodskaya^a

^a Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine, 4 Timakova Str., Novosibirsk, 630117, Russian Federation

^b Novosibirsk State University, 1 Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

^c Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation

Резюме

Целью эмпирического исследования являлось изучение вклада дистальных и проксимальных семейных факторов в психическое здоровье российских детей до и во время пандемии COVID-19. В исследовании приняли участие родители и основные воспитатели (опекуны, бабушки/дедушки) 1985 детей от 6 до 12 лет. Выборка 2011–2019 гг. включала 1403 ребенка (53% девочек; средний возраст $M = 8.6$; $SD = 1.2$); выборка 2020–2021 гг. включала 582 ребенка (50% девочек; средний возраст $M = 8.8$; $SD = 1.4$). В исследовании использовали получившие международное признание и валидизированные в России стандартизированные родительские опросники с

Abstract

The objective of this study was to examine the contribution of distal and proximal family factors to mental health of Russian children before and during the COVID-19 pandemic. Participants were primary caregivers of 1,985 children aged 6 to 12 years. The 2011-2019 sample consisted of 1403 children (53% girls; mean age 8.6; $SD = 1.2$); 2020-2021 sample consisted of 582 children (50% girls; mean age 8.8; $SD = 1.4$). The study used internationally recognized measures with established validity and reliability.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 21-15-00033.

The study was supported by the Russian Science Foundation grant # 21-15-00033.

установленной обоснованностью и надежностью. Психическое здоровье детей изучали с помощью опросника «Сильные стороны и трудности» (SDQ), семейные факторы — с помощью социально-демографической анкеты, краткой шкалы сплоченности семьи и краткой формы Алабамского опросника родительского воспитания (APQ-BF). Результаты исследования показали, что во время пандемии родители детей младшего школьного возраста ниже оценивали сплоченность семьи, реже применяли позитивные воспитательные практики и были менее последовательны при дисциплинировании детей. Высокий уровень вовлеченности родителей способствовал сохранению уровня просоциального поведения детей во время пандемии COVID-19, а при среднем и низком уровнях вовлеченности родителей выраженность просоциального поведения у детей во время пандемии снижалась. Рост экстернатальных и интернатальных проблем психического здоровья у детей во время пандемии наблюдался только в семьях с низким уровнем сплоченности. Низкий уровень образования родителей способствовал ослаблению негативного влияния проблем психического здоровья детей на их каждодневную жизнь, а высокий уровень образования родителей, напротив, создавал риск повышенного влияния данных проблем. Полученные результаты могут быть использованы с целью разработки обоснованных программ профилактики и коррекции проблем психического здоровья детей младшего школьного возраста и их семей.

Ключевые слова: психическое здоровье, дети, семейные факторы, методы родительского воспитания, сплоченность семьи, пандемия COVID-19.

Козлова Елена Александровна — старший научный сотрудник, ФГБНУ НИИ нейронаук и медицины; старший преподаватель, Новосибирский государственный университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психическое здоровье, благополучие, темперамент, личность, произвольная регуляция, семейные факторы.

Контакты: kozlovaea@neuronm.ru

Петренко Евгения Николаевна — старший научный сотрудник, ФГБНУ НИИ нейронаук и медицины; доцент, ФГБОУ ВО «Новосибирск-

Children's mental health was measured by the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ); family factors were measured by the socio-demographic questionnaire, short Family Cohesion Scale, and the Alabama Parenting Questionnaire – Brief Form (APQ-BF). The results showed that during the COVID-19 pandemic, parents of primary schoolchildren rated family cohesion lower than before the pandemic; they were also less likely to apply positive parenting practices, and more likely to use inconsistent discipline. High level of parental involvement maintained an existing level of children's prosocial behavior during the COVID-19 pandemic, whereas with the average and low levels of parental involvement the expression of children's prosocial behavior during the pandemic decreased. An increase in children's internalizing and externalizing problems during the pandemic was observed only in families low in cohesion. Low level of parental education weakened the negative impact of child mental health problems on their everyday life, whereas high level of parental education was a risk factor of greater impact. These results can be used to develop evidence-based programs for prevention and intervention of mental health problems in primary school children and their families.

Keywords: mental health, children, family factors, parenting practices, family cohesion, COVID-19 pandemic.

Elena A. Kozlova — Senior Research Fellow, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine; Senior Lecturer, Novosibirsk State University, PhD in Psychology.

Research Area: mental health, well-being, temperament, personality, effortful control, family factors.

E-mail: kozlovaea@neuronm.ru

Evgenia N. Petrenko — Senior Research Fellow, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine; Associate

кий государственный педагогический университет», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психическое здоровье, благополучие, произвольная регуляция, методы воспитания.

Контакты: petrenkoen@neuronm.ru

Варшал Александра Владимировна — младший научный сотрудник, ФГБНУ НИИ нейронаук и медицины; старший преподаватель, Новосибирский государственный университет. Сфера научных интересов: личность, методы воспитания, психическое здоровье.

Контакты: varshalav@neuronm.ru

Лето Ирина Викторовна — научный сотрудник, ФГБНУ НИИ нейронаук и медицины.

Сфера научных интересов: субъективное благополучие, личность.

Контакты: letoiv@neuronm.ru

Гришкевич Марина Евгеньевна — младший научный сотрудник, ФГБНУ НИИ нейронаук и медицины.

Сфера научных интересов: личность, психическое здоровье, семейные факторы.

Контакты: grishkevichme@neuronm.ru

Резун Екатерина Валентиновна — младший научный сотрудник, ФГБНУ НИИ нейронаук и медицины.

Сфера научных интересов: психическое здоровье, личность.

Контакты: rezunev@neuronm.ru

Корниенко Ольга Сергеевна — старший научный сотрудник, ФГБНУ НИИ нейронаук и медицины; доцент, Новосибирский государственный университет, кандидат биологических наук.

Сфера научных интересов: психическое здоровье, личность, темперамент, развитие.

Контакты: kornienkoos@neuronm.ru

Слободская Елена Романовна — главный научный сотрудник, ФГБНУ НИИ нейронаук и медицины, доктор психологических наук.

Сфера научных интересов: психическое здоровье, благополучие, темперамент, личность, произвольная регуляция, семейные факторы.

Контакты: slobodskayaer@neuronm.ru

Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, PhD in Psychology.

Research Area: mental health, effortful control, parenting.

E-mail: petrenkoen@neuronm.ru

Aleksandra V. Varshal — Junior Research Fellow, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine; Senior Lecturer, Novosibirsk State University.

Research Area: personality, parenting, mental health.

E-mail: varshalav@neuronm.ru

Irina V. Leto — Research Fellow, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine.

Research Area: subjective well-being, personality.

E-mail: letoiv@neuronm.ru

Marina E. Grishkevich — Junior Research Fellow, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine.

Research Area: personality, mental health, family factors.

E-mail: grishkevichme@neuronm.ru

Ekaterina V. Rezun — Junior Research Fellow, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine.

Research Area: mental health, personality.

E-mail: rezunev@neuronm.ru

Olga S. Kornienko — Senior Research Fellow, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine; Associate Professor, Novosibirsk State University, PhD in Biology.

Research Area: mental health, personality, temperament, development.

E-mail: kornienkoos@neuronm.ru

Helena R. Slobodskaya — Chief Research Fellow, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine, DSc in Psychology.

Research Area: children, adolescents, mental health, well-being, temperament, personality, family environment.

E-mail: slobodskayaer@neuronm.ru

В настоящее время накапливаются исследования последствий пандемии COVID-19 не только для соматического, но и для психического здоровья. Психическое здоровье — это состояние психического благополучия, при котором человек может реализовать свой потенциал и справляться со стрессовыми ситуациями (Всемирная организация здравоохранения, 2022). Пандемия привнесла в жизнь людей беспокойство за собственное здоровье и здоровье близких, непредсказуемость и неопределенность из-за утраты привычного уклада, ограничения социальных контактов и способов проведения досуга, перехода на дистанционную форму работы и учебы, потери работы и т.д.

Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что сопровождающие пандемию COVID-19 стрессоры оказали существенное негативное влияние на психическое здоровье взрослых и детей (Bai et al., 2022; Feinberg et al., 2022; He et al., 2021; Villaume et al., 2021; Vizard et al., 2020; Westrupp et al., 2023). В лонгитюдном исследовании влияния пандемии COVID-19 на благополучие семей с детьми (Feinberg et al., 2022) установлено, что, по сравнению с допандемийными показателями, родители в 2.4 раза чаще отмечали у себя симптомы депрессии, а у детей в 2.5 раза чаще обнаруживались проблемы экстернального спектра (проблемы с поведением и гиперактивность/невнимательность) и в 4 раза чаще — интернального спектра (эмоциональные симптомы и проблемы со сверстниками). В исследовании психического здоровья в наиболее пострадавших от пандемии COVID-19 районах Китая (Bai et al., 2022) была выявлена взаимосвязь между уровнями проблем у родителей и их детей; установлено, что качественные детско-родительские и супружеские взаимоотношения являются фактором защиты психического здоровья всех членов семьи.

Являясь основной средой развития ребенка, семья обрела особую значимость в уникальном контексте пандемии COVID-19. Результаты многих исследований свидетельствуют о вкладе в психическое здоровье детей факторов семейной среды, таких как состав семьи, ее социально-экономическое положение, атмосфера, стили и методы воспитания. Однако в стрессовых условиях влияние этих факторов может изменяться. Например, имеются данные о том, что вынужденное длительное и тесное взаимодействие членов семьи во время режима самоизоляции, часто совмещаемое с дистанционной формой работы и учебы, выступило дополнительным стрессом, истощив родительские ресурсы и обострив внутрисемейные отношения (Aguiar et al., 2021; He et al., 2021; Marchetti et al., 2020; Vizard et al., 2020; Westrupp et al., 2023).

Выраженность проблем интернального и экстернального спектра у детей может быть отчасти обусловлена семейными проблемами, имевшимися до пандемии COVID-19, и нарушениями функционирования семьи, возникшими в результате пандемии. Так, в лонгитюдном исследовании психического здоровья детей (Fosco et al., 2022) показано, что ключевыми факторами интернализации и экстернализации у детей в период пандемии являются нарушения функционирования семьи (уменьшение сплоченности, возрастание семейных конфликтов) и применение менее эффективных методов воспитания (жесткое или слишком слабое дисциплинирование). Важно отметить, что

в данном исследовании обнаружена связь применения к детям жестких методов воспитания до пандемии с интернальными проблемами у них во время COVID-19.

В репрезентативном национальном исследовании родителей из США (Penner et al., 2022) выявлены неспецифические связи интернализации и экстернализации у детей с такими семейными факторами, как непоследовательное дисциплинирование, враждебность, нарушение привычного уклада жизни и снижение поддержки со стороны родителей. Специфическим эффектом в отношении интернализации обладал недостаточный присмотр за детьми, а в отношении экстернализации — низкий уровень самоэффективности родителей. Важно отметить, что данные связи не зависели от уровня стрессоров, действующих в период COVID-19 (карантин, снижение дохода, смерть близкого из-за коронавирусной инфекции), от психического здоровья родителей и от социально-экономических характеристик семьи (пол и возраст детей и родителей, достаток семьи). Согласно другому американскому исследованию, позитивное воспитание способно защищать детей от последствий пандемии, в то время как непоследовательное дисциплинирование способствует возникновению страхов; наиболее подверженными последствиям пандемии были семьи с низким достатком и с детьми младшего школьного возраста (Gregus et al., 2022).

По данным широкомасштабного исследования детей 3–12 лет из 28 провинций материкового Китая, наиболее уязвимыми в отношении интернальных и экстернальных проблем во время пандемии COVID-19 были дети из социально и экономически неблагополучных семей (с низким уровнем достатка и образования (Li et al., 2021)). Сходным образом в австралийском исследовании (Westrupp et al., 2023) в семьях, где достаток был относительно низким, а родители — моложе, во время пандемии выявлено больше нарушений значимых для психического здоровья детей показателей функционирования семьи: выраженности признаков депрессии, тревоги, раздражительности и стресса у родителей, а также недостатка теплого общения между членами семьи.

В контексте пандемии особую важность обретает изучение факторов, способных изменять воздействие стрессовых обстоятельств на психическое здоровье. В детском возрасте это прежде всего факторы семейной среды. Исходя из вышеизложенного, цель настоящего исследования заключается в изучении вклада дистальных и проксимальных семейных факторов в психическое здоровье российских детей до и во время пандемии COVID-19.

Методика исследования

Участников исследования привлекали через образовательные учреждения, социальные сети и персонально. Родителям ребенка и другим лицам, близко его знающим, предъявляли для заполнения комплект опросников: в допандемийный период (2011–2019 гг.) в печатной форме, в период пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.) — в электронной форме (заполнение опросников велось онлайн). Исследование одобрено Этическим комитетом НИИИМ.

Выборка 2011–2019 гг. включала 1403 ребенка (53% девочек) в возрасте 6–12 лет ($M = 8.6$; $SD = 1.2$). В Новосибирске проживали 84% участников, в сельской местности — 3%. Большая часть данных была получена от матерей (87%), отцы заполнили 9.5% опросников, другие — 3.5%.

Выборка 2020–2021 гг. охватила 582 ребенка (50% девочек) в возрасте 6–11 лет ($M = 8.8$; $SD = 1.4$). Большая часть участников (60%) проживали в Новосибирске, 12% — в сельской местности. Матери заполнили 91% опросников, отцы — 6%, другие — 3%. Сбор данных происходил с ноября 2020 по июль 2021 г. В апреле — июне 2020 г. в школах Новосибирской области и других регионов России было введено дистанционное обучение, в 2020/21 учебном году обучение проходило преимущественно в очном режиме с определенными ограничениями.

Инструментальную основу настоящего исследования составили стандартизованные родительские опросники, прошедшие валидизацию в России. Для изучения психического здоровья детей был использован опросник «Сильные стороны и трудности» (SDQ) (Goodman, 2001; Goodman et al., 2005). По 25 утверждениям, описывающим трудности и положительные качества ребенка за последние шесть месяцев, оценивают пять шкал (эмоциональные симптомы, проблемы с поведением, гиперактивность/невнимательность, проблемы со сверстниками и просоциальное поведение) и образуемые ими итоговые шкалы. Общее число проблем отражено в сумме оценок по первым четырем вышеназванным шкалам. Итоговая шкала интернализации образована суммой оценок по шкалам эмоциональных симптомов и проблем со сверстниками, а шкала экстернализации — суммой оценок по шкалам проблем с поведением и гиперактивности/невнимательности. Кроме того, опросник содержит дополнительную оценку влияния проблем психического здоровья на жизнь ребенка, заключающегося в субъективном страдании, нарушении его функционирования в важнейших сферах жизни (трудности в повседневной домашней жизни, в дружеских отношениях, учебе в школе и занятиях в свободное время) и бремени для родителей.

Социально-демографические характеристики семьи включали сведения о ребенке (пол и возраст в годах) и о семье: состав (наличие матери/мачехи, отца/отчима), уровень образования (1 = среднее, 2 = среднее специальное, 3 = высшее, 4 = ученая степень) и профессиональный статус родителей (0 = неработающие/студенты/домохозяйки, 1 = неквалифицированный/ручной труд, 2 = технические специальности, 3 = профессионалы/управленцы). Субъективную оценку покупательской способности использовали для изучения достатка семьи: от 1 = «Покупка продуктов, одежды и обуви вызывает затруднения» до 5 = «Можем позволить себе практически все, включая покупку квартиры».

Сплоченность семьи оценивали по шкале, состоящей из одного вопроса о взаимоотношениях между ребенком и родителями и четырех утверждений о сходстве их взглядов, поддержке, конфликтах и доверии (FAD-GFS) (Miller et al., 1985; $\alpha = 0.70$). Методы родительского воспитания были изучены с помощью краткой формы Алабамского опросника родительского воспитания

(APQ-BF) (Scott et al., 2011; Логинова и др., 2016), состоящей из 15 утверждений, которые образуют пять шкал: позитивное воспитание, непоследовательное дисциплинирование, недостаточный присмотр, телесные наказания и вовлеченность в жизнь ребенка.

Сравнение социально-демографических характеристик выборок, исследованных до и во время пандемии, проводили с помощью Т-критерия для независимых выборок (для непрерывных показателей) и критерия χ^2 в таблицах сопряженности (для дискретных показателей). Учитывая множество сравнений, уровень статистической значимости корректировали с помощью поправки Бонферрони: $p < 0.05/14 = 0.0036$.

Вклад факторов семейной среды в психическое здоровье детей до и во время пандемии изучали с помощью множественной иерархической регрессии. В качестве результирующих выступили шкалы SDQ, включающие просоциальное поведение, эмоциональные симптомы, гиперактивность/невнимательность, проблемы с поведением, проблемы со сверстниками, экстернализацию и интернализацию, общее число проблем и их влияние на жизнь ребенка. Последовательность ввода независимых переменных была следующей: 1) пол (0 = мальчики, 1 = девочки) и возраст ребенка (в годах), 2) выборка (0 = до пандемии, 1 = во время пандемии COVID-19), 3) семейные факторы (состав семьи, уровень образования и профессиональный статус родителей, достаток семьи, ее сплоченность и методы родительского воспитания). Состав семьи представляли в виде трех фиктивных (dummy) переменных: с одним родителем, с отчимом/мачехой и без родителей; полные семьи с двумя родителями были референтной категорией. В семьях с двумя родителями или замещающими их лицами использовали наивысший уровень образования и профессионального статуса. В последнем блоке вводили бинарные взаимодействия семейных факторов с выборкой. Для анализа взаимодействий непрерывные переменные были стандартизованы посредством перевода в Z-оценки. Коррекция уровня статистической значимости произведена с помощью поправки Бонферрони ($p < 0.05/9 = 0.0056$). Полученные во множественной иерархической регрессии достоверные взаимодействия тестировали в бинарных моделях с помощью ANOVA и программы Interaction (Soper, 2013); уровень статистической значимости корректировали с помощью поправки Бонферрони: $p < 0.05/8 = 0.0062$.

Результаты исследования

В таблице 1 представлены характеристики выборок, исследованных до и во время пандемии COVID-19, и результаты их статистических сравнений. Средний возраст детей в выборке 2020–2021 гг. был несколько больше, чем в выборке 2011–2019 гг., соотношение полов достоверно не различалось.

Выборки, исследованные до и во время пандемии, существенно не различались по составу семьи, достатку, уровню образования и профессиональному статусу матери. Не было значимых различий в уровне воспитательных практик вовлеченности, присмотра и телесных наказаний. В выборке, исследованной во

Таблица 1

Характеристики выборок, исследованных до и во время пандемии COVID-19

	2011–2019 n = 1403	2020–2021 n = 582	Статистические отличия	
Возраст, M (SD)	8.63 (1.21)	8.78 (1.36)	F(1,1984) = 5.775, p = 0.016	
Пол, n (%)			$\chi^2(1) = 1.43, p = 0.231$	
<i>Женский</i>	743 (53.1)	265 (50.1)		
<i>Мужской</i>	655 (46.9)	264 (49.9)		
Состав семьи, n (%)			$\chi^2(3) = 8.90, p = 0.031$	
<i>С двумя родителями</i>	979 (70.2)	354 (72.4)		
<i>С одним родителем</i>	280 (20.1)	104 (21.3)		
<i>С отчимом/мачехой</i>	121 (8.7)	23 (4.7)		
<i>Без родителей (опекуны)</i>	15 (1.1)	8 (1.6)		
	M (SD)	M (SD)	t-критерий	p
Образование матери	2.62 (0.66)	2.64 (0.72)	0.38	0.71
Образование отца	2.55 (0.73)	2.35 (0.83)	4.70	0.000
Профессиональный статус матери	2.71 (1.63)	2.56 (1.59)	1.72	0.09
Профессиональный статус отца	3.35 (1.39)	2.98 (1.37)	4.77	0.000
Достаток семьи	2.64 (0.94)	2.71 (1.13)	-1.20	0.23
Сплоченность семьи	3.42 (0.45)	3.24 (0.48)	7.67	0.000
Методы воспитания				
<i>Позитивное воспитание</i>	13.85 (1.54)	13.55 (1.85)	3.34	0.001
<i>Непоследовательное дисциплинирование</i>	8.79 (2.51)	9.28 (2.41)	-3.62	0.000
<i>Недостаточный присмотр</i>	4.68 (2.04)	4.95 (2.18)	-2.32	0.02
<i>Телесные наказания</i>	4.51 (1.82)	4.35 (1.82)	1.61	0.11
<i>Вовлеченность</i>	12.26 (1.56)	12.21 (1.77)	0.50	0.61

Примечание. Уровень значимости скорректирован с помощью поправки Бонферрони: $p < 0.05/14 = 0.0036$.

время пандемии, уровень образования отца и его профессиональный статус были ниже, сплоченность семьи — меньше, позитивные воспитательные практики применяли реже, а дисциплинирование было менее последовательным, чем в предшествующий период.

В таблице 2 представлены достоверные результаты множественной иерархической регрессии. Пол оказался значимым для всех показателей психического здоровья детей младшего школьного возраста, кроме эмоциональных симптомов: уровень просоциального поведения у девочек был выше в сравнении с мальчиками, а уровень проблем — ниже. Эффект пандемии COVID-19 проявлялся в снижении просоциального поведения и большей выраженности

Таблица 2

Вклад семейных факторов и их взаимодействий с показателем COVID-19 в психическое здоровье младших школьников

Зависимая переменная	Независимая переменная	Блок	R	R ² , %	F	β	p
Просоциальное поведение	Пол	1	0.09	0.8	4.8	0.09	0.003
	COVID-19	2	0.16	2.4	9.3	0.13	0.000
	Сплоченность семьи	3	0.40	15.8	13.9	0.22	0.000
	Вовлеченность					0.16	0.000
	COVID-19×Вовлеченность	4	0.42	17.4	14.7	0.13	0.000
Гиперактивность / невнимательность	Пол	1	0.17	20.7	15.9	0.16	0.000
	Семья с отчимом/мачехой	3	0.43	18.6	17.0	0.17	0.000
	Семья без родителей					0.08	0.004
	Сплоченность семьи					0.14	0.000
	Недостаточный присмотр					0.09	0.002
	Телесные наказания					0.19	0.000
Эмоциональные симптомы	Достаток семьи	3	0.31	90.8	8.1	0.10	0.000
	Сплоченность семьи					0.15	0.000
	Телесные наказания					0.11	0.000
Проблемы с поведением	Пол	1	0.11	1.2	7.0	0.09	0.003
	COVID-19	2	0.16	2.5	9.6	0.11	0.000
	Семья с отчимом/мачехой	3	0.50	24.8	24.5	0.10	0.000
	Сплоченность семьи					0.23	0.000
	Недостаточный присмотр					0.09	0.002
	Телесные наказания					0.26	0.000
	COVID-19×Сплоченность	4	0.51	25.9	24.3	0.11	0.000
Проблемы со сверстниками	Пол	1	0.15	2.4	13.7	0.14	0.000
	Сплоченность семьи	3	0.31	9.5	7.8	0.15	0.000
	Вовлеченность					0.10	0.002
	COVID-19×Сплоченность	4	0.32	10.1	7.8	0.08	0.005

Таблица 2 (окончание)

Зависимая переменная	Независимая переменная	Блок	R	R ² , %	F	β	p
Экстернализация	Пол	1	0.14	2.1	12.1	0.14	0.000
	COVID-19	2	0.17	2.8	10.7	0.08	0.005
	Семья с отчимом/мачехой	3	0.50	25.5	25.3	0.16	0.000
	Семья без родителей					0.08	0.002
	Сплоченность семьи					0.20	0.000
	Недостаточный присмотр					0.10	0.000
	Телесные наказания					0.25	0.000
	COVID-19×Сплоченность	4	0.51	26.3	24.8	0.09	0.000
Интернализация	Пол	1	0.13	1.6	9.1	0.11	0.000
	Сплоченность семьи	3	0.35	12.2	10.3	0.18	0.000
	Телесные наказания					0.09	0.002
	Вовлеченность					0.11	0.001
	COVID-19×Сплоченность	4	0.36	12.8	10.2	0.08	0.004
Общее число проблем	Пол	1	0.16	2.4	14.1	0.15	0.000
	Семья с отчимом/мачехой	3	0.50	24.9	24.6	0.10	0.000
	Сплоченность семьи					0.22	0.000
	Недостаточный присмотр					0.08	0.004
	Телесные наказания					0.21	0.000
	Вовлеченность					0.11	0.000
	COVID-19×Сплоченность	4	0.51	26.0	24.4	0.11	0.000
Влияние проблем на жизнь	Пол	1	0.14	2.0	11.6	0.14	0.000
	Сплоченность семьи	3	0.41	16.7	14.8	0.24	0.000
	Телесные наказания					0.17	0.000
	COVID-19×Сплоченность	4	0.43	17.5	14.7	0.09	0.000
	COVID-19×Образован. род.	5	0.43	18.1	14.4	0.08	0.005

Примечание. R², % – процент объясненной вариации; β – стандартизованный регрессионный коэффициент, первоначальные значения; уровень значимости скорректирован с помощью поправки Бонферрони: $p < 0.05/9 = 0.0056$.

проблем с поведением и экстернализации; данные эффекты сохранили свою значимость и при включении в модель семейных факторов.

Наличие в семье отчима или мачехи увеличивало риск проявления у ребенка гиперактивности/невнимательности, проблем с поведением, экстернализации и общего числа проблем; отсутствие в жизни ребенка обоих родителей было связано с гиперактивностью/невнимательностью и экстернализацией. Достаток семьи выступил фактором, противодействующим эмоциональным симптомам. Сплоченность семьи способствовала просоциальному

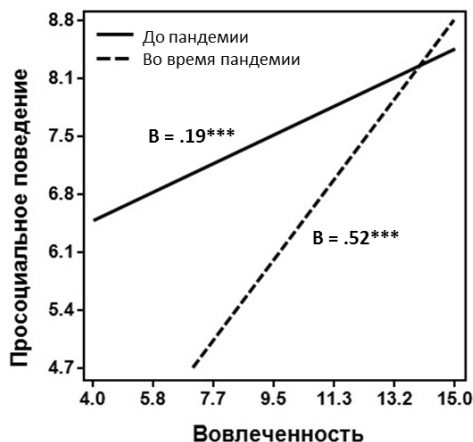
поведению детей и была фактором защиты от всех проблем психического здоровья, оцененных с помощью SDQ. Среди методов воспитания недостаточный присмотр был связан с гиперактивностью/невнимательностью, проблемами поведения, экстернализацией и общим числом проблем. Телесные наказания создавали риск всех проблем психического здоровья, кроме проблем со сверстниками. Вовлеченность родителей в жизнь детей способствовала просоциальному поведению последних и выступала фактором защиты в отношении возникновения у них проблем со сверстниками, интернализации и проблем психического здоровья в целом.

Взаимодействия семейных факторов с эффектом пандемии COVID-19

Все взаимодействия, установленные во множественной иерархической регрессии (см. таблицу 2), нашли подтверждение в бинарных моделях. Вовлеченность родителей в жизнь детей (младших школьников) была больше связана с просоциальным поведением во время пандемии, чем в предшествующий период: $F(3, 1751) = 50.609, p = 0.000$ (см. рисунок 1а). Это взаимодействие также свидетельствует о том, что в семьях с высоким уровнем вовлеченности родителей в жизнь детей не обнаружено различий в выраженности просоциального поведения последних до и во время пандемии, а в семьях с более низким уровнем этой вовлеченности у детей во время пандемии было значительно меньше выражено просоциальное поведение, чем в предшествующий период (см. рисунок 1б).

Рисунок 1а

Связь вовлеченности родителей с просоциальным поведением младших школьников до и во время пандемии

*** $p < 0.001$.

Рисунок 1б

Просоциальное поведение младших школьников до и во время пандемии в семьях с разным уровнем вовлеченности родителей в жизнь детей

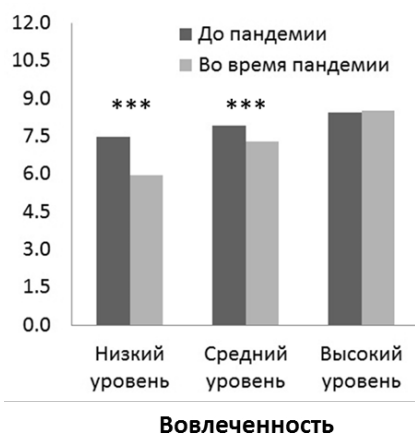
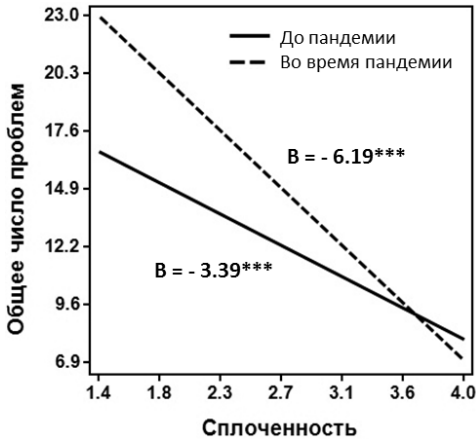

Рисунок 2а

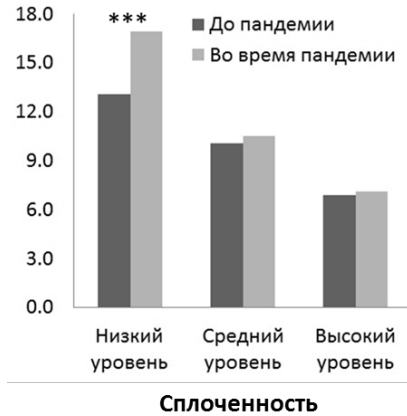
Связь сплоченности семьи с общим числом проблем у младших школьников до и во время пандемии

*** $p < 0.001$.

Рисунок 2б

Общее число проблем психического здоровья у младших школьников до и во время пандемии в семьях с разным уровнем сплоченности

Во время пандемии защитная роль сплоченности семьи в отношении проблем психического здоровья младших школьников была выражена сильнее, чем в предшествующий период: $F(3, 1912) = 106.164$, $p = 0.000$ (см. рисунок 2а). Данное взаимодействие также указывает на то, что рост проблем психического здоровья детей во время пандемии наблюдался только в семьях с низким уровнем сплоченности, а при высоком и среднем уровнях сплоченности выраженность проблем психического здоровья до и во время пандемии была сходной (см. рисунок 2б). Подобным же образом проявлялась защитная роль сплоченности семьи в отношении других показателей: проблем со сверстниками, проблем с поведением, экстернализации, интернализации и влияния проблем психического здоровья на функционирование детей.

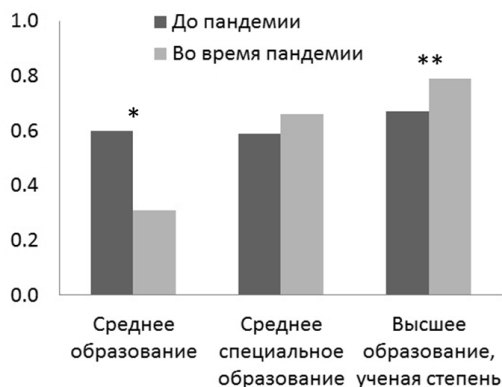
Негативное воздействие пандемии зависело от уровня образования родителей: $F(3, 1836) = 10.870$, $p = 0.000$: в семьях, где родители имели высшее образование, неблагоприятное влияние проблем на жизнь младших школьников во время пандемии было сильнее, чем в предшествующий период; в семьях, где родители имели среднее образование, оно было, напротив, слабее; в семьях со средним специальным уровнем образования родителей различий между выборками не наблюдалось (см. рисунок 3).

Обсуждение

Полученные в настоящем исследовании результаты показали, что эффект пандемии COVID-19 на психическое здоровье детей младшего школьного возраста зависели от особенностей семейной среды. Так, высокий уровень

Рисунок 3

Влияние проблем на жизнь младших школьников до и во время пандемии при разном уровне образования родителей

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

вовлеченности родителей в жизнь детей способствовал поддержанию их просоциального поведения в период пандемии. Этот результат согласуется с данными лонгитюдного исследования экономически уязвимых семей из США (He et al., 2021), показавшего, что родители, сообщившие о большей вовлеченности в совместные игры и чтение в период пандемии COVID-19, отмечали более высокий уровень просоциального поведения у своих детей. Это может отражать связи между родительским и детским поведением и тот факт, что многие родители с самого раннего возраста воспитывают у детей чувство сострадания и стремление к помощи тем, кто испытывает трудности.

Сплоченность семьи нивелировала негативный эффект пандемии COVID-19 на уровень проблем психического здоровья детей, выступая неспецифическим фактором защиты. Несмотря на то что средний уровень сплоченности во время пандемии достоверно снизился в сравнении с предшествующим периодом, ее защитная роль стала более выраженной в сложный, непредсказуемый период жизни. Следует отметить, что защитный эффект сплоченности семьи во время пандемии усилился в отношении проблем обоого типа — и экстернатальных (проблемы с поведением, гиперактивность/невнимательность), и интернатальных (эмоциональные симптомы, проблемы со сверстниками): рост проблем во время пандемии наблюдался только в семьях с низким уровнем сплоченности. Эти результаты согласуются с полученными в других странах сведениями о положительном вкладе хорошего взаимодействия между членами семьи в период пандемии в психическое здоровье детей (Bai et al., 2022; Fosco et al., 2022; He et al., 2021). Так, в лонгитюдном исследовании, проведенном на австрийской выборке, выяснилось, что сплоченность семьи, включающая близость, общение и совместную деятельность, была одной из ключевых стратегий, применяемых родителями для преодоления негативных последствий пандемии (Zartler et al., 2022).

Высокий уровень образования родителей в период пандемии COVID-19 выступил фактором риска в отношении неблагоприятного влияния проблем

психического здоровья младших школьников на их жизнь, а низкий уровень образования был фактором защиты. Это контрастирует с результатами других исследований (Li et al., 2021; Villaume et al., 2021), в которых дети из семей с низким социально-экономическим статусом, оцененным в том числе по уровню образования родителей, находились в более уязвимом положении. В то же время есть данные о том, что у подростков из семей с высоким социально-экономическим статусом во время пандемии в большей степени снизилась удовлетворенность жизнью (Mansfield et al., 2022), а у матерей дошкольников с высоким уровнем образования уровень тревоги во время пандемии был выше, чем у имеющих низкий уровень образования (Racine et al., 2022). Можно полагать, что переход на дистанционное обучение во время пандемии и связанная с этим необходимость самостоятельно заниматься образованием своих младших школьников создавали значительно больший стресс для родителей с высоким уровнем образования, чем для родителей с низким его уровнем.

Состав семьи, ее достаток и большая часть методов родительского воспитания (позитивное воспитание, непоследовательное дисциплинирование, недостаточный присмотр и телесные наказания), исходя из полученных в данном исследовании результатов, не оказывали влияния на изменения в психическом здоровье детей, связанные с пандемией. По данным исследований в других странах, социальное и экономическое неблагополучие и дисфункциональное воспитание усиливали риск возникновения интернальных и экстернальных проблем в период пандемии (Li et al., 2021; Vizard et al., 2020; Westrupp et al., 2023). Полученные нами результаты могут быть отчасти обусловлены особенностями выборки, культурной или региональной спецификой связанных с пандемией ограничений.

Результаты настоящего исследования могут помочь в понимании значения семейных факторов для психического здоровья детей во время пандемии и быть важным ориентиром при планировании и осуществлении практических программ.

Сильными сторонами исследования являются большой объем выборки, широкий охват различных слоев населения, учет большого количества показателей психического здоровья детей и семейных факторов, а также статистический анализ с учетом их взаимодействий. При этом важно отметить, что дизайн исследования ограничен одним источником данных, не позволяет оценить динамику психического здоровья детей и сделать выводы о причинно-следственных связях. В дальнейших исследованиях желательно охватить более репрезентативные выборки, привлекать дополнительные источники данных (отцы, учителя), более детально изучить индивидуальные факторы (наличие клинически выраженных расстройств) и факторы семейной среды (количество детей в семье, конфликты, течение коронавирусной инфекции), а также применять лонгитюдный дизайн.

Выводы

1. Во время пандемии COVID-19 родители детей младшего школьного возраста ниже оценивали сплоченность семьи, реже применяли позитивные

воспитательные практики и были менее последовательны при дисциплинировании детей.

2. Вовлеченность родителей в жизнь своих детей способствовала сохранению у последних уровня просоциального поведения во время пандемии COVID-19.

3. Рост проблем психического здоровья у детей во время пандемии COVID-19 наблюдался только в семьях с низким уровнем сплоченности.

4. Во время пандемии COVID-19 высокий уровень образования родителей создавал риск влияния проблем психического здоровья младших школьников на их жизнь, а низкий уровень образования, напротив, способствовал ослаблению этого влияния.

Литература

- Всемирная организация здравоохранения. (2022, 17 июня). *Усиление мер в области охраны психического здоровья* [Информационный бюллетень]. <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/mental-health-strengthening-our-response>
- Логинова, С. В., Слободская, Е. Р., Федорова, Н. А., Козлова, Е. А. (2016). Адаптация краткой версии Алабамского опросника методов родительского воспитания (APQ-BF). *Психологический журнал*, 37(5), 79–90.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Aguiar, J., Matias, M., Braz, A. C., César, F., Coimbra, S., Gaspar, M. F., & Fontaine, A. M. (2021). Parental burnout and the COVID 19 pandemic: How Portuguese parents experienced lockdown measures. *Family Relations*, 70(4), 927–938.
- Bai, Y., Liu, X., Zhang, B., Fu, M., Huang, N., Hu, Q., & Guo, J. (2022). Associations of youth mental health, parental psychological distress, and family relationships during the COVID-19 outbreak in China. *BMC Psychiatry*, 22, Article 275. <https://doi.org/10.1186/s12888-022-03938-8>
- Feinberg, M. E., Mogle, J. A., Lee, J. K., Tornello, S. L., Hostetler, M. L., Cifelli, J. A., Bai, S., & Hotez, E. (2022). Impact of the COVID 19 pandemic on parent, child, and family functioning. *Family Process*, 61(1), 361–374. <https://doi.org/10.1111/famp.12649>
- Fosco, G. M., Sloan, C. J., Fang, S., & Feinberg, M. E. (2022). Family vulnerability and disruption during the COVID 19 pandemic: prospective pathways to child maladjustment. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 63(1), 47–57.
- Goodman, R. (2001). Psychometric properties of the strengths and difficulties questionnaire. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 40(11), 1337–1345.
- Goodman, R., Slobodskaya, H., & Knyazev, G. (2005). Russian child mental health a cross-sectional study of prevalence and risk factors. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 14(1), 28–33.
- Gregus, S. J., Hernandez Rodriguez, J., Faith, M. A., & Failes, E. (2022). Parenting & children's psychological adjustment during the COVID-19 pandemic. *School Psychology Review*, 51(2), 170–186.

- He, M., Cabrera, N., Renteria, J., Chen, Y., Alonso, A., McDorman, S. A., Kerlow, M. A., & Reich, S. M. (2021). Family functioning in the time of COVID-19 among economically vulnerable families: risks and protective factors. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.730447>
- Li, W., Wang, Z., Wang, G., Ip, P., Sun, X., Jiang, Y., & Jiang, F. (2021). Socioeconomic inequality in child mental health during the COVID-19 pandemic: First evidence from China. *Journal of Affective Disorders*, 287, 8–14.
- Loginova, S. V., Slobodskaya, E. R., Fedorova, N. A., & Kozlova, E. A. (2016). Psychometric properties of a Russian version of the Alabama Parenting Questionnaire – Brief Form. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 37(5), 79–90. (in Russian)
- Mansfield, R., Santos, J., Deighton, J., Hayes, D., Velikonja, T., Boehnke, J. R., & Patalay, P. (2022). The impact of the COVID-19 pandemic on adolescent mental health: a natural experiment. *Royal Society Open Science*, 9(4), Article 211114.
- Marchetti, D., Fontanesi, L., Mazza, C., Di Giandomenico, S., Roma, P., & Verrocchio, M. C. (2020). Parenting-related exhaustion during the Italian COVID-19 lockdown. *Journal of Pediatric Psychology*, 45(10), 1114–1123.
- Miller, I. W., Epstein, N. B., Bishop, D. S., & Keitner, G. I. (1985). The MacMaster family assessment device: reliability and validity. *Journal of Marital and Family Therapy*, 11, 345–356.
- Penner, F., Elzaki, Y., Contreras, H. T., Santos, R. P., & Sarver, D. E. (2022). Behavioral, affective, and cognitive parenting mechanisms of child internalizing and externalizing problems during the COVID-19 pandemic. *Research on Child and Adolescent Psychopathology*, 50(9), 1121–1138. <https://doi.org/10.1007/s10802-022-00920-6>
- Racine, N., Eirich, R., Cooke, J., Zhu, J., Pador, P., Dunnewold, N., & Madigan, S. (2022). When the bough breaks: A systematic review and meta analysis of mental health symptoms in mothers of young children during the COVID 19 pandemic. *Infant Mental Health Journal*, 43(1), 36–54.
- Scott, S., Briskman, J., & Dadds, M. R. (2011). Measuring parenting in community and public health research using brief child and parent reports. *Journal of Child and Family Studies*, 20(3), 343–352.
- Soper, D. S. (2013). *Interaction* [Computer software]. <http://www.danielsoper.com/Interaction/>
- Villaume, S. C., Stephens, J. E., Nwafor, E. E., Umaña-Taylor, A. J., & Adam, E. K. (2021). High parental education protects against changes in adolescent stress and mood early in the COVID-19 pandemic. *Journal of Adolescent Health*, 69(4), 549–556.
- Vizard, T., Sadler, K., Ford, T., Newlove-Delgado, T., McManus, S., Marcheselli, F., Davis, J., Williams, T., Leach, C., Mandalia, D., & Cartwright, C. (2020). *Mental health of children and young people in England, 2020* [Report]. https://files.digital.nhs.uk/CB/C41981/mhcyp_2020_rep.pdf
- Westrupp, E. M., Bennett, C., Berkowitz, T., Youssef, G. J., Toumbourou, J. W., Tucker, R., Andrews, F. J., Evans, S., Teague, S. J., Karantzas, G. C., Melvin, G. M., Olsson, C., Macdonald, J. A., Greenwood, C. J., Mikocka-Walus, A., Hutchinson, D., Fuller-Tyszkiewicz, M., Stokes, M. A., Olive, L., ... Sciberras, E. (2023). Child, parent, and family mental health and functioning in Australia during COVID-19: Comparison to pre-pandemic data. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 32, 317–330. <https://doi.org/10.1007/s00787-021-01861-z>
- World Health Organization. (2022, June 17). *Mental health* [Fact sheet]. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response>
- Zartler, U., Dafert, V., & Dirnberger, P. (2022). What will the coronavirus do to our kids? Parents in Austria dealing with the effects of the COVID-19 pandemic on their children. *Journal of Family Research*, 34(1), 367–393.

СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

**О.В. МИТИНА^а, Е.И. ПЕРВИЧКО^а, А.Р. ЧИЖОВА^а,
Ю.Е. КОНЮХОВСКАЯ^а**

^а Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

The Structure of Values during the COVID-19 Pandemic

O.V. Mitina^a, E.I. Pervichko^a, A.R. Chizhova^a, Yu.E. Koniukhovskaia^a

^a Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Резюме

Во время пандемии COVID-19 люди столкнулись с рисками для жизни и здоровья, беспокойством за своих близких и ограничениями, ухудшающими качество жизни, поэтому допустимо предположить, что их структура ценностей могла измениться на индивидуальном и групповом уровнях. Целью исследования стал сравнительный анализ структуры ценностей молодежи и лиц среднего возраста на разных этапах пандемии COVID-19. Для измерения ценностного профиля использовался опросник Ш. Шварца (PVQ-R), который респонденты заполняли в два этапа. На первом этапе опросник заполнялся с помощью методического приема «ретроспективного оценивания», т.е. респондентов просили вспомнить свое состояние «до пандемии» (первый замер) и «первой волны» (в апреле 2020 г., второй замер). На втором этапе просили оценить их актуальное состояние на текущий момент, т.е. после спада «второй волны», в период начала

Abstract

During the COVID-19 pandemic, people faced risks to their lives and health, concern for their loved ones, and restrictions that worsened their quality of life, so it is acceptable to assume that their values' structure could change at the individual and group levels. The purpose of the study was a comparative analysis of the values' structure of young people and middle-aged people at different stages of the COVID-19 pandemic. To measure the value profile, the Sh. Schwartz questionnaire (PVQ-R) was used. Respondents filled it out in two stages. In the first stage, the questionnaire was filled out using the "retrospective assessment" method, that is, respondents were asked to recall their condition "before the pandemic" (measurement 1) and "at the first wave" (in April 2020, measurement 2). At the second stage, they were asked to assess

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 21-18-00624.

The research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00624.

распространения вакцинации (январь — март 2021 г., третий замер). В исследовании приняли участие 108 респондентов (86 женщин, 22 мужчины) в возрасте от 18 до 59 лет. Сопоставлялись обобщенные групповые ценностные профили трех замеров. Все ценности из групп «Открытость к изменениям», «Самоутверждение» и «Универсализм» имели динамику «вниз-вверх»: снижались во время «первой волны» и повышались при ослаблении угрозы. Для консервативных ценностей динамика была противоположной, «вверх-вниз», т.е. во время сильного стресса увеличивалось стремление к общественной стабильности, соблюдению правил, обязательств, традиций, что выполняло защитную функцию. Ценности индивидуального характера снижались, пока человек ощущал угрозу своему привычному существованию. Также была выявлена устойчивость системы ценностей: когда опасность уменьшилась, ценностные предпочтения вернулись в исходное состояние. Для половозрастных различий было установлено, что у женщин и у молодых респондентов структура ценностей более «подвижна» по сравнению с мужчинами и с респондентами среднего возраста соответственно.

Ключевые слова: ценностный круг Шварца, динамика ценностей, стресс, пандемия COVID-19, половозрастные различия, сравнение категориальных структур.

Митина Ольга Валентиновна — ведущий научный сотрудник, лаборатория общения, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психосемантика, количественная психология, психодиагностика, кросс-культурная психология, политическая психология, синергетика.
E-mail: omitina@inbox.ru

Первичко Елена Ивановна — доцент, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук. Сфера научных интересов: клиническая психология, методология клинической психологии, патопсихология, психосоматика, клиническая

their current state after the “second wave”, when vaccination was spreading (January-March 2021, measurement 3). The study involved 108 respondents (86 women, and 22 men) aged 18 to 59 years. Generalized group value profiles of three measurements were compared. All values from the groups “Openness to change”, “Self-Affirmation” and “Universalism” had a “down-up” dynamic: they decreased during the “first wave” and increased with the weakening of the threat. For conservative values, the dynamics were the opposite of “up-down”, that is, during severe stress, the desire for social stability, compliance with rules, obligations, traditions increased, which performed a protective function. The values of an individual character decreased when a person felt a threat to his habitual existence. The stability of the value system was also revealed: when the danger decreased, the value preferences returned to their original state. For age and gender differences, it was found that the structure of values in women and young respondents is more “mobile”, compared with men and middle-aged respondents, respectively.

Keywords: Schwartz's value circle, dynamics of values, stress, COVID-19 pandemic, gender and age differences, comparison of categorical structures.

Olga V. Mitina — Lead Research Fellow, Laboratory of Communication, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology. Research Area: psychosemantics, quantitative psychology, psychodiagnostics, cross-cultural psychology, political psychology, synergetics.
E-mail: omitina@inbox.ru

Elena I. Pervichko — Associate Professor, Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, DSc in Psychology. Research Area: clinical psychology, methodology of clinical psychology, pathopsychology, psychosomatics, clinical

психология эмоций, психология травматического стресса, клинико-психологическая диагностика, психотерапия.

E-mail: elena_pervichko@mail.ru

Чижова Анастасия Романовна — выпускница специалитета, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Сфера научных интересов: психосоматика, клиническая психология, расстройства пищевого поведения.

E-mail: chizhova_asya@mail.ru

Коноховская Юлия Егоровна — приглашенный исследователь, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Сфера научных интересов: психосоматика, психология телесности, личностные расстройства, психотерапия.

E-mail: yekon@icloud.com

psychology of emotions, psychology of traumatic stress, clinical psychological assessment, psychotherapy.

E-mail: elena_pervichko@mail.ru

Anastasia R. Chizhova — Graduate, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Research Area: psychosomatics, clinical psychology, eating disorders.

E-mail: chizhova_asya@mail.ru

Yulia E. Koniukhovskaia — visiting researcher, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Research Area: psychosomatics, psychology of physicality, personality disorders, psychotherapy.

E-mail: yekon@icloud.com

Пандемия COVID-19, захлестнувшая мир в 2020 г., стала значимым и кризисным явлением, характеризующимся постоянной угрозой здоровью и кардинальными изменениями жизни большого числа людей. В создавшихся условиях необходимо исследовать возможные изменения важных компонентов личностного функционирования в кризисной ситуации, включая сферу потребностей и мотивов, а также ценностную сферу личности (Bojanowska et al., 2021).

Исследователи подчеркивают, что именно ценности являются важнейшими ориентирами поведения людей в обществе и связаны с их меняющимися потребностями. Потребность, как известно, показывает силу стремления к ценности и одновременно влияет на значимость этой ценности, а ценности человека, в свою очередь, лежат в основе мотивационно-смысловой сферы личности, и поэтому они во многом детерминируют отношение субъекта к миру, себе, а также его поведение (в частности, его целенаправленность) (Леонтьев, 1998).

В различных подходах к изучению ценностей традиционно отмечается, что их структура может меняться в эпоху социальных катаклизмов, в условиях угрозы жизни и безопасности (Тихомандрицкая, 2000). Поскольку структура ценностей соответствует стремлениям по реализации потребностей, прежде всего витальных, то изменения в структуре потребностей приводят к изменениям в ценностях. А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1977) связывал ценности с эмоциями, а А. Маслоу (Маслоу, 2019) указывал на связь ценностей с реакциями страха и тревоги в ответ на ощущение угрозы.

Во многих исследованиях отмечается повышение уровня тревоги как у взрослых, так и у детей в условиях пандемии COVID-19 (Островский, Иванова, 2020; Первичко и др., 2020; Asmundson, Taylor, 2020; Rossi et al., 2020;

Salari et al., 2020; Тхостов, Рассказова, 2020), что отражает наличие признаков психологического неблагополучия и делает актуальным изучение динамики системы ценностей в этот период: очень важно понять, что происходит с системой ценностей в момент переживания столь сильной угрозы.

По данным С. Стейнерта (Steinert, 2021), во время пандемии COVID-19 тревожное состояние людей оказывает влияние на структуру их ценностей, смещая приоритет в сторону ценностей сохранения («безопасность», «комфортность» и «традиции»). В то же время в исследовании А. Бояновской и коллег получены данные о повышении значимости ценности достижений в сочетании со снижением значимости гедонизма (Bojanowska et al., 2021). В целом, это согласуется с более ранними, допандемийными исследованиями изменения ценностной структуры во время других масштабных кризисных ситуаций (Sorthaix et al., 2019; Verkasalo et al., 2006). По данным отечественных авторов, в период пандемии COVID-19 наши соотечественники к числу наиболее значимых ценностей относят собственное здоровье и здоровье близких, семейные отношения, ценности, связанные с достижениями и самореализацией, а также материальное благополучие (Зубова, 2020; Касатская, 2020; Попова, Мкоян, 2020). Перечисленные исследования, по сути, явились первыми в России, направленными на изучение ценностной сферы в условиях пандемии COVID-19. Однако в них в фокус внимания исследователей не попали такие аспекты, как анализ возрастных различий, а также возможной динамики структуры ценностей на разных этапах пандемии в разных половозрастных группах.

Вместе с тем пол и возраст — два демографических показателя, влияние которых на ценностные ориентации исследовалось в различных культурах и не вызывает сомнения. Так, в исследовании, проведенном в России незадолго до начала пандемии коронавируса, было установлено, что мужчины, в целом, склонны придавать большее значение таким ценностям, как успех, достижение целей, независимость и материальное благополучие, тогда как женщины больше ценят семью, дружбу, здоровье и гармонию в отношениях (Ржанова, Алексеева, 2017). В большом кросс-культурном исследовании, выполненном в первые годы XXI в., было показано, что ценностные предпочтения мужчин связаны с достижением успеха, власти и авторитета, в то время как женщины чаще выделяют ценности, связанные с гармонией, заботой о других и равноправием (Schwartz, Rubel, 2005). Схожие результаты получены и в ряде других исследований. Так, на американских респондентах было установлено, что мужчины более ориентированы на успех, свободу и преданность, а женщины — на заботу, традиции и гармонию (Gómez et al., 2013). Также были получены данные, показывающие, что в культурах с высоким уровнем равенства полов гендерные различия в ценностях меньше, чем в странах с более низким уровнем равенства полов (Schwartz, Rubel-Lifschitz, 2009). Этот результат свидетельствует также о динамике ценностей в соответствии с изменением культурно-социальных факторов.

Говоря о возрастных различиях, авторы обращают внимание на большее разнообразие в структуре ценностей у более молодых респондентов (см.,

например: Borg, 2018). Известно, что в подростковом и молодом возрасте значимость ценностей сохранения (среди которых ценности безопасности и здоровья) ниже, в сравнении со значимостью ценностей открытости изменениям (Cieciuch et al., 2015; Иосифян и др., 2019). У взрослых людей, как показано в многочисленных исследованиях, со временем значимость ценностей сохранения и заботы о других растет, в то время как значимость противостоящих им ценностей открытости изменениям и самоутверждения, напротив, снижается (Schwartz, 2006). Результаты исследования О. Хеллевика (Hellevik, 2002) показали, что различия в ценностных ориентациях респондентов разных возрастных групп могут быть объяснены не только той «точкой жизненного цикла», в которой человек находится, но и когортными эффектами: люди, родившиеся в одно и то же время и выросшие в одной и той же социальной среде, могут иметь схожую структуру ценностей.

Также было показано, что развитие системы ценностей связано со значимыми жизненными событиями, в том числе с наличием стрессового и травматического опыта. Так, у людей, переживших ситуацию угрозы жизни (война, теракт, болезнь), структура ценностей меняется, причем не только у взрослых, но и у подростков: значение ценности безопасности возрастает, а ценности открытости новому опыту — уменьшается, что нетипично для молодого и подросткового возраста (Fischer, Tarquinio, 2002; Bardi, Goodwin, 2011; Barni et al., 2015; Иосифян и др., 2019). Показано, что как взрослые, так и подростки и даже дети, имеющие высокую значимость ценности личной безопасности, испытывают более выраженный страх начала войны (Boehnke, Schwartz, 1997).

Представленные выше данные, с нашей точки зрения, позволяют говорить о том, что структура ценностей в обществе зависит от социально-культурных факторов и способна к изменениям в эмоционально значимых ситуациях, особенно в ситуациях угрозы жизни и здоровью. Еще в конце прошлого века были зафиксированы изменения в структуре ценностей в результате политической перестройки в России (Леонтьев, 1998). Пандемия COVID-19, в свою очередь, хотя и временно, но кардинально перестроила жизнь общества в связи с витальной угрозой и страхом заражения новой коронавирусной инфекцией; ввела онлайн-формат работы и учебы, а также новые нормы по соблюдению социальной дистанции и правил самоизоляции при первых признаках заражения, что неминуемо повлекло за собой изменения в социокультурном, социально-психологическом и политическом аспектах (Town et al., 2022). Следовательно, допустимо предположить, что в создавшихся условиях возможны изменения структуры ценностей, причем они могут различаться как в половозрастных группах, так и на разных этапах пандемии.

Исходя из вышеизложенного, целью данного исследования стал сравнительный анализ структуры ценностей молодежи и лиц среднего возраста на разных этапах пандемии COVID-19, по данным ретроспективного и актуального оценивания.

В качестве методологического базиса использовалась теория ценностей Ш. Шварца, а в качестве методического — его модифицированный портретный опросник измерения ценностного профиля (*Portrait Value Questionnaire* —

Revised, PVQ-R). Теория выделяет 19 ценностей, которые, в соответствии со стоящими за ними мотивационными конструктами, могут быть представлены геометрически – на круге. Ценности располагаются на нем по степени близости между собой и сочетаемости соответствующих им мотивов: чем дальше друг от друга расположены ценности, тем более «антагонистичны их мотивы» (Schwartz, 2012, p. 10; Шварц и др., 2012, с. 50) (см. рисунок 1).

Особое внимание в контексте нашего исследования уделяется ценности личной безопасности, существенной компонентой которой является здоровье, поскольку в условиях пандемии COVID-19 угроза здоровью и безопасности, относящимся к категории витальных ценностей, имела вполне реальный характер и транслировалась социально.

Проверке подлежали следующие *гипотезы*:

1. Выраженность ценности безопасности является максимальной у всех респондентов в период максимальной угрозы жизни во время объявления режима самоизоляции.

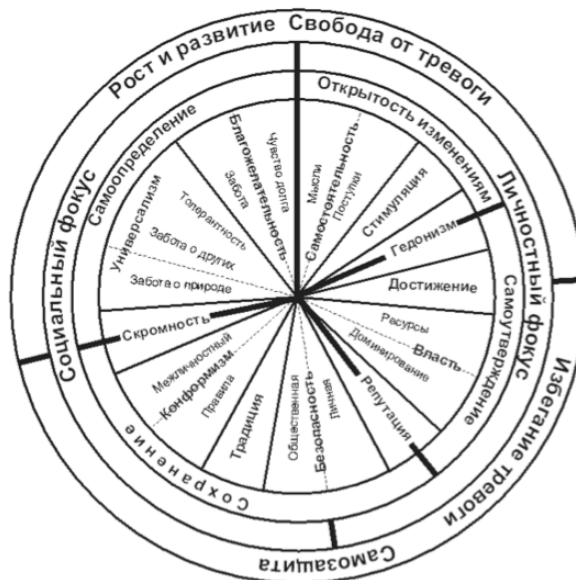
2. Во время самоизоляции значимость ценностей социальной направленности превышает значимость ценностей индивидуальной направленности, тогда как до пандемии и после снятия режима самоизоляции превалируют ценности индивидуальной направленности.

3. Наиболее сильные колебания в выраженности ценностей во время пандемии COVID-19 наблюдаются у молодого поколения.

4. Во время пандемии COVID-19 ценностные установки у мужчин более устойчивы, чем у женщин.

Рисунок 1

Круговой мотивационный континуум 19 ценностей по Ш. Шварцу (Шварц и др., 2012, с. 50)

Материалы и методы исследования

Методы исследования

Как уже говорилось, для исследования ценностей использовался опросник диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца PVQ-R (Шварц и др., 2012). Показатель респондента по каждой из 19 ценностей определялся исходя из его ответов на три пункта, по каждому из которых нужно было сказать, насколько описываемый человек похож/не похож на него по шестибальной шкале, где 0 — «совсем не похож на меня», а 5 — «очень похож на меня».

Для определения уровня ситуативной и личностной тревожности использовалась методика Спилбергера–Ханина (Ханин, 1976). Респонденты должны были оценить свое состояние по четырехбалльной шкале, где 1 — «никогда», а 4 — «почти всегда», по 20 вопросам, касающимся текущего и общего состояния. В итоге общий балл для каждой из субшкал методики лежит в диапазоне от 20 до 80. Итоговый балл 30 и ниже интерпретируется как низкий уровень тревожности, 31–45 — средний уровень, 46 и более — высокий уровень.

Процедура исследования

Исследование проводилось в онлайн-формате в период с 4 января по 31 марта 2021 г. и проходило в два этапа.

На первом этапе респондентов просили ретроспективно ответить на пункты методики PVQ-R, вспоминая свое состояние «до пандемии» и «во время соблюдения режима самоизоляции». Таким образом, эти два набора ответов так или иначе отразили *представления* респондентов об их собственных ценностных приоритетах до начала пандемии (замер 1) и на пике максимальной эпидемиологической опасности (замер 2). На этом же этапе респонденты работали с вопросами методики Спилбергера–Ханина.

На втором этапе респонденты заполняли опросник PVQ-R, оценивая свое состояние на текущий момент, т.е. уже после снятия режима самоизоляции и спада «второй волны» пандемии коронавируса (замер 3).

Таким образом, для каждого участника исследования были получены по три структуры ценностей: до пандемии (ретроспективная самооценка), во время соблюдения режима самоизоляции (ретроспективная самооценка), после завершения режима самоизоляции (актуальная самооценка), а также данные о выраженности ситуационной и личностной тревожности на момент проведения первого обследования.

Методы статистического анализа данных

При обработке данных для определения значимости ценностей, согласно результатам опросника Ш. Шварца, была проведена процедура центрирования ответов респондентов: из текущего балла на пункт опросника, отражающего

степень согласия с утверждением, содержащимся в пункте, вычиталось среднее значение по всем 57 пунктам методики, а затем были посчитаны средние значения по центрированным таким образом пунктам, входящим в каждую ценность. Использование этой процедуры позволяет избежать влияния тенденции давать положительные ответы (Шварц и др., 2012; Schwartz, 2012). В результате диапазон изменения ценностей от 0 до 5 смещается в интервал от -5 до 5 с центром в нуле. Такой способ доказанно признан более корректным, так как позволяет более контрастно установить ценностную иерархию, не прибегая к ранжированию и тем самым сохраняя данные в интервальной шкале.

Для проверки гипотезы о различиях выраженности ценностей на разных этапах исследования использовались критерии сравнения двух групп: параметрические (Стьюдента для связанных и несвязанных выборок) и непараметрические (Уилкоксона и Манна–Уитни), а также повторных измерений (ANOVA с одним повторяющимся фактором) и соответствующий непараметрический тест Фридмана для связанных выборок.

Для выделения структур ценностей на общегрупповых данных, полученных на каждом из трех замеров, использовался эксплораторный факторный анализ.

Для методики оценки тревожности Спилбергера–Ханина выполнялся подсчет суммарного балла по двум субшкалам — ситуативной и личностной тревожности.

Характеристика выборки исследования

Все этапы исследования полностью прошли 108 человек. В таблице 1 представлено распределение респондентов по социально-демографическим характеристикам.

Всех респондентов разделили на две группы: до 28 лет включительно (группа 1) и от 29 до 59 лет (группа 2). Такое деление обусловлено существующими представлениями о периодизации развития взрослых: в работах отечественных ученых предлагается окончанием периода молодости считать достижение возраста 29 лет (Карабанова, 2005; Слободчиков, Цукерман, 1996). Таким образом, именно этот возрастной «рубеж» был выбран нами для разделения выборки на молодых взрослых и лиц среднего возраста.

В таблице 2 представлено распределение мужчин и женщин в двух возрастных группах и в общей выборке. Возрастные выборки сбалансированы по полу. Что касается остальных социально-демографических характеристик, представленных в таблице 2, то все они оказались значимо связанными с половозрастными. Так, респонденты из выборки до 28 лет включительно в большинстве своем (94%) проживают в столичных городах, имеют неполное высшее образование (92%), преимущественно не состоят в браке (83%) и у них, как правило, нет детей (98%). Респонденты второй возрастной группы — это люди, как правило, имеющие высшее образование (73%), 68% из них состоят в браке и имеют детей.

Конечно, принадлежность к каждой из социально-демографических категорий, указанных в таблице 1, может влиять на динамику ценностей, однако, учитывая наличие достаточно высоких статистически значимых связей с возрастом у всех переменных, кроме пола, мы сфокусировались на половозрастной дифференциации.

Таблица 1

Социально-демографический состав выборки (в %)

Возраст	
От 18 до 59 лет, среднее 31 ± 12 , асимметрия 1.038, ст.ош. асимметрии 0.233	
Пол	
<i>Женщины</i>	80
<i>Мужчины</i>	20
Образование	
<i>Среднее</i>	32
<i>Неполное высшее</i>	27
<i>Высшее</i>	41
Семейный статус	
<i>Холост/не замужем</i>	61
<i>Женат/замужем*</i>	35
<i>Другое</i>	4
Наличие детей	
<i>Нет</i>	69
<i>Есть</i>	29
<i>Не указано</i>	2
Место проживания	
<i>Москва и Санкт-Петербург</i>	89
<i>Другое</i>	11
Опыт заболевания COVID-19	
<i>Не болел</i>	70
<i>Болел</i>	30

* В эту категорию вошли респонденты, состоящие не только в официальном, но и в гражданском браке.

Таблица 2

Распределение респондентов по полу и возрасту

Выборка	Всего респондентов	Мужчины	Женщины
Общая выборка	108	20.4%	79.6%
До 28 лет включительно	64	20.3%	79.7%
29 лет и старше	44	20.5%	79.5%

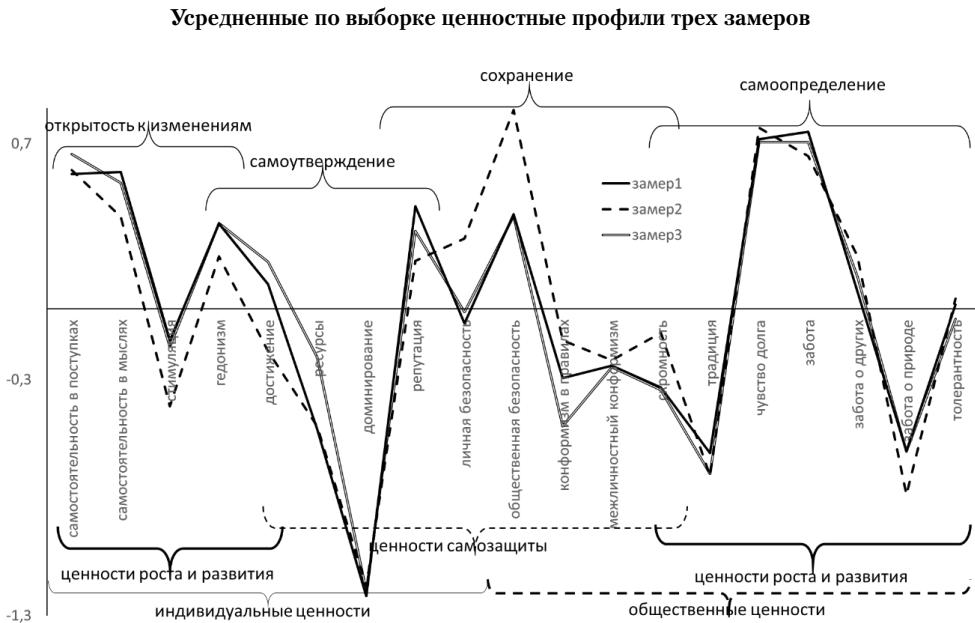
Результаты

Оценка динамики изменений ценностного спектра до пандемии, во время периода самоизоляции и после снятия режима самоизоляции

График ценностного спектра по результатам ответов всей выборки представлен на рисунке 2.

Сравнение ценностей во время первого (до начала пандемии) и третьего замеров (после снятия режима самоизоляции и спада «второй волны» пандемии) показало их значительное совпадение. Исключением стало то, что приоритет материального достатка (*ресурсы*) повысился, а представления о необходимости соблюдения *правил (конформизм)* снизились. Можно предположить, что переживание пандемии, ощущение угрозы снижения качества жизни в наибольшей степени отразились именно на этих двух ценностях. С одной стороны, карантинные меры привели к приостановлению работы предприятий и снижению материального дохода у большого числа людей, а с другой стороны, карантин сопровождался длительным соблюдением непривычно жестких общественных ограничений, и возвращение к прежнему образу жизни привело к движению данных ценностей к другому полюсу, подобно колебанию маятника.

Рисунок 2

Примечание. Замер 1 — до пандемии, замер 2 — во время режима самоизоляции, замер 3 — после окончания «второй волны» пандемии.

Сравнение первого и второго замеров (до пандемии и во время соблюдения самоизоляции) показало, что во время самоизоляции стали менее значимыми ценности роста и развития индивидуального характера, *забота о природе* (единственная ценность роста и развития общественного характера), своим *имидже* (единственная ценность индивидуального характера, связанная с самозащитой). Наоборот, более значимыми оказались ценности самозащиты общественного характера (такие как *общественная безопасность, межличностный конформизм, скромность*) и *личная безопасность* (ценность самозащиты индивидуального характера, в максимальной степени связанная со здоровьем).

Таким образом, установлено, что во время самоизоляции ценность общественной безопасности выходит на первый план.

Проверка гипотезы о наличии половозрастных различий в динамике ценностного спектра по результатам трех замеров

Сравнение различий динамики ценностного спектра в двух возрастных группах, отдельно у женщин и у мужчин

Исследование динамики ценностного спектра женщин показало, что на первом этапе различия между первой и второй подгруппами женщин были зафиксированы в 10 ценностях из 19 (см. таблицу 3). Ожидается, что у более молодых женщин более значимыми оказались *гедонизм* и *стимуляция* (ценности роста и развития индивидуального характера), а также *благожелательность* и *толерантность* (ценности общественного характера). Кроме того, в первой группе менее выраженными оказались *личная безопасность*, а также ценности роста и развития общественного характера: *скромность, соблюдение традиций* и *забота о природе*.

На втором этапе различия несколько нивелировались: у молодых женщин снизился *гедонизм* и повысилась ценность *личной безопасности*.

На третьем этапе структуры ценностей вернулись практически к исходному уровню. Исключение — *общественная безопасность*: в первой подгруппе она снизилась сильнее, чем во второй, поэтому при третьем замере расхождение в этой ценности между подгруппами женщин оказалось значимым. Ценности *заботы о других* и *толерантности* в подгруппе женщин до 28 лет снизились, а в подгруппе от 29 лет не изменились, в результате в первом случае расхождение стало значимым, а во втором, наоборот, перестало быть таковым.

Сравнение ценностного спектра среди мужчин в двух возрастных группах показало меньше значимых различий, что мы объясняем меньшим объемом мужской подвыборки в целом, однако тем ценнее выявленные значимые различия (см. таблицу 3). Во-первых, ценность *традиции* у молодых мужчин значительно ниже, чем у мужчин 29 лет и старше, на протяжении всех трех замеров, что похоже на результаты по женской подвыборке. Во-вторых, *толерантность* у более взрослых мужчин имела более низкий приоритет до пандемии и после «второй волны», а во время периода самоизоляции возрастных

Таблица 3

Значимые различия средних значений в структуре ценностей женщин и мужчин
сравниваемых возрастных групп по результатам трех замеров

Ценности	Первый замер (до пандемии)			Второй замер (во время самоизоляции)			Третий замер (после «второй волны»)		
	До 28 лет	От 29 лет	<i>p</i>	До 28 лет	От 29 лет	<i>p</i>	До 28 лет	От 29 лет	<i>p</i>
<i>Женщины</i>									
3. Стимуляция	0.075	-0.514	0.000	-0.387	-0.587	0.053	-0.068	-0.398	0.011
4. Гедонизм	0.507	0.143	0.016	0.358	0.118	0.115	0.485	0.190	0.069
5. Достижение	0.363	-0.199	0.003	0.011	-0.492	0.011	0.412	-0.094	0.007
9. Безопасность: личная	-0.284	0.153	0.017	0.266	0.356	0.592	-0.148	0.073	0.028
10. Безопасность: обще- ственная	0.356	0.601	0.213	0.861	0.946	0.930	0.325	0.622	0.054
13. Скромность	-0.552	-0.114	0.014	-0.283	0.032	0.072	-0.595	-0.064	0.001
14. Традиция	-0.872	-0.304	0.008	-1.008	-0.330	0.003	-0.982	-0.398	0.006
15. Благожелательность: чувство долга	0.827	0.477	0.002	0.933	0.537	0.001	0.892	0.504	0.002
16. Благожелательность: забота	0.827	0.620	0.082	0.776	0.508	0.034	0.858	0.524	0.005
17. Универсализм: забота о других	-0.029	0.220	0.297	0.103	0.356	0.249	-0.068	0.347	0.020
18. Универсализм: забота о природе	-0.787	-0.257	0.004	-0.982	-0.482	0.022	-0.802	-0.202	0.016
19. Универсализм: толе- рантность	0.219	-0.009	0.034	0.227	-0.035	0.048	0.078	0.004	0.460
<i>Мужчины</i>									
8. Репутация	0.394	0.807	0.117	0.030	0.827	0.057	-0.085	0.688	0.171
14. Традиция	-0.837	-0.008	0.057	-1.175	0.197	0.021	-0.957	0.096	0.077
16. Благожелательность: забота	0.702	0.881	0.616	0.594	0.530	0.947	0.377	1.021	0.035
19. Универсализм: толе- рантность	-0.144	-0.786	0.066	-0.227	-0.322	0.713	-0.136	-0.756	0.089

Примечание. Жирным шрифтом выделены *p*-значения, полученные по параметрическому критерию выборок, меньшие 0.05. Жирным курсивом – *p*-значения, меньшие 0.1. Результаты, полученные с помощью непараметрического аналога, во всех случаях согласуются с результатами параметрического анализа. Анализ проводился с помощью параметрического *t*-критерия Стьюдента для несвязанных выборок и подтверждался с помощью критерия Манна–Уитни.

различий не было выявлено (за счет снижения приоритета ценности *универсализма* у молодых мужчин). Наконец, к третьему замеру стали значимыми расхождения в *заботе о других*: приоритет заботы о других у молодых снизился, а у более взрослых, наоборот, вырос.

Сравнение между женщинами и мужчинами по каждому из трех замеров отдельно в двух возрастных группах

Анализ проводился с помощью параметрического t-критерия Стьюдента для несвязанных выборок и подтверждался с помощью критерия Манна—Уитни. Для молодых респондентов было установлено лишь одно устойчивое значимое различие, сохраняющееся на протяжении трех замеров: это *отношение к доминированию*, которое у женщин существенно ниже (см. таблицу 4). Также к третьему замеру у мужчин снизился *приоритет заботы и чувства долга*, по сравнению с женщинами.

Сравнение средних значений в подвыборках женщин и мужчин старше 29 лет показало другие результаты (см. таблицу 4). Были зафиксированы различия по *чувству долга*: у мужчин приоритет данной ценности устойчиво значимо выше. Это возможно объяснить тем, что женщины, на плечах которых традиционно лежит забота о семье, к чувству долга относятся как к чему-то само собой разумеющемуся, а потому не выделяют его в особую ценность.

Во время первого и второго замеров у мужчин старше 29 лет, по сравнению с женщинами из их возрастной группы, было значимо выше значение ценности *репутации*, однако к третьему замеру этот приоритет снижается и различия с женщинами стираются. С другой стороны, у мужчин к третьему замеру увеличивается приоритет *заботы о людях* и, наоборот, снижается приоритет *заботы о природе* (достигает первоначального уровня). Таким образом, динамика в различных половозрастных группах была зафиксирована для 10 ценностей из 19 хотя бы в одной группе. При этом наиболее «динамичными» (т.е. имеющими наибольшее число значимых различий с течением времени) оказались ценности женщин до 28 лет (зафиксировано изменение ценностей в 9 случаях из 10).

Сравнение ценностных приоритетов отдельно для женщин и мужчин из двух возрастных подгрупп

Анализ проводился с помощью ANOVA и подтверждался непараметрическим критерием для связанных выборок Фридмана. Было показано, что у женщин до 28 лет преобладают ценности *открытости к изменениям*: стремление к новизне и личному успеху во втором замере значимо упало, а к концу исследования вернулось в прежнее состояние. В таблице 5 показаны приоритеты ценностей женщин 29 лет и старше, для которых эффект снижения приоритета индивидуальных ценностей и рост приоритета коллективных ценностей сохраняются в несколько сглаженном варианте, чем был выявлен у молодых женщин.

Таблица 4

**Значимые различия средних значений в структуре ценностей мужчин и женщин
в каждом замере в разных возрастных группах**

Ценности	Первый замер (до пандемии)			Второй замер (во время самоизоляции)			Третий замер (после «второй волны»)		
	Ж	М	<i>p</i>	Ж	М	<i>p</i>	Ж	М	<i>p</i>
<i>Возрастная группа до 28 лет включительно</i>									
3. Стимуляция	0.075	0.163	0.777	-0.387	0.004	0.056	-0.068	0.146	0.440
7. Власть: доминирование	-1.265	-0.657	0.026	-1.224	-0.509	0.026	-1.255	-0.623	0.061
15. Благожелательность: чувство долга	0.827	0.830	0.828	0.933	0.619	0.081	0.892	0.402	0.039
16. Благожелательность: забота	0.827	0.702	0.676	0.776	0.594	0.202	0.858	0.377	0.015
19. Универсализм: толерантность	0.219	-0.144	0.107	0.227	-0.227	0.053	0.078	-0.136	0.288
<i>Возрастная группа от 29 лет включительно</i>									
8. Репутация	0.343	0.807	0.042	0.032	0.827	0.003	0.239	0.688	0.165
15. Благожелательность: чувство долга	0.477	0.881	0.011	0.537	0.938	0.004	0.504	0.873	0.035
16. Благожелательность: забота	0.620	0.881	0.250	0.508	0.530	0.930	0.524	1.021	0.021
18. Универсализм: забота о природе	-0.257	-0.823	0.097	-0.482	-0.840	0.308	-0.202	-0.904	0.039
19. Универсализм: толерантность	-0.009	-0.786	0.006	-0.035	-0.322	0.315	0.004	-0.756	0.006

Примечание. Ж – женщины, М – мужчины. Жирным шрифтом выделены *p*-значения, полученные по параметрическому критерию выборок, меньше 0.05. Жирным курсивом – *p*-значения, меньше 0.1. Результаты, полученные с помощью непараметрического аналога, во всех случаях согласуются с результатами параметрического анализа. Анализ проводился с помощью параметрического *t*-критерия Стьюдента для несвязанных выборок и подтверждался с помощью критерия Манна–Уитни.

Динамика отношения к ценности *достижения* у мужчин до 28 лет совпадает с динамикой, зафиксированной у женщин обеих возрастных групп.

К третьему замеру у женщин до 28 лет резко возросла значимость ценности *ресурсов*. У мужчин из этой же возрастной группы и у более взрослых женщин наблюдалась такая же динамика, но она была статистически не значима. У женщин обеих возрастных групп и у мужчин до 28 лет во втором замере возросла значимость ценности *безопасности*. Однако возрастание *личной безопасности* оказалось статистически значимым только для женщин, тогда как возрастание *общественной безопасности* – также и для мужчин из указанной возрастной группы. Для женщин обеих возрастных групп более важным во

Таблица 5

**Значимые различия по приоритету ценностей в динамике среди женщин и мужчин
в разных возрастных группах**

	Замеры			p
	1	2	3	
<i>Женщины до 28 лет</i>				
3. Стимуляция	0.075	0.387	0.068	0.002
5. Достижение	0.363	0.011	0.412	0.008
6. Власть: ресурсы	0.487	0.492	0.022	0.008
9. Безопасность: личная	0.284	0.266	0.148	0.006
10. Безопасность: общественная	0.356	0.861	0.325	0.001
11. Конформизм: правила	0.251	0.152	0.562	0.034
13. Скромность	0.552	0.283	0.595	0.004
14. Традиция	0.872	1.008	0.982	0.041
15. Благожелательность: чувство долга	0.827	0.933	0.892	0.058
<i>Женщины 29 лет и старше</i>				
3. Стимуляция	0.514	0.587	0.398	0.038
5. Достижение	0.199	0.492	0.094	0.001
9. Безопасность: личная	0.153	0.356	0.073	0.017
10. Безопасность: общественная	0.601	0.946	0.622	0.000
11. Конформизм: правила	0.199	0.032	0.417	0.006
15. Благожелательность: чувство долга	0.477	0.537	0.504	0.046
<i>Мужчины до 28 лет</i>				
5. Достижение	0.035	0.150	0.248	0.028
10. Безопасность: общественная	0.061	0.696	0.018	0.009
<i>Мужчины 29 лет и старше</i>				
16. Благожелательность: забота	0.881	0.530	1.021	0.018

втором замере оказалось следование правилам (*конформизм: правила*), а ценность *скромности* оказалась важной только для женщин первой возрастной группы.

Для респондентов до 28 лет оказалась менее приоритетной ценность *соблюдения традиций*, однако только в группе женщин динамика была признана значимой (возможно, у мужчин отсутствие значимости объясняется малым объемом выборки). И у женщин, и у мужчин по результатам второго замера было обнаружено усиление чувства долга.

Наиболее устойчивыми оказались ценности мужчин второй возрастной группы: только для одной ценности были выявлены значимые изменения. Результат уникален тем, что в других группах не было установлено динамики по данной ценности. Речь идет о *заботе*. Изначально у этих респондентов данная ценность была весьма высокой, во время пандемии снизилась, но после снятия режима самоизоляции стала еще выше, чем при первом оценивании.

Выявление значимых различий во времени от замера к замеру с использованием сравнения факторных структур ценностей на общегрупповых данных

Если трактовать ценности как мотивационные конструкты, а их объединения в факторы как интегральные мотивы, то можно сделать заключение об изменениях мотивационных структур.

Применительно к данным всех трех замеров был выполнен эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с косоугольным вращением. В каждом из трех случаев (замеров) первичными пунктами выступали показатели по 19 шкалам опросника, соответствующие этому замеру. Во всех трех случаях было выделено 5 факторов. Во всех трех замерах можно говорить о наличии сходной по содержанию структуры ценностей. Однако во втором и третьем замерах были выделены специфические факторы: Ф2.5. Экология (+) ↔ Антропогенность (-), Ф3.5. Общественная безопасность (+) ↔ Личная безопасность (-).

В таблице 6 представлены выделенные факторы во всех трех замерах, сгруппированные по семантической близости в четыре блока: Индивидуальные

Таблица 6

Сопоставление ценностных категорий, выделенных в каждом замере

Ценности	Первый замер (до пандемии)	Второй замер (во время самоизоляции)	Третий замер (после «второй волны»)	Корреляции факторов между собой
Индивидуальные ценности ↔ Коллективные ценности	Ф1.1. Приоритет индивидуальных интересов (+) ↔ Приоритет общественных интересов (-) Ф1.2. Ценности развития (+) ↔ Следование общественным правилам во имя общей безопасности (-)	Ф2.1. Ценности развития (+) ↔ Следование общественным правилам во имя общей безопасности (-)	Ф3.1. Ценности самоутверждения (+) ↔ Консервативные ценности общественного характера (-)	Ф1.1, Ф1.2 = 0.230 Ф1.1, Ф2.1 = 0.620 Ф1.1, Ф3.1 = 0.746 Ф1.2, Ф2.1 = 0.535 Ф1.2, Ф3.1 = 0.548 Ф2.1, Ф3.1 = 0.676
Самостоятельность ↔ Следование традициям	Ф1.3. Самостоятельность (+) ↔ Следование традициям (-)	Ф2.3. Самостоятельность (+) ↔ Следование традициям (-)	Ф3.4. Самостоятельность (+) ↔ Следование традициям (-)	Ф1.3, Ф2.3 = 0.667 Ф1.3, Ф3.4 = 0.748 Ф2.3, Ф3.4 = 0.550
Патриархальный традиционализм ↔ Универсализм	Ф1.4. Элитарность (+) ↔ Толерантность (-)	Ф2.2. Гуманизм (+) ↔ Традиционализм (-)	Ф3.2. Универсализм (+)	Ф1.4, Ф2.2 = 0.725 Ф1.4, Ф3.2 = 0.560 Ф2.2, Ф3.2 = 0.658
Благожелательность	Ф1.5. Благожелательность (+)	Ф2.4. Благожелательность (+)	Ф3.3. Благожелательность (+)	Ф1.5, Ф2.4 = 0.621 Ф1.5, Ф3.3 = 0.681 Ф2.4, Ф3.3 = 0.559

Примечание. Корреляция между факторами определялась исходя из вычисленных по ним в ходе факторного анализа факторных баллов респондентов. Исходя из того, что последние вычисляются как нормальные стандартизированные переменные со средним 0 и стандартным отклонением 1, корреляция между факторами вычислялась с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

ценности ↔ Коллективные ценности, Самостоятельность ↔ Следование традициям, Патриархальный традиционализм ↔ Универсализм, Благожелательность.

Достоверность сходства факторов подтверждается также и их статистически высокими парными корреляциями, представленными в последнем столбце таблицы 6.

Определение уровня личностной и ситуативной тревожности

Поскольку мы к основной причине динамики ценностей отнесли существенное повышение уровня тревожности с началом пандемии, то приведем здесь результаты опроса респондентов по методике Спилбергера–Ханина, определяющей личностную и ситуативную тревожность. В таблице 7 представлены показатели описательной статистики по выборке в целом. Статистически значимых половозрастных различий в этих показателях обнаружено не было.

Данные, представленные в таблице 7, свидетельствуют о нормальной распределенности показателей, а также о репрезентативности выборки и достоверности результатов. Вместе с тем, если исходить из общепринятых нормативных показателей, где интервал средней выраженности тревожности лежит в границах от 31 до 44 (https://ru.wikipedia.org/wiki/Методика_диагностики_самооценки_Спилбергера_—_Ханина), то можно предположить, что выборочное среднее для обоих видов тревожности равно 37.5. Показатели, близкие к этой величине, были получены в ряде исследований, в том числе и одного из соавторов этой работы (Первичко, 2020). На группе условно здоровых респондентов среднее было равно 37.7. По критерию теста Стьюдента для одной выборки мы сравнили эмпирическое среднее для обоих показателей с 37.5 и получили значимость нулевой гипотезы, свидетельствующей о том, что выборочное среднее совпадает с фиксированным значением обоих показателей < 0.001 . Таким образом, мы подтвердили факт значимого повышения тревожности у наших респондентов в начале пандемии.

Таблица 7

Описательная статистика показателей ситуативной и личностной тревожности по всей выборке в целом

Тревожность	Ситуативная	Личностная
Минимум	23	22
Максимум	71	67
Среднее	43.23	43.57
Ст. откл.	11.003	9.263
Асимметрия	0.472	-0.110
Экссесс	-0.187	-0.022
Знач. КС	0.629	0.304

Примечание. Стандартная ошибка асимметрии равна 0.235, эксцесса — 0.465.

Обсуждение

Полученные результаты показали, что во время пандемии COVID-19 ценностно-мотивационная структура оказалась достаточно устойчивой по содержанию, в том числе и у молодежи. Однако было установлено, что в периоды максимального возрастания угрозы жизни и благополучию меняется иерархия ценностей. Так, именно в период карантина коллективные ценности связываются с ценностями общественной безопасности и образуют единый фактор, имеющий наибольшую значимость. В посткарантинный период, когда опасность отступила, этот же фактор приобретает другой оттенок: важным становится противоположный полюс, сгруппировавший большое количество ценностей индивидуального характера.

Ценность здоровья, составляющая существенную компоненту личной безопасности, как показали полученные результаты, слабо коррелирует с другими ценностями, а потому не входит ни в один из выделенных факторов. Исключение — последний замер, в котором личные и общественные ценности оказались противопоставленными друг другу. Этот факт в определенной степени противоречит гипотезе Ш. Шварца о том, что топологически близкие (на круге) ценности должны положительно коррелировать (Schwartz et al., 2012). Однако, поскольку именно по границе этих двух ценностей проходит «водораздел» между индивидуальными и коллективными ценностями, можно предположить, что здесь проявилось противоречие между индивидуальным и коллективным началом. Возможно, сказалось наличие опасений респондентов относительно успешности работы государственного здравоохранения и общественного регулирования эпидемиологической ситуации.

Проведение факторного анализа на общегрупповых данных в разных замерах позволило получить сравнимые между собой факторные структуры и говорить о степени их сходства и об их динамике от замера к замеру. В ходе факторного анализа, выполненного на 19 переменных, каждая из которых соответствовала ценности первого уровня, проводилась их группировка в более «емкие» конструкты. Все полученные нами результаты соответствуют конструктам, указанным Ш. Шварцем как ценности второго, третьего и четвертого уровней (Schwartz, 2006, 2012; Шварц и др., 2012). Согласно Шварцу, топологически близкие ценности (расположенные на ценностном круге (см. рис. 1) близко друг от друга) могут быть объединены в ценности более высокого уровня. В разных случаях факторизация дала группировки ценностей разного уровня, от второго до четвертого, но абсолютно все они соответствуют возможным объединениям, указанным Ш. Шварцем (Schwartz, 2012; Шварц и др., 2012). И тот факт, что с помощью эксплораторного факторного анализа были выделены заранее заданные на ценностном круге группировки, подтверждает достоверность исследования и неслучайность полученных результатов, пусть и не на очень представительной выборке.

Говоря об ограничениях исследования, отметим, во-первых, достаточно малый объем мужской выборки (соотношение с женской выборкой 1:4), а также явное смещение возрастного распределения респондентов в сторону

более молодых (асимметрия возрастного распределения равна 1.038 при стандартной ошибке асимметрии 0.233), что также повлекло за собой превалирование в первой группе респондентов с более низким образовательным уровнем и не состоящих в браке.

Кроме того, данные, составившие так называемые замер 1 и замер 2, были получены в ретроспективе, когда респондент оценивает свое прошлое состояние по воспоминаниям. Такая практика достаточно распространена, и существование большого числа исследований с аналогичным дизайном позволяет говорить о корректности данной процедуры. Однако при ее использовании необходимо принимать во внимание возможность некоторой идеализации респондентами прошлого. Подобное искажение обычно тем более отчетливо, чем более стрессовый характер имело (или имеет) какое-либо из событий настоящего или оцениваемого прошлого времени.

В числе перспектив данного исследования видится продолжение анализа динамики структуры ценностей при переживании ситуаций, которые субъективно оцениваются респондентами как ситуации угрозы их жизни и благополучию.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Ценности индивидуального характера, ориентированные на приоритет интересов отдельного человека (быть может, и в ущерб общественным), отходят на второй план и становятся менее значимыми по мере развития пандемии COVID-19 как у молодежи, так и у лиц среднего возраста. Их актуальность снижается до тех пор, пока человек осознает угрозу своему привычному бытию.

2. По мере возрастания угроз здоровью и привычному образу жизни снижается приоритетность ценностей универсализма (толерантность, забота о других и природе) и во главу угла ставятся интересы общества, причем более высокого порядка, по сравнению с традиционными «консервативными» ценностями (соблюдение традиций и правил поведения в обществе и т.д.), а также возрастает значимость ценности безопасности. Выявленная динамика структуры ценностей в ситуации угрозы жизни и благополучию характерна как для молодежи, так и для более взрослых респондентов.

3. Несмотря на выявленную динамику ценностей в период пандемии, можно говорить об устойчивости ценностной системы: после того как субъективные переживания опасности ослабевают, ценностные предпочтения возвращаются к исходному уровню.

4. Обнаружены половозрастные различия в структуре и динамике ценностей. У мужчин в ситуации стресса и угрозы в большей степени оказываются выраженными ценности сохранения. Мужчины в возрасте 29 лет и старше более устойчивы в своих ценностных установках. При этом ценностные установки у мужчин в целом более устойчивы, чем у женщин. Следовательно, можно говорить о различиях в способах реагирования мужчин и женщин разного возраста на стрессовую ситуацию.

Литература

- Зубова, О. Г. (2020). Изменение структуры ценностей молодежи в современном российском обществе. В кн. Ю. П. Аверин (ред.), *Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России* (с. 20–22). М.: МАКС-Пресс. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547>
- Иосифян, М. А., Арина, Г. А., Николаева, В. В. (2019). Ценности и страхи: связь между ценностными предпочтениями и страхом перед нарушениями здоровья. *Клиническая и специальная психология*, 8(1), 103–117. <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080107>
- Карабанова, О. А. (2005). *Возрастная психология. Конспект лекций*. М.: Айрис-пресс.
- Касатская, В. Н. (2020). Ценности качества жизни в период пандемии коронавируса (COVID-19). В кн. Ю. П. Аверин (ред.), *Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России* (с. 48–49). М.: МАКС-Пресс. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547-8>
- Леонтьев, А. Н. (1977). *Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие*. М.: Политиздат.
- Леонтьев, Д. А. (1998). Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени. *Психологическое обозрение*, 1, 13–25.
- Маслоу, А. (2019). *Мотивация и личность*. СПб.: Питер.
- Островский, Д. И., Иванова, Т. И. (2020). Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (обзор литературы). *Омский психиатрический журнал*, 2-1S(24), 4–10. <https://doi.org/10.24411/2412-8805-2020-10201>
- Первичко, Е. И. (2020). *Регуляция эмоций: Клинико-психологический аспект*. М.: Когито-Центр Москва.
- Первичко, Е. И., Митина, О. В., Степанова, О. Б., Конюховская, Ю. Е., Дорохов, Е. А. (2020). Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года. *Клиническая и специальная психология*, 9(2), 119–146. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090206>
- Попова, С. И., Мкоян Г. С. (2020). Свободное время и ценности молодежи во время пандемии. В кн. Ю. П. Аверин (ред.), *Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России* (с. 115–116). М.: МАКС-Пресс. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547-8>
- Ржанова, И. Е., Алексеева, О. С. (2017). Различия ценностей мужчин и женщин. *Психологические исследования*, 10(55). <https://doi.org/10.54359/ps.v10i55.353>
- Слободчиков, В. И., Цукерман Г. А. (1996). Интегральная периодизация общего психологического развития. *Вопросы психологии*, 5, 38–50.
- Тихомандрицкая, О. А. (2000). *Ценности и самоотношение на этапе юношеской социализации* [Кандидатская диссертация]. МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Тхостов, А. Ш., Рассказова, Е. И. (2020). Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? *Консультативная психология и психотерапия*, 28(2), 70–89. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280204>
- Ханин, Ю. Л. (1976). *Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера*. Ленинград: ЛНИИФК.
- Шварц, Ш., Бутенко, Т. П., Седова, Д. С., Липатова, А. С. (2012). Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(2), 43–70.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Asmundson, G., & Taylor, S. (2020). How health anxiety influences responses to viral outbreaks like COVID-19: What all decision-makers, health authorities, and health care professionals need to know. *Anxiety Disorders*, *71*, Article 102211. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102211>
- Bardi, A., & Goodwin, R. (2011). The dual route to value change: individual processes and cultural moderators. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, *42*, 271–287. <https://doi.org/10.1177/002202211039691>
- Barni, D., Vieno, A., Roccato, M., & Russo, S. (2015). Basic personal values, the country's crime rate and the fear of crime. *Social Indicators Research*, *129*, 1057–1074. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1161-9>
- Boehnke, K., & Schwartz, S. H. (1997). Fear of war: relations to values, gender, and mental health in Germany and Israel. *Journal of Peace Psychology*, *3*(2), 149–165. https://doi.org/10.1207/s15327949pac0302_3
- Bojanowska, A., Kaczmarek, L. D., Koscielniak, M., & Urbańska, B. (2021). Changes in values and well-being amidst the COVID-19 pandemic in Poland. *PLoS ONE*, *16*(9), Article e0255491. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0255491>
- Borg, I. (2018). Age- and gender-related differences in the structure and the meaning of personal values. *Personality and Individual Differences*, *138*, 336–343. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.10.013>
- Cieciuch, J., Davidov, E., & Algesheimer, R. (2015). The stability and change of value structure and priorities in childhood: A longitudinal study values in childhood. *Social Development*, *25*(3), 503–527. <https://doi.org/10.1111/sode.12147>
- Fischer, G. N., & Tarquinio, C. (2002). L'expérience de la maladie: ressources psychiques et changement de valeurs [Illness experience: psychic resources and values' change]. In G. N. Fischer (Ed.), *Traité de psychologie de la santé* [Treatise on health psychology] (pp. 301–319). Paris: Dunod.
- Gómez, S., Greenwood, R., Gutiérrez, J., Murphy, E., Teahen, J., Monserrat, S., Olivás-Luján, M., & Santos, N. (2013). Female and male value orientation types in the Americas: A new look. *Journal of Business Diversity*, *12*(2), 94–111.
- Hellevik, O. (2002). Age differences in value orientation — life cycle or cohort effects. *International Journal of Public Opinion*, *14*(3), 286–302.
- Iosifyan, M. A., Arina, G. A., & Nikolaeva, V. V. (2019). Values and fears: Value priorities and fear of health impairments. *Klinicheskaya i Spetsial'naya Psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education], *8*(1), 103–117. <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080107> (in Russian)
- Karabanova, O. A. (2005). *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental psychology]. Moscow: Airis-press.
- Kasatskaya, V. N. (2020). Tsennosti kachestva zhizni v period pandemii koronavirusa (COVID-19) [Quality of life values during the coronavirus pandemic (COVID-19)]. In Yu. P. Averin (Ed.), *Vliyaniye kachestva zhizni na formirovaniye tsennostnoi struktury naseleniya Rossii* [Impact of quality of life on the formation of the value structure in the Russian population] (pp. 48–49). Moscow: MAKS Press. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547-8>
- Khanin, Yu. L. (1976). *Kratkoye rukovodstvo k shkale reaktivnoy i lichnostnoy trevozhnosti Ch.D. Spielbergera* [A brief guide to the scale of reactive and personal anxiety by Ch.D. Spielberger]. Leningrad: LNIIFK.
- Leontiev, A. N. (1977). *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
- Leontiev, D. A. (1998). Tsennostnye predstavleniya v individual'nom i gruppovom soznanii: vidy, determinanty i izmeneniya vo vremeni [Value representations in individual and group consciousness: types, determinants, and changes in time]. *Psikhologicheskoe Obozrenie*, *1*, 13–25.

- Maslow, A. (2019). *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Piter. (Original work published 1954)
- Ostrovskiy, D. I., & Ivanova, T. I. (2020). Influence of the new coronavirus COVID-19 infection on human mental health (Literature review). *Omskii Psikhiatricheskii Zhurnal*, 2-1S(24), 4–10. <https://doi.org/10.24411/2412-8805-2020-10201> (in Russian)
- Pervichko, E. I. (2020). *Regulyatsiya emotsii: Kliniko-psikhologicheskii aspekt* [Regulation of emotions: A clinical psychological aspect]. Moscow: Kogito-Tsentr Moskva.
- Pervichko, E. I., Mitina, O. V., Stepanova, O. B., Koniukhovskaia, J. E., & Dorokhov, E. A. (2020). Perception of COVID-19 during the 2020 pandemic in Russia. *Klinicheskaja i Spetsial'naya Psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education], 9(2), 119–146. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090206> (in Russian)
- Popova, S. I., & Mkoyan, G. S. (2020). Svobodnoe vremya i tsennosti molodezhi vo vremya pandemii [Free time and youth values during a pandemic]. In Yu. P. Averin (Ed.), *Vliyanie kachestva zhizni na formirovanie tsennostnoi struktury naseleniya Rossii* [Impact of quality of life on the formation of value structure in the Russian population] (pp. 115–116). Moscow: MAKS Press. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547-8>
- Rossi, R., Soggi, V., Talevi, D., Mensi, S., Niolu, C., Pacitti, F., Di Marco, A., Rossi, A., Siracusano, A., & Di Lorenzo, G. (2020). COVID-19 pandemic and lockdown measures impact on mental health among the general population in Italy. *Frontiers in Psychiatry*, 11, Article. 790. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.00790>
- Rzhanova, I. E., & Alekseeva, O. S. (2017). Differences in values between men and women. *Psikhologicheskiye Issledovaniya* [Psychological Studies], 10(55), <https://doi.org/10.54359/ps.v10i55.353> (in Russian)
- Salari, N., Hosseinian-Far, A., Jalali, R., Vaisi-Raygani, A., Rasoulpoor, S., Mohammadi, M., Rasoulpoor, S., & Khaledi-Paveh, B. (2020). Prevalence of stress, anxiety, depression among the general population during the COVID-19 pandemic: a systematic review and meta-analysis. *Globalization and Health*, 16(1). <https://doi.org/10.1186/s12992-020-00589-w>
- Schwartz, S. (2006). A theory of cultural value orientations: explication and applications. *Comparative Sociology*, 5(2-3), 137–182. <https://doi.org/10.1163/156913306778667357>
- Schwartz, S. H. (2012). An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1), 3–20. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
- Schwartz, S., Butenko, T. P., Sedova D. S., & Lipatova, A. S. (2012). A refined theory of basic personal values: Validation in Russia. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, 9(2), 43–70. (in Russian)
- Schwartz, S. H., & Rubel, T. (2005). Sex differences in value priorities: Cross-cultural and multi-method studies. *Journal of Personality and Social Psychology*, 89(6), 1010–1028. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.89.6.1010>
- Schwartz, S. H., & Rubel-Lifschitz, T. (2009). Cross-national variation in the size of sex differences in values: Effects of gender equality. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97(1), 171–185. <https://doi.org/10.1037/a0015546>
- Slobodchikov, V. I., & Tsukerman, G. A. (1996). Integral'naya periodizatsiya obshchego psikhicheskogo razvitiya [Integral periodization of general mental development]. *Voprosy Psikhologii*, 5, 38–50.
- Sortheix, F. M., Parker, P. D., Lechner, C. M., & Schwartz, S. H. (2019). Changes in young Europeans' values during the global financial crisis. *Social Psychology and Personality Science*, 10, 15–25. <https://doi.org/10.1177/1948550617732610>

- Steinert, S. (2021). Corona and value change. The role of social media and emotional contagion. *Ethics and Information Technology*, 23, 59–68. <https://doi.org/10.1007/s10676-020-09545-z>
- Tikhomandritskaya, O. A. (2020). *Tsennosti i samootnosheniye na etape yunosheskoj sotsializatsii* [Values and self-regard at the stage of youth socialization] [PhD dissertation]. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
- Tkhostov, A. S., & Rasskazova, E. I. (2020). Psychological content of anxiety and the prevention in an infodemic situation: protection against Coronavirus or the “vicious circle” of anxiety? *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 28(2), 70–89. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280204> (in Russian)
- Town, S., Weber, J., & Nagy, N. (2022). Changes in business students' value orientations after the COVID-19 outbreak: An exploration. *Business and Society Review*, 127(S1), 253–282. <https://doi.org/10.1111/basr.12257>
- Verkasalo, M., Goodwin, R., & Bezmenova, I. (2006). Values following a major terrorist incident: Finnish adolescent and student values before and after September 11, 2001. *Applied Social Psychology*, 36(1), 144–160. <https://doi.org/10.1111/j.0021-9029.2006.00007.x>
- Zubova, O. G. (2020). *Izmenenie struktury tsennosti molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve* [Changes in the structure of youth values in the modern Russian society]. In Yu. P. Averin (Ed.), *Vliyaniye kachestva zhizni na formirovaniye tsennostnoi struktury naseleniya Rossii* [Impact of quality of life on the formation of the value structure in the Russian population] (pp. 20–22). Moscow: MAKS Press. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547>

RESEARCHING SOCIAL RESILIENCE IN THE CONTEXT OF MIGRANTS' LIFE TRANSITION: A QUALITATIVE METHODOLOGICAL MOSAIC

A.H. QAMAR^a

^a *Lunds University, Box 23, 22100 Lund, Sweden*

Исследование социальной устойчивости в контексте переходного периода в жизни мигрантов: мозаика качественных методов

А.Х. Камар^a

^a *Лундский университет, Вох 23, 22100, Лунд, Швеция*

Abstract

Migration is a psychosocial challenge, and migrants' transitory experiences in host countries are shaped by a combination of linked environmental factors. The absence of social aspects of resilience, as well as disciplinary limitations and biases, hinder the methodological rigor and flexibility needed to investigate social resilience as a phenomenon that occurs at the intersection of social, cultural, and political environments. Based on the social constructionist perspective, this paper identifies the need for a methodological mosaic and proposes a methodological guideline to investigate social resilience among migrants embedded in a multi-layered environment and person-environment interaction. The proposed methods include participant observation, biographical interviews, resilience diaries, focus groups, participants' workshops, and expert conferencing. The inclusion of participant-friendly methods provides a space to listen to the voices of participants across the margins, and to engage experts and

Резюме

Миграция является психосоциальной проблемой, и опыт адаптации мигрантов в новой стране формируется под воздействием совокупности взаимосвязанных факторов окружающей среды. Отсутствие социальных аспектов устойчивости, а также отраслевые ограничения и предубеждения не способствуют методологической строгости и гибкости, необходимым в исследованиях социальной устойчивости как явления, возникающего на стыке социальных, культурных и политических факторов среды. Исходя из теории социального конструкционизма, в этой статье мы обосновываем необходимость применения мозаики исследовательских методов и предлагаем методологическое руководство для исследования социальной устойчивости мигрантов, находящихся в многослойной среде и осуществляющих взаимодействие на уровне «человек-среда». Предлагаемые методы включают наблюдение за испытуемыми, биографические интервью, дневники устойчивости, фокус-группы, семинары для участников и совещания экспертов. Включение методов, адаптированных к участникам исследования, позволяет услышать голос каждого, а также привлечь экспертов и социальных работников к

social workers in a participant-centered data examination. The concept of using a methodological mosaic in social resilience and migration studies provides a solid foundation for conducting multidisciplinary social science research. It gives the freedom to engage experts from various disciplinary backgrounds and benefits from diverse perspectives to connect the methodological pieces. The methodological mosaic described in this paper can be used to advance interconnected and participant-friendly data collection strategies and to gain a holistic understanding of migrants' lived experiences. The paper, though a methodological proposal, contributes to broadening the methodological scope and integration in migration studies.

Keywords: Interdisciplinary qualitative research, methodological mosaic, social resilience, triangulation, migration, lived experiences, phenomenology, participant-friendly methods.

Azher Hameed Qamar — Post-doc Researcher, School of Social Work, Lunds University, PhD in Interdisciplinary Child Research.

Research Area: social resilience, migration, integration, qualitative research.

E-mail: azher_hameed.qamar@soch.lu.se, cc.ahqamar2022@gmail.com

анализу ориентированных на участников данных. Концепция использования методологической мозаики при изучении социальной устойчивости и миграции обеспечивает прочную основу для проведения междисциплинарных социальных исследований. Такой подход позволяет привлекать экспертов из разных отраслей и опираться на различные точки зрения при консолидации отдельных методологических компонентов. Мозаика качественных методов, описанная в статье, может применяться для развития взаимосвязанных и адаптированных к участникам стратегий сбора данных, а также для получения целостного понимания жизненного опыта мигрантов. Данная статья является по сути предложением методологического подхода и при этом вносит свой вклад в расширение стратегий и интеграции методов исследований феномена миграции.

Ключевые слова: междисциплинарные качественные исследования, мозаика методов исследования, социальная устойчивость, триангуляция, миграция, жизненный опыт, феноменология, адаптированные к участникам методы исследования.

Камар Ашер Хамид — постдокторантура, факультет социальной работы, Лундский университет (Лунд, Швеция), PhD (междисциплинарные исследования детской психологии).

Сфера научных интересов: социальная устойчивость, миграция, интеграция, качественные исследования.

Контакты: azher_hameed.qamar@soch.lu.se, ahqamar2022@gmail.com

Towards the end of the 20th century, the dominant resilience paradigms presented resilience as a capacity of the individual that can determine the 'psychological fitness' of a person to fight back adversities. This conceptualization (as appears in popular definitions) refers to those who have the ability or capacity to survive and bounce back (Garmezy et al., 1984; Masten, 2001). Recent development in resilience studies have addressed two important shortcomings. First, the concept of resilience should not be static to label 'resilient' and 'non-resilient' people based on capacities or abilities they have. This conceptualization provides a 'heroic' notion of resilience as an individual characteristic and disregards the social aspects of resilience. The non-social view of resilience excludes the sociological examination of person-environment interaction and social behaviors that contribute to a resilience experience (Dagdeviren et al., 2016; Estevão et al., 2017; Garrett, 2016).

Second, the notion of ‘bouncing back’ as it appears in dominant resilience studies is not sufficient to explain how resilience works in a social system. Hence, it is pertinent to understand resilience in its continuity to ‘bounce ahead’ (Holtorf, 2018; Norris et al., 2008; Pendall et al., 2010). Human lives are anchored in their structural contexts and lived experiences. One way or another, humans respond to change and challenges in their lives. The social dimensions of resilience spotlight the dynamic and multifaceted concept of resilience that is complex and embedded in person-environment interactions and contextual diversities. Hence, research into social resilience requires the conceptualization of resilience regarding the environmental context and social experience corresponding to change and challenges (Qamar, 2023; Wingens et al., 2011). Emphasizing social resilience and framing resilience as a social construct (see Qamar, 2023), in this article, qualitative research methods are presented as intended to be used in my research in Sweden.

Social Construction of Resilience

There is no single definition of ‘resilience’, and it has evolved as a multidisciplinary concept. However, in social sciences, the concept of resilience is often associated with the coping capacity and recovery response to challenged conditions, using psychological and environmental resources, and yielding positive outcomes (Masten, 2001; Smith-Osborne & Whitehill-Bolton, 2013; Ungar, 2012; Yeager & Dweck, 2012). Emerging from earlier psychological discourses on personality traits (the personal capacity to cope and recover through stress) determining resilient or non-resilient personality traits, the concept has traveled from the studies of innate personality traits to learned behavior embedded in person-environment interactions. Hence, during the first decade of the twentieth century, resilience studies simultaneously focused on resilience as an outcome and as a dynamic process (Estêvão et al., 2017; Pangallo et al., 2015; Saja et al., 2019; Southwick et al., 2014).

The concept of social resilience (in social sciences) gains attention with Adger’s (Adger, 2000; Adger et al., 2002) contribution to studying the role of environmental contexts, structure, and livelihood in shaping resilience. Afterward the term ‘social resilience’ was defined as a coping, adaptive and transformative capacity (Keck & Sakdapolrak, 2013), risk perception, associated coping, learning, and planning abilities (Marshall & Marshall, 2007), an outcome related to a sustained well-being while facing challenges (Hall & Lamont, 2013), a reactive and proactive capacity to cope, adjust and develop through the crisis (Obrist et al., 2010), and a dynamic social process that shapes the capacities to response, recover and grow within the context (Bohle et al., 2009; Dagdeviren & Donoghue, 2019; Qamar, 2023). Adger (2000) defined social resilience as “the ability of human communities to withstand external shocks to their social infrastructure”. Social infrastructure is a broader term, and the abilities of human communities to respond to adversities are culturally and historically located. It extends beyond the communities’ access to material resources, and the strength of their formal institutions. Environmental factors significantly affect the individual’s experience of resilience, stress response, and

psycho-social well-being. Also, cultural adherence, informal social networking, local knowledge, belief practices, the social value of relationships and the community, and interdependence, all contribute to social resilience as a complex coherent whole. Family, community, and institutions work together to provide cultural, social, and political support, which contributes to the social resilience process. These interlinked supportive environmental resources assist individuals in coping and adaptation. The interaction between people and their environments, as well as the experiences of individuals, indicate the social construction of resilience as a holistic phenomenon. The studies done in colonial contexts with a history of systematic marginalization called into question the notion of resilience as a quantifiable construct and urged that social resilience be conceptualized and researched as a dynamic and complex phenomenon (Bogardi & Fekete, 2018; Atallah, 2016; Hundt et al., 2004; Dagdeviren & Donoghue, 2019; Qamar, 2023).

A constructionist perspective on resilience offers a socio-ecological explanation of resilience that helps in understanding it as a socially and culturally embedded phenomenon. Ungar (2011, 2013) explains resilience as a socio-ecological process and provides four principles for researching resilience: a) decentering – focusing on the person-environment process as the locus of change; b) complexity – the interactional pattern of the environment and young people’s capacities; c) atypicality – openness to understanding resilience beyond pre-determined outcomes; and d) cultural relativity – resilience as culturally and historically embedded. To contextualize the resilience process, it is important to give voice to people’s experiences and investigate the environmental pathways that contribute to person-environment interaction during the resilience process. Beyond the psychopathological perspective, and shifting from ‘I’ to ‘we, us, and they,’ the concept of resilience has evolved from a trait perspective to contextualization of person-environment interaction. It became obvious that ‘resilience’ is at the crossroads of several interconnected environmental factors, demanding a holistic knowledge of the context that shapes the social resilience process.

Researching Social Resilience: An Interdisciplinary Perspective

As a post-doc researcher, I am investigating social resilience and young adult migrants’ lived experiences in Sweden. The study is narrowly focused on young adult migrants living in Sweden and it is relevant to a multidimensional social resilience project that is an initiative of Lund University’s 2030 agenda on research on social sustainability. Recent migrant studies conducted in Sweden cover a wide range of migrant-related issues, such as parenting practices (Wissö & Bäck-Wiklund, 2021; Baghdasaryan et al., 2021), housing (Stepanova & Romanov, 2021), education and work (Ahlgren & Rydell, 2020; Carlbaum, 2021; Messina Dahlberg et al., 2021), and integration (Eliassi, 2017; Lyck-Bowen, 2020). Though these studies cover a wide range of social issues relevant to migrants’ lives in host countries, the choices of methods are limited to qualitative interviews and focus group discussions. Particularly concerning rapidly changing political situations in Europe and the rise of right-wing populism, the migrants’ issues are in the limelight.

In this connection, the methodological strategies opted for by the researchers require a consideration of bringing pieces of data (collected through multiple sources) together to form a holistic perspective in contemporary migration studies.

Qualitative research provides an interpretive approach to understanding human lives in their environmental contexts by collecting and interpreting knowledge about processes and experiences (Willig, 2001). Qualitative research methods contribute to resilience studies with their flexibility and depth that can be used to investigate resilience and associated risk factors in the specific sociocultural context. In this connection, the qualitative research approach can uncover the whole phenomenon of resilience by giving voices to the participants, avoiding generalizations, and accounting for diversities in experiences through a thick description of the phenomenon (Ungar, 2003).

Qualitative research deals with the depth of the data grounded in lived experiences and the construction of realities by the people in their social contexts (Ibid.). In this connection, the 'context' provides a framework for interpretation. The social, political, and cultural characteristics of the society form a multifaceted and complex environmental context. While the reasons for fleeing one's native country may be comparable (for example, in the case of war-torn countries), being a migrant is not always the same experience. It is shaped by migrants' risk perceptions, adaptation, and transformation, and impacted by time, location, and the environment. Social resilience is a contextually ingrained interdisciplinary phenomenon that cannot be investigated using disciplinary theoretical and/or methodological 'biases' (Qamar, 2023). The interdependence of human beings in the social world shapes their lives over time and thus demands a researcher be close to the participants' transitory experiences without following the preset linear pathways to interpretation (Hareven, 2018; Hutchison, 2010). The researchers can evaluate the change and challenges related to migrants' life course adaptation strategies by recognizing the diversity of experiences and the intersectional influence of environmental factors. The intersectional frame of references (such as in sociology, political science, anthropology, and psychology) should be used to study acculturation, identity, status, and agency, all of which must be addressed holistically through theoretical and methodological triangulation. Interdisciplinary qualitative research can unfold and interpret the complex context of social resilience and migrants' ever-changing lives in host countries.

The combination of personal and social resources, the impact of environmental factors, and human response to adversity and crisis are considerably linked to the process of resilience (Coyne & Downy, 1991; Lazarus & Folkman, 1984; Thoits, 1986; Berry & Kim, 1987). Hence, in order to study social resilience as a process in the context of young adult migrants' lived experiences in a host country, I have two objectives that lead the proposed research methodologically and theoretically:

1. The concept of 'social resilience' is contextualized to reveal the phenomenon in its broader socio-cultural context and indigenous understanding. Researching resilience with a ground-up interdisciplinary approach is required.

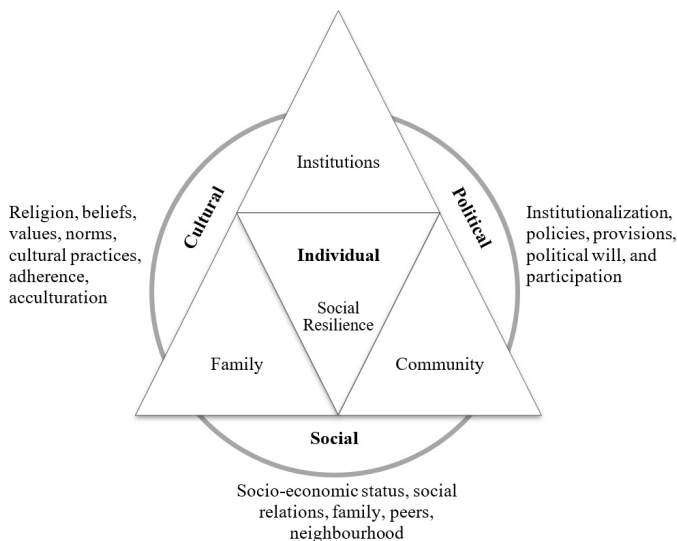
2. To give voice to the perceptions and experiences of people, methodological rigor is achieved by employing a methodological mosaic, in which different methods are connected to get a holistic perspective.

The constructionist perspective of resilience (Figure 1) is methodologically rigorous and involves substantial qualitative research. The experiences of social resilience of migrants in a host country reflect their transition and transformation from risk perception to adaptability and stability. Cultural (including acculturation challenges), social (belongingness and support), and political (policies and provisions) factors shape their changing lives in the context of their survival and integration in a hosting country during this transitory experience (see, for example, Berry & Kim, 1987; Caplan, 2007; Taloyan et al., 2011; Jasso & Rosenzweig, 1990; Odmalm, 2011). Hence, social resilience as a learned and constructed phenomenon occurs at the nexus of environmental factors and person/environment interaction.

To explore migrants' experiences in their empirical depth, I elaborate on migrants' experiences as the first-hand illustration of everyday life connecting the temporality of events and turning points, and a description of social interaction with relevant social actors and institutions. Hence, the aim to gain insight into migrants' lives in host countries should address the social experiences in time and space. In this regard, two key aspects of qualitative research must be strengthened to investigate social resilience. First, the depth of data to be collected includes textural (what is experienced) and structural (how it is experienced) characteristics of the data. Second, validation in qualitative research is always challenging. I am interested in young adult migrants' lived experiences in host countries.

Figure 1

A Constructionist Perspective on Social Resilience as a Person-Environment Process

Conceptualizing social resilience as a phenomenon “characterized by vulnerable individuals’ or groups’ social experiences and social practices in the face of political, economic, cultural, and social (PECS) environmental changes and challenges” (Qamar, 2023:3), and occurring at the nexus of person-environment interaction (Saja et al., 2019; Southwick et al., 2014), I propose a methodological mosaic to investigate the migrants’ experiences of risk, vulnerability, and coping in shaping his or her life in a situational and environmental context. The proposed plan is based on my post-doc project that is intended to investigate how social experiences contribute to young adult migrants’ social resilience, and how social resilience as a process shapes these experiences.

A Qualitative Methodological Mosaic

A method paper is different from a protocol paper (that requires an outcome to audit for further application). Hence, method papers include a methodological understanding of the researchers relevant to their study areas. A method paper provides the methodological procedures and strategies that researchers intend to implement in their study. To make it discoverable for other researchers, authors writing method papers provide sufficient descriptions of methods and relevant resources (Leist & Hengstler, 2018).

My idea of a qualitative methodological mosaic is based on the Mosaic Approach that Alison Clark and Peter Moss developed to conduct research with children using a multimethod approach to collect data and piecing them together to see the whole picture (see Clark & Moss, 2001). As the mosaic approach was used to provide a space for children to voice themselves as loud and clear as it can be, I use this approach to draw on the qualitative methodological mosaic to give voice to young adult migrants and present their lived experiences in my research. The mosaic approach is similar to multimethod triangulation, and I do not claim it is essentially different. However, the strength of using the mosaic approach in qualitative research is the researcher’s space to practice creative, flexible, and participant-centered data collection methods. It is a consideration of using multimethod triangulation where methods are selected as ‘participant-friendly’ with multiple options to give voice to a marginalized population (for example, children, old people, people with disabilities, migrants, minorities, etc.). Though the analysis of the data collected in various forms and different ways may be challenging, particularly while piecing them together in a mosaic of meanings, the dataset (collected through a methodological mosaic) will be rich in its content and authentic for participants’ voices and presentations in it. For data analysis, researchers may use a relevant data analysis approach according to the type of data, and findings may be synthesized to see interconnections and patterns as emerged from the data.

While quantitative research approaches predominate in resilience studies, bottom-up evidence is lacking to comprehend the diversity and interconnectedness of several aspects of resilience inherent in the environmental context and temporality of the phenomenon. The common methods used to study migrants’ experiences are surveys or interviews that have provided useful information identifying the challenges and

resilience strategies in migrants' lives. However, the notion of a political and social vulnerability associated with migrants in host countries demands methodological rigor to gather first-hand information capturing migrants' social lives and their interactions with social actors and institutions. Considering the multidimensionality and complexity of the social context of migrants' lives, a qualitative research method mosaic can serve the purpose to unearth the social experiences and practices corresponding to social resilience. In this connection, a qualitative research method mosaic involving methodological triangulation is recommended to unveil the psycho-social nexus of risk, prevention, and intervention, and underlying socially constructed realities. It is important to give participants a voice by including them in participant-centered research that delves into their situational and environmental contexts. My study aims at providing an interpretation of social resilience in connection with young adult migrants' lived experiences, and resilience as a socially constructed, complex, and multifaceted phenomenon. Hence, this is important to conduct migrant-centered and migrant-focused research providing first-hand information about the phenomenon. In this respect, phenomenological research aims at understanding participants' lives through the prism of their experiences and the meanings they assign to those experiences (Creswell, 1998; Leedy & Ormrod, 2001). I propose research methods to investigate the lives of young adult migrants in Sweden, with the primary goal of understanding the person-environment interaction in shaping the phenomenon of social resilience. The use of a phenomenological research design and a social constructionist's ethnographic approach, the methodological triangulation, (which I refer to here as a 'methodological mosaic'), will provide a systematic depth of analysis with validation of findings at various stages. The ethnographic approach helps researchers to use fieldwork (comprised of participant observation, informal discussions, and interviews) as a strategy to investigate the phenomenon in its social context and natural settings through direct engagement with people. The ethnographic approach for empirical investigation also provides validation strategies, such as triangulating multiple data sources, getting thick descriptions of experience-based narratives, and the first-person point of view on socially constructed realities (Denscombe, 2007; Hammersley, 2006; Murchison, 2010).

Young adult migrants are a potential human capital for the country, and they are supposed to be developed into resources for the social and economic sustainability of society (Fangen et al., 2016). This paper presents a methodological proposal for my study of social resilience and young adult migrants' lived experiences. Following the initial literature review and the formulation/revision of the research question, I will contact non-governmental organizations (NGOs) and local municipalities in four selected cities in the south of Sweden that have received the most migrants during the last ten years. Generally, there are three types of organizations that work for migrants: religious organizations (such as church), civil society organizations, and local municipalities. These NGOs and local municipalities will serve as gate openers for my study, and I will be able to participate in activities for migrants (such as language cafes). This participation will assist to identify and contact individuals. The participants are young adult migrants (19 to 25 years old) who have lived in Sweden for at least two years.

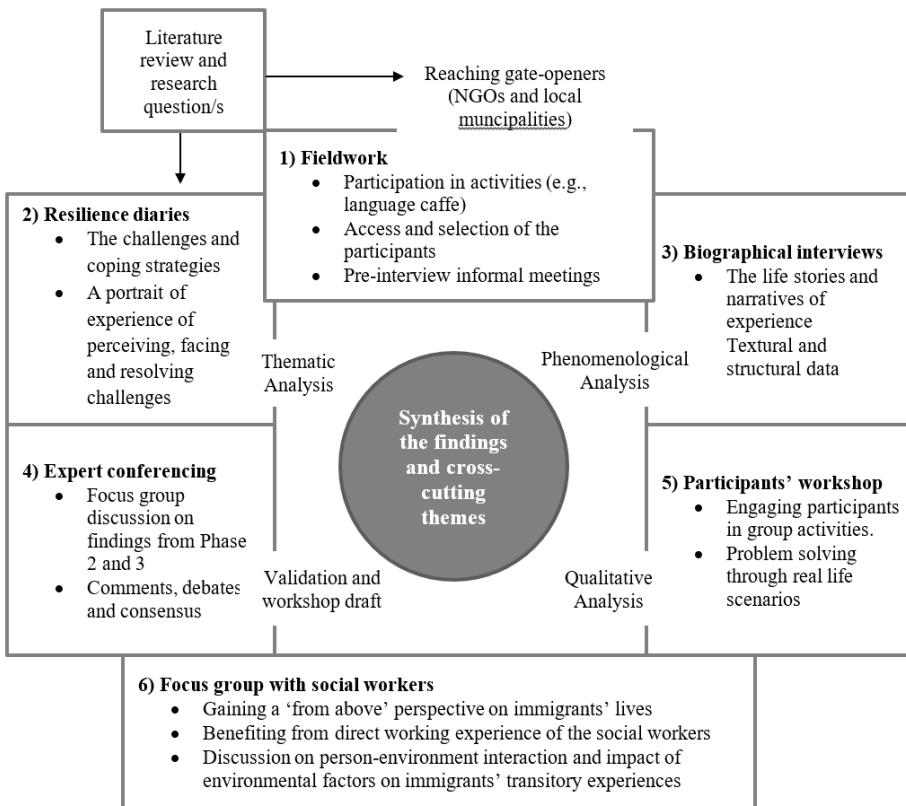
The first step in gaining access to the participants is to do fieldwork. Figure 2 shows the planned research process.

Fieldwork and Participant Observation

During fieldwork, researchers are “more or less contemporaneous with the events, experience, and interactions they describe or recount” (Emerson et al., 2001:353). The fieldwork sets the stage for creating trusted connections (between the researcher and participants), identifying potential participants, understanding contextual dimensions of the data, and enhancing the quality of the research through accuracy and consistency in descriptions of the narratives and experiences (Qamar, 2021). The primary objective of the fieldwork in this project is to get access to the participants and explore the activities organized by the organizations working with migrants. In Sweden, different NGOs collaborate with local communes to organize activities for migrants, such as language learning, social meetings, and sports activities. Migrants from different ethnic backgrounds and age groups

Figure 2

The Proposed Research Process to Explore Young Adult Migrants’ Lived Experiences

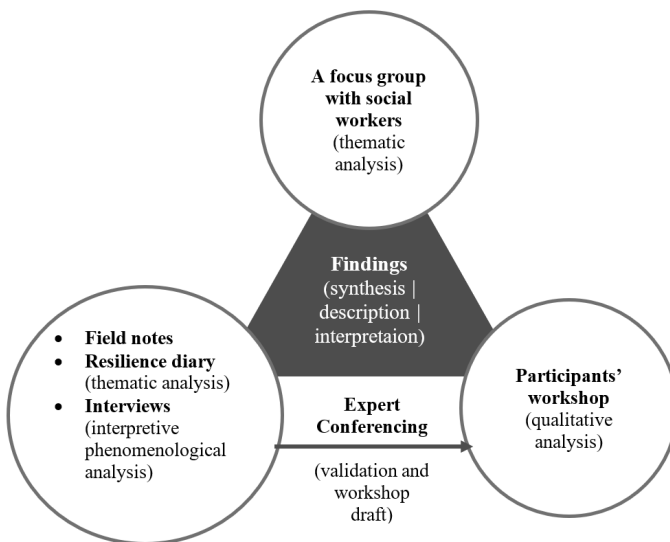
attend these activities. Recently I have initiated contacts with local municipalities and NGOs (including the church) to make connections, visited a sports organization that organizes activities for migrants, and also attended a language café and a children’s outdoor activity organized by the sports organization in collaboration with the local municipality. Now there are plans to extend my connections across organizations and municipalities to conduct fieldwork with participant observation. Being with the social workers on site, and spending time with the migrants during activities will enable the description of the activities, their purpose, and how they may help the migrant families.

Hence, the fieldwork will include onsite visits to have a keen observation of activities organized by social workers. Being a participant observer, I intend to get an insight into the activities, social interactions, and an understanding of the migrants’ needs and corresponding strategies and solutions offered by the social workers. As most of the activities are done once a week (such as a church café, a language café, etc.), and other events (organized for migrants) are scheduled differently, the fieldwork will suffice the purpose to record the observations (field notes) of the activities and events in all four municipalities. These field notes will provide a descriptive record of the physical settings, social interactions, activities, and casual conversations. I will also use these field notes to add supplementary information obtained from the social workers and migrants present in these activities. The field visits will allow for casual talks and identifying potential participants for interviews. This is useful for establishing rapport and trust to obtain informed consent for a participation in the study.

My methodological mosaic will include the data collection methods listed below (Figure 3).

Figure 3

A Methodological Mosaic to Explore Young Adult Migrants’ Lived Experiences

Resilience Diaries

Resilience diaries can provide a snapshot of the participant's perceptions and experiences related to the challenges they face and resolve. The diary is a journal of events and activities that the diary writers consider relevant to their lives for some specific reason (Rokkan et al., 2015). Diary writing is used as an interpretative testing method in educational research (Engin, 2011; Sá, 2002), and as a child-friendly testing method in child research (Lämsä et al., 2012; Punch, 2002). Diary writing is a 'participant-friendly' research method that allows participants the freedom, time, and space to describe their activities, memories, and plans. It implies a commitment to document a phenomenon, incident, or event in one's life. It is important to give participants a clear goal and guidelines to write the diary. In this research, participants who are willing to write a diary are asked to write about the incident/s they experience in their lives as migrants reporting challenges they face and their coping strategies. Participants are given one month to keep a diary without any restriction on the length of the information they want to write. Once during the month, they are contacted briefly for a follow-up. They are asked to write their stories in response to the following questions:

- Describe the incident/challenging situation you want to share (what happened). Try to recall the time, date, location, and situation as best as you can.
- What were the immediate thoughts and feelings you had when you faced the situation or encountered the problem for the first time?
  - What were your major concerns and worries at that time?
  - How did you manage and deal with the problem?
  - What did you learn that will help you to deal with a similar situation in the future?

These specific questions help individuals organize their memories and compose their writing. It is also useful for the researcher to read and reflect on the content. These diaries that I refer to as 'resilience diaries' are similar to solicited diaries in which people are requested to write for specific reasons (Milligan & Bartlett, 2019). Participants who are reluctant to be interviewed will feel comfortable writing a resilience diary. Another advantage is gaining an understanding of the data and preparing for the interviews that will be conducted following the reflective thematic analysis of the resilience diaries.

After the diaries are collected, a reflexive thematic analysis (Braun & Clarke, 2019) of the content of the diaries will be performed using the above-mentioned questions to reflect upon the content of the diaries. The reflexive thematic analysis provides the theoretical flexibility to identify and analyze patterns in the data. The description of the themes that have emerged from the data provides useful information related to the challenges faced and resolved. This information will be used to prepare guidelines for conducting biographical interviews. Hence, this first phase of data collection and data analysis will also benefit as a pilot study.

Biographical Interviews

Life stories can inform us on how people make sense of the world they interact with and experience. Following interpretive traditions in qualitative research, Schütze's biographical method is considered effective for its reflexivity in exploring specific experiences in the context of challenges and changes that shape people's lives. A biographical interview provides the life stories of participants in their own words and according to their deeper understanding of lived experiences (Schütze, 1992a, 1992b; Szczepanik & Siebert, 2016; Treichel & Schwelling, 2006). Hence, in my study of young adult migrants' lives, unstructured narrative interviews will benefit the reconstruction of migrants' stories into experience narratives. Without using structured questions to restrict the openness of experience and perceptions, a W3H (What, When, Why, and How) approach will be used to ask probing questions during the interview to gain a textural (what is experienced) and structural (how it is experienced) description of lived experiences. The phenomenological analysis of the interview data will be used to search for meaning and meaning-making in the data, cross-cutting themes, and comprehensive knowledge of various interconnected aspects of social resilience used to search for meaning and meaning-making in the data, cross-cutting themes, and comprehensive knowledge of various interconnected aspects of social resilience.

In the south of Sweden, migrants are predominantly from Arab countries (Arabic speaking) followed by migrants from Iran and Afghanistan (Dari or Persian speaking). Young adult migrants who have lived in Sweden for more than four years also speak Svenska (Swedish language). As I am not an expert in these languages, I will seek help from interpreters who can speak the migrants' language and the English language.

Expert Conferencing

After synthesizing the findings from resilience diaries and interviews, a discussion guide will be prepared including thematic illustrations of the findings corresponding to the research question. To discuss the findings, a focus group with qualitative researchers and academic professionals (working in migration studies) will be conducted. The focus group participants will include researchers (studying migrants in Sweden) and the professionals from social work organizations (in Sweden). The participants will be accessed through organizations (academia and social work organizations), and connections established during the research and fieldwork will be used.

This focus group is referred to as 'expert conferencing' to fulfill two important objectives in this methodological mosaic. First, it will be useful to validate the findings of the study while receiving experts' reflections. Second, experts' comments, debates, and consensus will be used to prepare a draft for the workshop activities to be organized for the participants. To achieve these objectives, the discussion guide will be provided to the participants at least two weeks before the focus group discussion. The discussion commentary will be added to the discussion guide corresponding to the thematic categories.

A Participants' Workshop

The primary objective of the workshop, in line with participatory research (Cornwall & Jewkes, 1995), is to engage participants in group activities, such as addressing given situations relevant to the problems migrants encounter while exchanging knowledge and experience. The data collected in previous phases of this research plan and expert conferencing (Figure 3) will provide the content for the workshop activities. The session will be open to all participants (including those who have already participated in this research). In this format, workshop participants are considered as co-researchers, with the researcher acting only as a moderator. The data collected during the workshop is comprised of the responses of various groups of participants to the given scenarios, which will be analyzed to identify a pattern of situational problem-solving and conscious awareness of environmental barriers and supports that contribute to the process of social resilience. The content of the workshop will include the participants' perceptions about the given problems, their approaches to solving the problems, the sources of information that they will use, and the way they plan their interactions with other actors (including social workers, local community, migrants, and officials). Interpreters will help to engage the participants in the workshop activities.

A Focus Group with Social Workers

To gain a 'from above' perspective on the challenges that young adult migrants face in Sweden, it is imperative to analyze how social workers (who deal with migrants in support activities) interpret those challenges. After collecting all of the above-mentioned ground-up data, a focus group guide for social workers will be developed. This guide will be used to explore the lives of young adult migrants in Sweden in the context of environmental factors and their impact on the social resilience process. Participants in the focus group will be recruited through NGOs and local communes where they operate as social workers. The information in this dataset will contribute to the depth and rigor of the findings because of their first-hand working experience with migrants. Themes describing social workers' perceptions of young adult migrants' lives and the process of social resilience will be explored using reflexive thematic analysis (Braun & Clarke, 2019) of focus group data.

The Methodological Mosaic

The mosaic approach in research provides flexibility to use multiple methods, recognition of participants' voices, and reflexive thinking to interpret findings (Clark, 2017). In the context of young adult migrants' lives in a host country, the lived experiences are marked by complex transitions from vulnerability to stability. A methodological mosaic that involves multiple data sources and qualitative analysis helps researchers to contextualize findings and provide a comprehensive and coherent interpretation of the phenomenon. All different pieces of data collected through field notes, resilience diaries, biographical interviews, expert conferencing,

participants' workshops, and the focus group with social workers (Figures 2 and 3) provide a mosaic to synthesize and interpret the pathways of social resilience from risk exposure and perception to stability and integration. The coherent approach to design and connect each piece of this mosaic provides data sources and data analysis triangulation strengthening and grounding the findings of the qualitative research in the context. The significance of this methodological mosaic in exploring the lives of young adult migrants lies in the richness of data, the thickness of description, and the coherence of interpretation.

Challenges in the Realisation of the Plan

The multimethod approach in this research plan is itself a strength of the research plan concerning validation, accuracy, consistency, and trustworthiness of the research; however, certain challenges need to be addressed. The first challenge is the access to participants that requires an extended network of social connections with organizations and municipalities. According to my recent experience, while initiating contacts with local organizations, 'snowballing' was found to be a helpful strategy to extend connections across different organizations in different cities. For this purpose, colleagues at universities are being contacted as well as other researchers who have recently worked in this direction. They may help reach other people and organizations.

The second challenge is related to the migrants' language. As mentioned earlier, the majority of migrants speak Arabic, Dari, and Persian, and interpreters will be helpful to interact with the participants. However, it does not mean that migrants from African countries (who cannot speak Arabic) can be engaged. Hence, the research will be mainly focused on migrants who can speak a language of the majority of migrants. This is a limitation of my research.

The third challenge is related to the data analysis approach. With different types of data sets, I should proceed with the relevant type of data analysis. In this case, thematic analysis for resilience diaries and focus group interviews will be used. However, in-depth interviews are mainly based on a phenomenological investigation of lived experiences. Hence, the interpretive phenomenological analysis will be used to explore individual experiences and life stories. Field notes will be used as a descriptive support to contextualize and interpret the findings, whereas the workshop content will be analyzed using descriptive qualitative analysis to understand the participants' approach to social resilience in certain situations. Overall, it is challenging to bring these pieces together to form a mosaic; however, different but relevant types of analysis of the data sets will be helpful to find patterns across the data sets that can determine the characteristics of the social resilience phenomenon and the role of person-environment interaction and social experiences in enhancing the phenomenon.

Conclusions

In recent years, the debates on migrants' welfare, their role in country development, and a socially sustainable society have gained significance. The planned study

will contribute to rare bottom-up qualitative research with an emphasis on the social dimension of resilience using experiential knowledge and in-depth phenomenological insight. The young adult migrants are full of potential, and their diversities add to their capacity to contribute to the human and social capital of a host country. While their visibility and contribution to the socio-economic development are relevant to the needs of the emerging multicultural Swedish society, there is a need to investigate the quality of their social experiences and interactions. This research plan will also enhance social and educational institutions' research and practice by providing them with voices of young adult migrants and social workers as well as a phenomenological understanding of social resilience. The concept of using a methodological mosaic in social resilience and migration studies provides a solid foundation for conducting multidisciplinary social science research. It also gives the freedom to engage experts from various disciplinary backgrounds and benefits from diverse perspectives to connect the methodological pieces. Furthermore, the findings of interdisciplinary qualitative investigations using methodological mosaics may give an appropriate framework for quantitative researchers to hypothesize their top-down studies close to the context. The potential findings of this study will be useful for researchers, educators, counselors, social workers, and policymakers. The proposed methodological mosaic can be useful to conduct phenomenological studies in behavioral sciences investigating marginalized individuals or communities.

References

- Adger, W. N. (2000). Social and ecological resilience: are they related? *Progress in Human Geography*, 24(3), 347–364.
- Adger, W. N., Kelly, P. M., Winkels, A., Huy, L. Q., & Locke, C. (2002). Migration, remittances, livelihood trajectories, and social resilience. *AMBIO: A Journal of the Human Environment*, 31(4), 358–366.
- Ahlgren, K., & Rydell, M. (2020). Continuity and change. Migrants' experiences of adult language education in Sweden. *European Journal for Research on the Education and Learning of Adults*, 11(3), 399–414.
- Atallah, D. G. (2016). Toward a decolonial turn in resilience thinking in disasters: Example of the Mapuche from Southern Chile on the frontlines and faultlines. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 19, 92–100.
- Baghdasaryan, Z., Lampa, E., & Osman, F. (2021). 'Let us understand each other and work together in the child's best interest' – Exploring the narratives of newly arrived refugee parents in Sweden. *International Journal of Intercultural Relations*, 81, 226–235.
- Berry, J., & Kim, U. (1987). Comparative studies of acculturative stress migration and health. *International Migration Review*, 21, 491–511.
- Bogardi, J. J., & Fekete, A. (2018). Disaster-related resilience as ability and process: A concept guiding the analysis of response behavior before, during, and after extreme events. *American Journal of Climate Change*, 7(1), 54–78. <https://doi.org/10.4236/ajcc.2018.71006>
- Bohle, H. G., Etzold, B., & Keck, M. (2009). Resilience as agency. *IHDP Update*, 2(2009), 8–13.
- Braun, V., & Clarke, V. (2019). Reflecting on reflexive thematic analysis. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*, 11(4), 589–597.

- Caplan, S. (2007). Latinos, acculturation, and acculturative stress: A dimensional concept analysis. *Policy, Politics, & Nursing Practice*, 8, 93–106.
- Carlbam, S. (2021). Temporality and space in highly skilled migrants' experiences of education and work in the rural north of Sweden. *International Journal of Lifelong Education*, 40(5-6), 485–498.
- Clark, A. (2017). *Listening to young children, expanded third edition: A guide to understanding and using the mosaic approach*. Jessica Kingsley Publishers.
- Clark, A., & Moss, P. (2001). *Listening to young children: the Mosaic approach*. London, England: National Children's Bureau for the Joseph Rowntree Foundation.
- Cornwall, A., & Jewkes, R. (1995). What is participatory research? *Social Science & Medicine*, 41(12), 1667–1676.
- Coyne, J. C., & Downey, G. (1991). Social factors and psychopathology: Stress, social support, and coping processes. *Annual Review of Psychology*, 42(1), 401–425.
- Creswell, J. W. (1998). *Qualitative inquiry and research design: Choosing among five traditions*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
- Dagdeviren, H., & Donoghue, M. (2019). Resilience, agency and coping with hardship: evidence from Europe during the Great Recession. *Journal of Social Policy*, 48(3), 547–567.
- Dagdeviren, H., Donoghue, M., & Promberger, M. (2016). Resilience, hardship and social conditions. *Journal of Social Policy*, 45(1), 1–20. <https://doi.org/10.1017/S004727941500032X>
- Denscombe, M. (2007). *The good research guide: for small-scale social research projects*. Berkshire: Open University Press.
- Eliassi, B. (2017). Conceptions of immigrant integration and racism among social workers in Sweden. *Journal of Progressive Human Services*, 28(1), 6–35.
- Emerson, R. M., Fretz, R. I., & Shaw, L. L. (2001). Participant observation and field notes. In P. Atkinson, A. Coffey, S. Delamont, J. Lofland, & L. Lofland (Eds.), *Handbook of ethnography* (pp. 352–368). SAGE.
- Engin, M. (2011). Research diary: A tool for scaffolding. *International Journal of Qualitative Methods*, 10(3), 296–306.
- Estevão, P., Calado, A., & Capucha, L. (2017). Resilience: Moving from a “heroic” notion to a sociological concept. *Sociologia, Problemas e Práticas*, 85, 9–25. <https://doi.org/10.7458/SPP20178510115>
- Fangen, K., Fossan, K., & Mohn, F. A. (Eds.). (2016). *Inclusion and exclusion of young adult migrants in Europe: Barriers and bridges*. Routledge.
- Garmezy, N., Masten, A. S., & Tellegen, A. (1984). The study of stress and competence in children: A building block for developmental psychopathology. *Child Development*, 55(1), 97–111. <https://doi.org/10.2307/1129837>
- Garrett, P. M. (2016). Questioning tales of ‘ordinary magic’: ‘Resilience’ and neoliberal reasoning. *The British Journal of Social Work*, 46(7), 1909–1925. <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcv017>
- Hall, P. A., & Lamont, M. (2013). Introduction. In P. A. Hall & M. Lamont (Eds.), *Social resilience in the neoliberal era* (pp. 1–31). Cambridge: Cambridge University Press.
- Hammersley, M. (2006). Ethnography: problems and prospects. *Ethnography and Education*, 1(1), 3–14.
- Hareven, T. K. (2018). *Families, history, and social change: Life-course and cross-cultural perspectives*. Routledge.
- Holtorf, C. (2018). Embracing change: how cultural resilience is increased through cultural heritage. *World Archaeology*, 50(4), 639–650.
- Hundt, G. L., Chatty, D., Thabet, A. A., & Abuateya, H. (2004). Advocating multi-disciplinarity in studying complex emergencies: the limitations of a psychological approach to understanding how young people cope with prolonged conflict in Gaza. *Journal of Biosocial Science*, 36(4), 417–431.

- Hutchison, E. D. (2010). A life course perspective. In E. D. Hutchison, *Dimensions of human behavior: The changing life course* (pp. 1–38). SAGE Publications.
- Jasso, G., & Rosenzweig, M. R. (1990). *The new chosen people: Immigrants in the United States*. Russell Sage Foundation.
- Keck, M., & Sakdapolrak, P. (2013). What is social resilience? Lessons learned and ways forward. *Erdkunde*, 67(1), 5–19. <https://www.jstor.org/stable/23595352>
- Lämsä, T., Rönkä, A., Poikonen, P. L., & Malinen, K. (2012). The child diary as a research tool. *Early Child Development and Care*, 182(3-4), 469–486.
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. Springer.
- Leedy, P., & Ormrod, J. (2001). *Practical research: Planning and design* (7th ed.). Upper Saddle River, NJ; Thousand Oaks, CA: Merrill Prentice Hall; SAGE Publications.
- Leist, M., & Hengstler, J. G. (2018). Essential components of methods papers. *Alternatives to Animal Experimentation: ALTEX*, 35(3), 429–432.
- Lyck-Bowen, M. (2020). Multireligious cooperation and the integration of Muslim migrants in Sweden. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 690(1), 168–174.
- Marshall, N. A., & Marshall, P. A. (2007). Conceptualizing and operationalizing social resilience within commercial fisheries in northern Australia. *Ecology and Society*, 12(1). <https://www.jstor.org/stable/26267830>
- Masten, A. S. (2001). Ordinary magic: Resilience processes in development. *American Psychologist*, 56(3), 227–238. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.56.3.227>
- Messina Dahlberg, G., Vigmo, S., & Surian, A. (2021). Widening participation? (Re)searching institutional pathways in higher education for migrant students – The cases of Sweden and Italy. *Frontline Learning Research*, 9(2), 145–169.
- Milligan, C., & Bartlett, R. (2019). Solicited diary methods. In P. Liamputtong (Ed.), *Handbook of research methods in health social sciences* (pp. 1447–1464). Singapore: Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-10-5251-4_15
- Murchison, J. (2010). *Ethnography essentials: Designing, conducting, and presenting your research*. San Francisco, CA: Wiley, John & Sons.
- Norris, F. H., Stevens, S. P., Pfefferbaum, B., Wyche, K. F., & Pfefferbaum, R. L. (2008). Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities, and strategy for disaster readiness. *American Journal of Community Psychology*, 41, 127–150.
- Obrist, B., Pfeiffer, C., & Henley, R. (2010). Multi-layered social resilience: A new approach in mitigation research. *Progress in Development Studies*, 10(4), 283–293.
- Odmalm, P. (2011). Political parties and ‘the immigration issue’: Issue ownership in Swedish parliamentary elections 1991–2010. *West European Politics*, 34(5), 1070–1091.
- Pangallo, A., Zibarras, L., Lewis, R., & Flaxman, P. (2015). Resilience through the lens of interactionism: a systematic review. *Psychological Assessment*, 27(1), 1–20. <https://doi.org/10.1037/pas0000024>
- Pendall, R., Foster, K. A., & Cowell, M. (2010). Resilience and regions: building understanding of the metaphor. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 3(1), 71–84.
- Punch, S. (2002). Research with children: The same or different from research with adults? *Childhood*, 9(3), 321–341.
- Qamar, A. H. (2021). At-home ethnography: a native researcher’s fieldwork reflections. *Qualitative Research Journal*, 21(1), 51–64.
- Qamar, A. H. (2023). Conceptualizing social resilience in the context of migrants’ lived experiences. *Geoforum*, 139, Article 103680.

- Rokkan, T., Phillips, J., Lulei, M., Poledna, S., & Kensey, A. (2015). How was your day? Exploring a day in the life of probation workers across Europe using practice diaries. *European Journal of Probation*, 7(3), 201–217.
- Sá, J. (2002). Diary writing: An interpretative research method of teaching and learning. *Educational Research and Evaluation*, 8(2), 149–168.
- Saja, A. A., Goonetilleke, A., Teo, M., & Ziyath, A. M. (2019). A critical review of social resilience assessment frameworks in disaster management. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 35, Article 101096. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2019.101096>
- Schütze, F. (1992a). Pressure and guilt: War experiences of a young German soldier and their biographical implications. Part 1. *International Sociology*, 7(2), 187–208.
- Schütze, F. (1992b). Pressure and guilt: War experiences of a young German soldier and their biographical implications. Part 2. *International Sociology*, 7(3), 347–367.
- Smith-Osborne, A., & Whitehill-Bolton, K. (2013). Assessing resilience: A review of measures across the life course. *Journal of Evidence-based Social Work*, 10(2), 111–126.
- Southwick, S. M., Bonanno, G. A., Masten, A. S., Panter-Brick, C., & Yehuda, R. (2014). Resilience definitions, theory, and challenges: interdisciplinary perspectives. *European Journal of Psychotraumatology*, 5(1), Article 25338. <https://doi.org/10.3402/ejpt.v5.25338>
- Stepanova, O., & Romanov, M. (2021). Urban planning as a strategy to implement social sustainability policy goals? The case of temporary housing for immigrants in Gothenburg, Sweden. *Sustainability*, 13(4), Article 1720. <https://doi.org/10.3390/su13041720>
- Szczepanik, R., & Siebert, S. (2016). The triple bind of narration: Fritz Schütze's biographical interview in prison research and beyond. *Sociology*, 50(2), 285–300.
- Taloyan, M., Johansson, L. M., Saleh-Stattin, N., & Al-Windi, A. (2011). Acculturation strategies in migration stress among Kurdish men in Sweden: a narrative approach. *American Journal of Men's Health*, 5(3), 198–207.
- Thoits, P. A. (1986). Social support as coping assistance. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 54(4), 416–423. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.54.4.416>
- Treichel, B., & Schwelling, B. (2006). Extended processes of biographical suffering and the allusive expression of deceit in an autobiographical narrative interview with a female migrant worker in Germany. *Historical Social Research*, 31(3), 127–150.
- Ungar, M. (2003). Qualitative contributions to resilience research. *Qualitative Social Work*, 2(1), 85–102.
- Ungar, M. (2011). The social ecology of resilience: Addressing contextual and cultural ambiguity of a nascent construct. *American Journal of Orthopsychiatry*, 81(1), 1–17. <https://doi.org/10.1111/j.1939-0025.2010.01067.x>
- Ungar, M. (2012). Researching and theorizing resilience across cultures and contexts. *Preventive Medicine: An International Journal Devoted to Practice and Theory*, 55(5), 387–389. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2012.07.021>
- Ungar, M. (2013). Resilience, trauma, context, and culture. *Trauma, Violence, and Abuse*, 14, 255–266.
- Willig, C. (2001). *Introducing qualitative research in psychology: Adventures in theory and method*. Buckingham: Open University Press.
- Wingens, M., De Valk, H., Windzio, M., & Aybek, C. (2011). The sociological life course approach and research on migration and integration. In M. Wingens, M. Windzio, H. de Valk, & C. Aybek (Eds.), *A life-course perspective on migration and integration* (pp. 1–26). Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-007-1545-5_1
- Wissö, T., & Bäck-Wiklund, M. (2021). Fathering practices in Sweden during the COVID-19: experiences of Syrian refugee fathers. *Frontiers in Sociology*, 6, Article 721881. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.721881>
- Yeager, D. S., & Dweck, C. S. (2012). Mindsets that promote resilience: When students believe that personal characteristics can be developed. *Educational Psychologist*, 47(4), 302–314.

PSYCHOLOGICAL CORRELATES OF MOVIE PREFERENCES IN THE SITUATION OF THE COVID-19 PANDEMIC

T.A. KUBRAK^a

^aInstitute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaia Str., Moscow, 129366, Russian Federation

Психологические корреляты кинопредпочтений в ситуации пандемии COVID-19

T.A. Кубрак^a

^aФГБВН «Институт психологии РАН», 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Abstract

The article presents the results of an empirical research, continuing the series of our works in the field of psychology of film, aimed at acquiring new information about the psychological patterns of how movies are chosen. We studied the relation between psychological characteristics of the individuals, the specifics of their psychological response, and the movie choices they made in the situation of the COVID-19 pandemic. A total of 1,109 individuals took part in the online survey during the quarantine period (May-June 2020). Data from 811 participants (283 male and 528 female) were selected for analysis. Almost half of the participants (46.1%) started watching movies more often in quarantine. Measures: The Original Movie Preferences Measure, TIPI-RU Big Five Short Test, Coping Strategies Indicator by J. Amirkhan, and State-Trait Anxiety Inventory by Ch. Spielberger. It was found that the choice of films during the quarantine restrictions was determined

Резюме

В статье представлены результаты эмпирического исследования, продолжающего серию наших работ в области психологии кино и направленного на получение новых данных о психологических закономерностях его выбора. Изучалась связь индивидуально-психологических характеристик субъекта, особенностей психологического реагирования с кинопредпочтениями в ситуации пандемии COVID-19. Всего в онлайн-опросе, проведенном в период введения карантина (май – июнь 2020 г.), приняли участие 1109 человек, данные 811 (283 мужчин и 528 женщин) из которых были отобраны для анализа. Почти половина респондентов (46.1%) стали смотреть фильмы чаще во время карантина. Участники выполняли следующие методики: оригинальная методика «Кинопредпочтения», краткий тест «Большой пятерки» TIPI-RU, методика «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана, методика диагностики самооценки уровня тревожности Спилбергера – Ханина. Обнаружено, что выбор фильмов в ситуации распространения пандемии и введения ограничительных мер определялся как полом и стабильными психологическими

by gender and stable psychological characteristics (personality traits: extraversion, agreeableness, conscientiousness, emotional stability, openness to experience) as well as by less stable ones (coping strategies: avoidance, problem solving, seeking social support; anxiety: S-anxiety, anxiety as concern about pandemic). Gender and personality traits were strong predictors of most genre preferences. However, the choice of emotionally tense, realistic, and entertaining films was also related to coping strategies and levels of anxiety. During the quarantine, people turned to such genres due to their psychological characteristics and on the basis of current needs.

Keywords: psychology of film, movie preferences, psychological impact of the films, COVID-19, personality traits, coping strategy.

Tina A. Kubrak — Senior Researcher Fellow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, PhD in Psychology. Research Area: psychology of film, psychology of discourse, internet discourse
E-mail: kubrak.tina@gmail.com

характеристиками (чертами личности: экстравертность, дружелюбие, добросовестность, эмоциональная стабильность, открытость новому опыту), так и менее устойчивыми (копинг-стратегиями: разрешение проблем, поиск социальной поддержки, избегание проблем; показателями тревоги: ситуативная тревожность, тревога как обеспокоенность пандемией). Пол и черты личности явились сильными предикторами большинства жанровых предпочтений. Однако выбор эмоционально напряженных, реалистичных и развлекательных фильмов был также связан с копинг-стратегиями и уровнем тревоги. В период карантина люди обращались к таким жанрам в силу своих индивидуально-психологических особенностей и исходя из актуальных потребностей.

Ключевые слова: психология кино, кинопредпочтения, психологическое воздействие кино, COVID-19, личностные черты, стратегии совладания.

Кубрак Тина Анатольевна — старший научный сотрудник, лаборатория психологии речи и психолингвистики, ФГБУН «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психология кино, психология дискурса, интернет-дискурс.
Контакты: kubrak.tina@gmail.com

In recent decades, with the development of information technology, a person's immersion in mass media is significantly increasing. A large portion of consumed media products is occupied by films. According to sociological surveys, going to the cinema was the most popular way of spending leisure time before the pandemic¹. At the same time, the popularity of online services has grown, opportunities for Internet views have expanded greatly, and their frequency has rapidly increased during the pandemic. Along with other mass media, cinema has a significant influence on the psyche and behavior of people today (Morgan & Shanahan, 1997; Harris, 2002; Chong & La Ferrara, 2009; McGreavey & Liendfield, 2014; Hefner, 2019; Tylets & Krasnyanskaya, 2020; etc.). There are already opinions that both attitudes toward the pandemic and behavioral responses could have been largely shaped in advance by “pandemic” films (Wade, 2022).

The efficiency of psychological influence is a key issue in media research (Latynov, 2013). The connection of the impact with the activity of the person themselves and their motivation in turning to specific mass media products makes

---

¹ <http://www.fond-kino.ru/news/kto-ty-rossijskij-kinozritel/>

it necessary to study the psychological mechanisms of their choice. The choice is determined by a person's actual needs (McQuail & Windahl, 1981; Rubin, 1994) and is mediated by individual psychological characteristics (Voskresenskaya, 2015; Cohen, 2008; Iyengar & Hahn, 2009; etc.), among which personal features occupy a central place (Rentfrow et al., 2011; Kraaykamp & van Eijck, 2005; Weaver, 1991; etc.). Over the past decades, many studies have been conducted on the relationship between personality traits and media preferences. The Big Five personality traits (extraversion, emotional stability, agreeableness, conscientiousness, openness to experience) (Kraaykamp & van Eijck, 2005; Rentfrow et al., 2011), as well as psychoticism, stimulation seeking, Machiavellianism, aggressiveness, etc., were considered as determinants of preferences (Tamborini et al., 1987; Slater, 2003; Weaver, 1991). Different research designs were developed, from simple ones that identify links between traits and particular genres, TV shows, etc. (Kraaykamp, 2001; Kraaykamp & van Eijck, 2005; Mar et al., 2009), to more complex ones that involve identifying some global factors that include a wide range of media preferences (Rentfrow et al., 2011; Xu & Peterson, 2017).

Numerous works have shown the influence of personality traits on people's media preferences, especially such traits as openness, stimulation seeking, psychoticism, and conscientiousness; for example, people who are open to experience generally prefer more complex and emotionally stimulating media products and are not interested in non-original and popular ones (Kubrak & Latynov, 2019). In regard to movies, it was found that people with high openness to experience choose independent movies and dislike melodramas, action films, and comedies, while friendly people, on the contrary, prefer melodramas and comedies but are not interested in horror; extroverts choose dramas, films about love, comedies, and action movies, while introverts choose cartoons, tragedies, noir, horror, and fantasy (Cantador et al., 2013; Krcmar & Kean, 2005; Weaver, 1991). People with strong stimulation seeking prefer action and horror films to comedies (Krcmar & Kean, 2005; Slater, 2003; Knobloch-Westerwick, 2015), and people with high psychoticism prefer horror and erotica without interest in love movies or romantic comedies (Hall, 2005; Weaver, 1991). In addition, the choice is determined by gender and age (Orestova et al., 2021). For example, young people as well as men in general prefer thrilling and fear-inducing plots (Oliver et al., 2006; Oliver & Krakowiak, 2009; Mares & Sun, 2010).

The current study continues our research in the field of the psychology of film (Kubrak & Latynov, 2019; Kubrak, 2019, 2020). Previously, a connection between young people's film preferences and their personality traits, intelligence, and gender was revealed (Kubrak et al., 2017). However, the choice of films is determined not only by basic characteristics but may be due to less stable psychological characteristics and situational factors. For example, the turning to a media product may be caused by a desire to change an emotional state (Voskresenskaya, 2016; Oliver, 2008; Mares et al., 2008).

The COVID-19 pandemic was a key event in 2020-2021 that had a significant impact on all aspects of people's lives around the world. The uncertainty of the situation, quarantine restrictions, and health concerns affected people's emotional

states and psychological well-being and caused the need to find and form new patterns and strategies of behavior in a changed world (Chen et al., 2022; Sameer et al., 2020; Kostromina et al., 2022; Nestik et al., 2021; etc.). In the new circumstances, many people started to devote most of their time to watching films². According to the Global Web Index in the US and the UK, film products ranked third after coronavirus news and music among the Internet content consumed, which increased significantly after the outbreak³. Movies about pandemics and disasters gained great popularity⁴. For example, the film *Contagion* (2011) about the deadly virus spread was the most watched film in Russia⁵ and one of the most popular in the world at the beginning of the pandemic⁶. Due to the new circumstances for watching films, our research interest focused on the analysis of psychological patterns of how movies were chosen. A number of studies in other countries have also focused on psychological and related studies of cinema in the context of the pandemic, but they are still insufficient (Clasen et al., 2020; Scrivner et al., 2020; Qiao, 2021; Özkent, 2022; Reis, 2020; Testoni et al., 2021; Boursier et al., 2021; Henkel, 2022; Edgar et al., 2022). The aim of our study was to identify the psychological correlates of movie preferences in the situation of the COVID-19 pandemic. We put forward a general hypothesis about the connection between people's movie preferences, features of their psychological response, and individual psychological characteristics. Achieving the aim of the study involved the following tasks: to determine the structure of genre preferences; to identify the association between movie preference factors and personality traits, coping strategies, and levels of anxiety; to determine the contribution of individual psychological characteristics to the choice of films in a pandemic situation; to reveal the relations between the frequency of watching movies, coping strategies and levels of anxiety.

Methods

Participants

A total of 1,109 participants completed the online survey during the quarantine restrictions (May – June 2020). Participants were recruited through various social networks and personal accounts on the Internet, as well as through links from thematic websites. All individuals gave informed consent for their voluntary and anonymous participation in the study. Then 811 participants were selected: 283 (34.9%) males and 528 (65.1%) females aged 18 to 59 ($M=36$, $SD=10.2$).

² https://adindex.ru/news/researches/2020/05/15/281899.phtml?_sp=%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%BE

³ <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/covid19-media-consumption-generation-pandemic-entertainment>

⁴ <https://www.businessinsider.com/pandemic-and-2012-among-netflixs-most-popular-titles-2020-3>

⁵ <https://www.ridus.ru/news/326935>

⁶ <https://www.buzzfeednews.com/article/davidmack/contagion-movie-coronavirus>

Participants were from different regions of Russia and other countries with different lockdown conditions. Therefore, only data from participants who were in Russian cities with similar quarantine restrictions during the first wave of the pandemic were used. Data obtained after June 1, 2020, were excluded because most regions began to remove restrictive measures at that time.

Measures

1. The Original Movie Preferences Measure (Kubrak et al., 2017) is aimed at identifying genre film preferences. It includes a list of genres that most fully reflects the entire range of film products and is familiar to the majority of viewers. Participants were asked to rate how much they liked each of the 30 genres using a 7-point scale (from not at all like to very much like).

2. TIPI-RU, an adaptation of Ten-Item Personality Inventory (TIPI) by S. Gosling, P. Rentfrow, and W. Swann (Gosling et al., 2003; Sergeeva et al., 2016), measures five personality traits (extraversion, agreeableness, conscientiousness, emotional stability, openness to experience). Participants indicated the extent to which each item was characteristic of themselves using a 7-point scale (from strongly disagree with the statement to strongly agree with the statement).

3. Coping Strategy Indicator (CSI) by J. Amirkhan (Amirkhan, 1990) in the adaptation of N. A. Sirota and V. M. Yaltonsky is directed at the identification of dominant coping strategies (avoidance, problem solving, seeking social support) (Kupriyanov & Kuzmina, 2012). The measure presents possible ways of coping with problems. Participants chose one of three answers (strongly agree / agree / disagree) for each of the 33 statements.

4. State-Trait Anxiety Inventory (STAI) by Ch. Spielberger (Spielberger & Sydeman, 1994), in adaptation of Y. Khanin (Raigorodsky, 2011; Khanin, 1976). Participants assessed on a 4-point scale how much they agreed with each of the 20 statements describing their emotional state (State Anxiety Scale). In addition, participants completed items aimed at identifying their demographic characteristics, frequency, and preferred ways of watching movies, and items that revealed attitudes towards the pandemic and its threats (Table 1).

Procedure

Data were collected through the online survey *Movies and their Role in the Situation of the Pandemic*, which was an electronic version of the measures in Google Forms. The filling time was 15-20 minutes.

Statistical Methods

Descriptive statistics, factor analysis, independent two-sample t-test, and multiple regression analysis. The statistical software package IBM SPSS Statistics 23 was used for data processing.

Results

Descriptive statistics are presented in Table 1. Participants with a university degree were the majority of the sample (81%). Most of the participants (76.2%) watch movies or series several times a week or more. In a pandemic situation,

Table 1

Descriptive Statistics for Included Participants by Gender

	N = 811		Male N = 283		Female N = 528	
<i>Education</i>						
University degree	657	81.0%	197	69.6%	460	81.0%
Students	129	15.9%	71	25.1%	58	11.0%
Others	25	3.1%	15	5.3%	10	1.9%
<i>How often do you watch films/series?</i>						
Several times a week or more often	618	76.2%	207	73.1%	411	77.8%
Several times a month or less	193	23.8%	76	26.9%	117	22.2%
<i>Have you begun to watch movies / series more often in the situation of the pandemic?</i>						
Yes	374	46.1%	116	41%	258	48.9%
No, nothing has changed	346	42.7%	139	49.1%	207	39.2%
On the contrary, I watch less often	91	11.2%	28	9.9%	63	11.9%
<i>Do you usually watch movies/series alone or with other people?</i>						
Alone	447	55.1%	144	50.9%	303	57.4%
With other people	164	20.2%	68	24.0%	96	18.2%
Equally	200	24.7%	71	25.1%	129	24.4%
<i>Do you watch movies/series more often alone or with other people lately?</i>						
Alone	442	54.5 %	149	52.7 %	293	55.5%
With other people	222	27.4 %	85	30.0%	137	25.9%
Equally	147	18.1 %	49	17.3%	98	18.6%
<i>I am anxious about the threat of the virus</i>						
Strongly agree	139	17.1%	37	13.1%	102	19.3%
Agree	470	58.0%	153	54.1%	317	60.0%
Disagree	202	24.9%	93	32.9%	109	20.6%
<i>The pandemic is an extraordinary event in my life</i>						
Strongly agree	217	26.8 %	64	22.6%	153	29.0%
Agree	363	44.8 %	128	45.2%	235	44.5%
Disagree	231	28.5 %	91	32.2%	140	26.5%
<i>I do not trust information about the epidemiological situation from official sources</i>						
Strongly agree	251	30.9%	92	32.5%	159	30.1%
Agree	387	47.7%	138	48.8%	249	47.2%
Disagree	173	21.3%	53	18.7%	120	22.7%
<i>I follow the recommended rules to protect myself from the virus (restrictions on leaving the house, use of masks, gloves, etc.)</i>						
Strongly agree	497	61.3%	152	53.7%	345	65.3%
Agree	81	34.6%	112	39.6%	169	32.0%
Disagree	33	4.1%	19	6.7%	14	2.7%

Note. Values represent the number and percentage of participants.

almost half of the participants (46.1%) began to watch films more often, especially women (48.9% compared to 41% of men). 55.1% of participants usually watch movies alone. At the same time, some participants began watching more movies/serials with other people during lockdown (27.4% compared to 20.2% in usual conditions).

The connection of the participants' emotional states with the frequency of watching movies and the choice of viewing situation was determined. Anxiety related to the pandemic situation was defined using the STAI ("S-anxiety") and indexes of attitude toward various aspects of the pandemic. Factor analysis revealed two factors of attitude to the pandemic that explained 69.02 % of the variance: "Anxiety as a concern", which included the scales "I am anxious about the threat of the virus" with factor loadings 0.82, "The pandemic is an extraordinary event in my life" (0.80) and "I follow the recommended rules to protect myself against the virus" (0.61), and "Trust" – "I do not trust information about the epidemiological situation from official sources" (0.94). In accordance with the tasks of the study, in further analysis, only the first factor "Anxiety as a concern" was used, which represented the individual's reflection on the threats of coronavirus.

There were no significant differences in the levels of S-anxiety between those who began to watch movies more often during the pandemic and those whose habits did not change (t -test, $p = 0.127$). At the same time, such differences were found for "Anxiety as a concern" (t -test, $p = 0.003$). Among those who began to watch films more often, the level of concern was higher. In addition, such a coping strategy as avoidance was more typical for them (t -test, $p = 0.007$). The results are presented in Table 2.

There was no connection between anxiety and the viewing situation (alone or with other people) during the spread of the pandemic (t -test, $p > 0.05$), and this was consistent with the data relating to the normal viewing situation (t -test, $p > 0.05$). The results are presented in Table 3.

Table 2

Comparison of Anxiety and Coping Strategies among Those Who Increased/Did Not Change the Frequency of Movie Viewing during the Pandemic

	The frequency of viewings has increased (n=374)		The frequency of viewings has not changed (n=346)		t-test	
	M	SD	M	SD	t	p
S-anxiety	46.32	11.520	44.98	12.084	1.528	0.127
Anxiety as a concern (R)	-0.124	0.973	0.101	1.02	-3.030	0.003
Problem solving	23.79	4.434	23.90	4.374	-0.319	0.750
Seeking social support	20.56	5.641	19.90	5.472	1.591	0.112
Avoidance	19.02	4.091	18.22	3.828	2.709	0.007

Note. R = reverse-scored.

Table 3

Comparison of Anxiety among Those Who Preferred to Watch Movies Alone/with Other People

	The preferred situation for watching movies: alone		The preferred situation for watching movies: with other people		t-test	
	M	SD	M	SD	t	p
<i>During the pandemic (n = 442/n = 222)</i>						
S-anxiety	46.63	11.852	45.87	11.757	0.781	0.435
Anxiety as a concern (R)	0.005	1.000	-0.059	0.999	0.784	0.433
<i>Before the pandemic (n=447/n=164)</i>						
S-anxiety	46.03	11.810	44.76	11.854	1.174	0.241
Anxiety as a concern (R)	0.010	1.000	-0.118	1.011	1.397	0.163

Note. R = reverse-scored.

Factor analysis of the data obtained with the Original Movie Preferences Measure identified six movie preference factors that explained 55.56 % of the variance (Table 4). The analysis of the Bartlett’s test of sphericity ($p = 0.000$) and the Kaiser-Meyer-Olkin (KMO) measure ($KMO = 0.829$) indicated that data were adequate for factor analysis. The resulting factor structure made it possible to interpret each factor based on several variables.

The first factor, Emotional Tension (21.36 % of the variance): thriller, horror, mystery, disaster, and criminal films. These films are characterized by heightened tension and emotionality; they can create an atmosphere of anxious uncertainty and suspense, and evoke emotions not experienced in ordinary life.

The second factor, Power (10.40 % of the variance): action, western, criminal, and war films. They have the stereotype of “male” movies. The plots are characterized by dynamism and the “heroism” of the protagonists.

The third factor, Lightness (7.75 % of the variance): romantic comedy, melodrama, and comedy. This factor is composed of entertainment films with an uncomplicated plot, positive emotional content, and a happy ending.

The fourth factor, Fantasy (6.76 % of the variance): fantasy, sci-fi, anime, and animation. Fantasy and animated films are characterized by a certain fictitiousness or even fabulousness of the plot, and conventionality of the forms of representation.

The fifth factor, Art (6.00 % of the variance): auteur cinema, classic, and silent films. These movies have a rather high artistic level. They may not be popular with most viewers.

The sixth factor, Realism (4.29 % of the variance): documentary, historical, and biographical films. This factor combines together feature and documentary films in which a story is told about particular events or people.

A multiple regression analysis was conducted to determine the association of gender and individual psychological characteristics with movie preferences. The results are presented in Table 5. The dependents variables were factors of movie

Table 4

Factor Structure of Movie Preferences

Genres	Factors					
	1	2	3	4	5	
Auteur cinema		-0.121*			0.758*	0.156
Animation				0.626*	0.403	
Anime			-0.108	0.670*	0.300	
Biography			0.121		0.157	0.758*
Action	0.252	0.719*		0.207	-0.116	
Western	0.164	0.726*		0.187	0.220	0.101
War film		0.635*				0.369
Detective film	0.382	0.319	0.226	-0.123		0.192
Documentary					0.197	0.621*
Drama	0.381	-0.182	0.332	-0.162	0.400	0.340
Historical film		0.174				0.745*
Classic film			0.195		0.586*	0.331
Comedy		0.285	0.693*	0.111		
Criminal film	0.521*	0.532*	0.197	-0.101		
Melodrama	0.164		0.782*			
Mystery	0.684*		0.117	0.369		
Musical		0.207	0.346	0.345	0.301	
Silent film		0.198		0.202	0.692*	0.102
Adventure	0.251	0.330	0.369	0.448	-0.132	
Psychological drama	0.417	-0.308	0.293	-0.167	0.469	0.214
Romantic comedy	-0.102		0.838*			
Sports film		0.459	0.290			0.325
Thriller	0.783*	0.162			0.117	
Disaster film	0.599*	0.255		0.133	-0.191	0.227
Horror	0.675*	0.164	-0.216	0.173		
Sci-Fi	0.396	0.180		0.706*	-0.172	
Fantasy	0.274	0.147	0.111	0.763*	-0.167	
Black comedy	0.423	0.269		0.109	0.361	-0.158
Film adaptation	0.219		0.318	0.159	0.226	0.348
Erotica	0.181	0.298	0.261		0.250	

Note. Factor loadings less than 0.1 are excluded, and factor loadings over 0.5 are marked *.

preferences, the independent variables were gender, personality traits (extraversion, agreeableness, conscientiousness, emotional stability, openness to experience), coping strategies (avoidance, problem solving, seeking social support), anxiety (S-anxiety), and attitude to pandemic (anxiety as concern about pandemic).

It was determined that gender affects movie preferences: male gender is a predictor of the choice of films related to Emotional Tension, Power, and Fantasy factors, and female gender – Lightness, and Realism factors.

Table 5

Association of Movie Preferences with Gender and Psychological Characteristics

Variables	Emotional Tension			Power			Lightness		
	B	SEB		B	SEB		B	SEB	
Gender	-0.198	0.081	-0.095*	-1.001	0.071	-0.478***	0.343	0.076	0.164***
<i>Personality traits</i>									
Extraversion	0.009	0.014	0.025	0.049	0.012	0.140***	0.035	0.013	0.100**
Agreeableness	-0.014	0.017	-0.030	-0.024	0.015	-0.051	0.077	0.016	0.164***
Conscientiousness	-0.006	0.014	-0.017	0.016	0.012	0.043	0.028	0.013	0.078*
Emotional Stability	0.007	0.014	0.022	0.004	0.012	0.013	-0.014	0.013	-0.044
Openness	-0.003	0.014	-0.007	-0.033	0.013	-0.087**	-0.013	0.013	-0.035
<i>Coping strategies</i>									
Problem solving	0.012	0.009	0.055	-0.010	0.008	-0.045	-0.005	0.008	-0.021
Seeking social support	-0.008	0.007	-0.045	0.005	0.006	0.030	0.030	0.006	0.167***
Avoidance	0.022	0.009	0.088*	0.008	0.008	0.030	0.011	0.009	0.043
S-anxiety	-0.001	0.004	-0.014	-0.007	0.003	-0.079*	-0.010	0.003	-0.122**
Anxiety as a concern (R)	0.035	0.037	0.035	0.014	0.032	0.014	-0.071	0.034	-0.071
R ²	0.032			0.268			0.158		
F	2.415**			26.616***			13.596***		
Variables	Fantasy			Art			Realism		
	B	SEB		B	SEB		B	SEB	
Gender	-0.231	0.080	-0.110**	0.031	0.080	0.015	0.215	0.080	0.103**
<i>Personality traits</i>									
Extraversion	-0.026	0.014	-0.074	-0.047	0.014	-0.133***	0.039	0.014	0.111**
Agreeableness	0.045	0.017	0.097**	0.021	0.017	0.045	0.008	0.017	0.018
Conscientiousness	-0.035	0.014	-0.096*	-0.028	0.014	-0.079*	0.010	0.014	0.028
Emotional Stability	0.018	0.014	0.056	-0.009	0.014	-0.028	-0.004	0.014	-0.011
Openness	0.034	0.014	0.090*	0.086	0.014	0.226***	0.032	0.014	0.085*
<i>Coping strategies</i>									
Problem solving	-0.004	0.009	-0.017	0.000	0.009	0.000	0.014	0.009	0.063*
Seeking social support	0.009	0.007	0.048	-0.004	0.007	-0.020	-0.017	0.007	-0.093*
Avoidance	0.008	0.009	0.034	0.009	0.009	0.037	0.010	0.009	0.040
S-anxiety	-0.004	0.004	-0.046	-0.002	0.004	-0.025	-0.004	0.004	-0.049
Anxiety as a concern (R)	-0.071	0.037	-0.071	-0.002	0.036	-0.002	-0.099	0.037	-0.099**
R ²	0.048			0.061			0.052		
F	3.367***			4.726***			4.023***		

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Note. R = reverse-scored.

In addition, movie preferences are determined by personality traits. Extroversion is a positive predictor of the choice of films belonging to the Power, Lightness, and Realism genre preferences and a negative predictor – Art. Agreeableness is positively associated with Lightness and Fantasy factors. Conscientiousness is positively associated with the Lightness factor but negatively connected with the Fantasy factor. Openness to experience is a negative predictor of preference for Power genres and a positive predictor for Fantasy, Art, and Realism.

Coping strategies also have an influence on the choice of films. Problem solving strategy is positively related to the Realism movie preference factor, and avoidance strategy is positively related to Emotional Tension. Seeking social support strategy is a positive predictor of Lightness movie preferences and a negative predictor of Realism.

A higher level of anxiety negatively influenced the choice of films belonging to the Power, and Lightness genres. Anxiety, reflecting the levels of concern about the pandemic, was positively associated with the Realism factor.

Discussion

In the present research, we studied the relationship between the psychological characteristics of the individuals, the specifics of their psychological response, and their movie preferences in the situation of the COVID-19 pandemic.

In the course of this study, it was discovered that during the first wave of restrictions (April – May 2020) people started to watch movies and series more often. On the one hand, such a phenomenon is attributed to the fact that during the quarantine people were forced to stay at home, and were left without their usual forms of diverse entertainment, so, they turned to movies to fill the void. On the other hand, more frequent viewings than usual were noted by those who expressed more concern about the pandemic and who were characterized by an avoidance strategy. This strategy implies that “a person tries to avoid contact with the reality around him, to get away from solving problems” (Kupriyanov & Kuzmina, 2012, p. 110). Being one of the leading behavioral strategies in the formation of maladaptive behavior, it is “aimed at overcoming or reducing distress”; such a strategy may also be adequate “depending on the specific stressful situation” (Ibid.). In times of an unfolding pandemic, it is very likely that watching movies allowed people to cope with negative emotions and traumatic psychological experiences and escape the daunting reality. The fact that people started to watch movies more during the pandemic and turn to this form of entertainment more frequently than before to escape from the reality is also demonstrated by other studies (Boursier et al., 2021; Pisarek & Zabielska-Mendyk, 2022).

It was also discovered that even though the situation of watching movies alone was still preferable, the number of those who watched movies together with other people during the quarantine increased. Since no correlation with the emotional state of anxiety and anxious attitudes was found, the more frequent co-viewing sessions are more likely caused by the changes in the routine of people’s daily life as

people started to spend more time together rather than it being caused by the changes in their psychological state.

The influence of gender and individual psychological characteristics on the choice of films was revealed. Stable characteristics (personality traits), relatively stable characteristics (coping strategies), and dynamic characteristics (emotional state, and attitudes to the pandemic) were significant predictors of movie preferences. However, their impact on the turn to certain films was different. Gender was a strong predictor: a significant association was found between gender and five of the six genre preference factors. This is consistent with other studies, which, for example, found that men prefer to watch thrillers, action, and horror films, and women prefer romantic movies (Oliver et al., 2006; Oliver & Krakowiak, 2009; Clasen et al., 2020).

Our results showed that emotionally tense movies were more favored by men. Such movies were also chosen by those who demonstrated distinctive avoidance strategy that probably allowed them to live through the emotions, including the emotions related to the anxiety about the uncertainty of life, fear, or the expectancy of a disaster, in a safe environment at the beginning of quarantine restrictions and such specific movies helped them to get through strong emotions. So, in a way, it taught them to be calmer about threatening situations (Shurick et al., 2012). As we mentioned above, the avoidance coping strategy, in some situations, helps to deal with negative experiences. There is already evidence that people who like to watch horror movies demonstrated that they were able to withstand the psychological challenges of the pandemic better (Scrivner et al., 2020). It is also in line with our own results which showed that people who liked movies of that specific genre didn't consider the pandemic to be something of critical proportions ($r = -0.072, p < 0.05$).

Gender was the major predictor of the choice of films related to the Power factor as well. Men more often preferred such "male" films. In addition, their attractiveness was determined by stable personality traits, higher extroversion, and lower openness, as well as a less stable characteristic – lower anxiety. Other researchers also noted that extroverts were interested in films with aggressive content (Krcmar & Kean, 2005). Viewers who chose dynamic and even violent films were active and conservative people, and they were quite stress-resistant in the pandemic situation. Previous findings showed an association of the Power factor with higher extraversion and lower neuroticism (Kubrak et al., 2017). It is likely that, in general, emotional stability determines such movie preferences regardless of the situation.

Predictors of the choice of light films were gender (female), higher agreeableness, extraversion, and conscientiousness. These results are generally consistent with previous findings on the relation between personality traits and such genre preferences (Kubrak et al., 2017; Cantador et al., 2013; Krcmar & Kean, 2005; etc.). Viewers who watch uncomplicated entertainment movies that evoke positive emotions are generally characterized by kindness, sociability, and organisation. It was also found that the strategy of seeking social support had the most impact on the choice of such films under quarantine restrictions. It is possible that comedies and

melodramas that engage viewers with their simple, unpretentious, and yet quite realistic stories with happy endings, provided people with emotional support during the development of the pandemic, especially those who utilize this coping strategy, (that is, highly social people for whom the quarantine restrictions could have been an enormous stress to live through, as the new reality could be too harsh for their personality type). There was also a negative correlation with such a dynamic characteristic as state anxiety. Despite the fact that, according to other studies, light genres are more likely to be chosen by emotionally unstable and neurotic people (Kraaykamp, 2001; Kraaykamp & van Eijck, 2005), the need for such movies was not detected in the state of current anxiety. Perhaps the light mood of entertaining movies was not consistent with the anxiety state.

The predictors of the attractiveness of fantasy films were only stable characteristics: gender (male), higher agreeableness and openness, and lower conscientiousness. We could not identify the influence of other, less stable psychological characteristics, on the choice of such films, which did not allow us to make any assumptions about particular interest in them during the quarantine. It is likely that the audience of such films is quite steady.

The films belonging to the Art factor were the only ones whose choice turned out to be unrelated to gender and was determined only by personality traits, primarily higher openness, and lower extroversion and conscientiousness. People who are open to new experiences generally choose more sophisticated, “aesthetic” genres and show no interest in traditional genres in contrast to those who are conscientious (Xu & Peterson, 2017; Rentfrow et al., 2011). Curiosity, a propensity for reflection, and unconventional behavior explain the attractiveness of “movies not for everyone,” often attributed to artworks. The influence of less stable characteristics was not found, as in the choice of fantasy films.

In contrast, turning to realistic movies was determined by gender (female) and it wasn't only defined by the set of stable characteristics like personality traits, which was also revealed in other studies (Xu & Peterson, 2017; Rentfrow et al., 2011), such as openness to new experiences and extroversion, but that it was also caused by less stable ones. A low tendency to seek social support and, on the contrary, a focus on solving problems as well as higher levels of concern about the pandemic influenced the choice of documentary or feature movies with realistic content which could probably give answers to the current issues. An assumption can be made that films about the pandemic began to be perceived more as realistic, and not just as disaster films with their usually fictional plots. This can explain the sharp increase of interest in such movies, when turning to them was, perhaps, one of the ways to implement the problem-solving strategy, when a person “tries to use all personal resources to find possible ways to effectively solve a problem.” (Kupriyanov & Kuzmina, 2012, p. 117). It is also worth noting that the combination of such a strategy with high levels of reflection on the threats from coronavirus is consistent with the idea that people with problem solving strategies are more likely to have a differentiated perception of difficult situations (Alperovich, 2020). As a result, using adequate coping strategies generally helped in lowering the levels of stress caused by the pandemic (Kryukova et al., 2020; Li et al., 2022).

It should be noted that there are limitations associated with the resulting regression models. Further research could include improving them by identifying new predictors of film choice related to other psychological characteristics and states.

Conclusion

In the situation of the COVID-19 pandemic, the turn to watching movies was determined by psychological and situational factors. More frequent viewings compared to the pre-pandemic period were revealed for those who expressed more concern about the pandemic and who were characterized by avoidance strategies. People began to watch movies more not only because they had more time during the quarantine restrictions, but also in order to help escape the frightening reality.

The specific genre preferences identified in the study (Emotional Tension, Power, Fantasy, Lightness, Art, Realism) were determined by a certain set of characteristics. Significant predictors were stable psychological characteristics (personality traits), relatively stable psychological characteristics (coping strategies), and dynamic characteristics (emotional state, attitude toward the pandemic), but their contributions differed. The choice of movies was more determined by stable characteristics and was less likely to be affected by situational influence. Gender and personality traits were strong predictors of most genre preferences. Action films were primarily chosen by men, while auteur and classic films attracted people who were open to new experiences and introverted. Apparently, the pandemic situation did not affect the audience of “art” films, as well as fantasy films, whose appeal was determined by stable psychological characteristics. The choice of emotionally tense, realistic, and entertaining movies was also influenced by less stable characteristics. These movie preferences were related to coping strategies and levels of anxiety. Associated with the avoidance strategy, the choice of thrillers and horror films allowed people to escape from reality and experience intense emotions in a safe environment. Problem solving strategy and higher levels of concern about the pandemic influenced the choice of films with realistic content that could provide answers to topical issues. Light films attracted those who needed support but were also emotionally ready to watch entertaining cinema, having lower levels of anxiety. During the quarantine, people turned to such genres due to their psychological characteristics and guided by their current needs.

The study has an important practical significance, as it expands ideas about the available tools for coping with stress. According to the received data, their use can have a personalized orientation. The results can be applied in the development of psychological assistance programs in order to improve the psychological well-being of people in various emergency situations.

References

- Alperovich, V. D. (2020). Coping-strategies of the subject related to images of a difficult life situation in metaphors and to social frustration. *Eksperimental'naya Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 13 (3), 143–155. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130311> (in Russian)
- Amirkhan, J. H. (1990). A factor analytically derived measure of coping: The coping strategy indicator. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59(5), 1066–1074. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.5.1066>
- Boursier, V., Musetti, A., Gioia, F., Flayelle, M., Billieux, J., & Schimmenti, A. (2021). Is watching TV series an adaptive coping strategy during the COVID-19 pandemic? Insights from an Italian community sample. *Frontiers in Psychiatry*, 12, Article 599859. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.599859>
- Cantador, I., Fernández-Tobías, I., Bellogín, A., Kosinski, M., & Stillwell, D. (2013). Relating personality types with user preferences in multiple entertainment domains. In *Proceedings of the 1st workshop on emotion and personality in personalized services (EMPIRE)* (pp. 13–28). http://ceur-ws.org/Vol-997/empire2013_proceedings.pdf
- Chen, J., Zhang, S. X., Yin, A., & Yáñez, J. A. (2022). Mental health symptoms during the COVID-19 pandemic in developing countries: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Global Health*, 12, Article 05011. <https://doi.org/10.7189/jogh.12.05011>
- Chong, A., & Ferrara, E. (2009). Television and divorce: Evidence from Brazilian novelas. *Journal of the European Economic Association*, 7, 458–468.
- Clasen, M., Kjeldgaard-Christiansen, J., & Johnson, J. A. (2020). Horror, personality, and threat simulation: A survey on the psychology of scary media. *Evolutionary Behavioral Sciences*, 14(3), 213–230. <https://doi.org/10.1037/ebs0000152>
- Cohen, J. (2008). What I watch and who I am: National pride and the viewing of Local and Foreign Television in Israel. *Journal of Communication*, 58, 149–167.
- Edgar, A., Dechant, M., & Eakin, C. (2022). “More of a training film”: Watching fictional outbreak narratives during the Covid-19 pandemic. *Southern Communication Journal*, 87(2), 181–191. <https://doi.org/10.1080/1041794X.2022.2036228>
- Gosling, S. D., Rentfrow, P. J., & Swann, W. B. Jr. (2003). A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 37, 504–528.
- Hall, A. (2005). Audience personality and the selection of media and media genres. *Media Psychology*, 7, 377–398.
- Harris, R. (2002). *Psikhologiya massovykh kommunikatsii* [A cognitive psychology of mass communications]. Saint Petersburg: Praim-Euroznak. (Original work (3rd ed.) published 1999)
- Hefner, V. (2019). Does love conquer all? An experiment testing the association between types of romantic comedy content and reports of romantic beliefs and life satisfaction. *Psychology of Popular Media Culture*, 8(4), 376–384.
- Henkel, D. (2022). No solo escapismo: las películas de ficción relacionadas con la medicina como herramientas terapéuticas y educativas en medio de una pandemia: Una investigación cinematográfica y literaria [Not just escapism: Fiction films related to medicine as therapeutic and educational tools amid a pandemic: A cinematic and literary research]. *Revista de Medicina y Cine*, 18(3), 225–236. <https://doi.org/10.14201/rmc.27801>
- Iyengar, S., & Hahn, K. S. (2009). Red media, Blue media: Evidence of ideological selectivity in media use. *Journal of Communication*, 59, 19–39.
- Khanin, Yu. L. (1976). *Kratkoe rukovodstvo k primeneniyu shkaly reaktivnoi i lichnostnoi trevozhnosti* [Brief guide to implementing the reactive and personality anxiety scale]. Leningrad: LNIIFK.

- Knobloch-Westerwick, S. (2015). *Choice and preference in media use*. New York, NY: Routledge.
- Kostromina, S., Moskvicheva, N., Zinovyeva, E., Odintsova, M., & Zaitseva E. (2022). Self-determination as a mechanism for personality sustainability in conditions of daily stress. *Sustainability*, 14(9), Article 5457. <https://doi.org/10.3390/su14095457> (in Russian)
- Kraaykamp, G. (2001). Parents, personality, and media preferences. *Communications. The European Journal of Communication Research*, 26, 9–30.
- Kraaykamp, G., & van Eijck K. (2005). Personality, media preferences, and cultural participation. *Personality and Individual Differences*, 38, 1675–1688.
- Krcmar, M., & Kean, L. G. (2005). Uses and gratifications of media violence: Personality correlates of viewing and liking violent genres. *Media Psychology*, 7, 399–420.
- Kryukova, T. L., Ekimchik, O. A., Opekina, T. P., & Shipova, N. S. (2020). Stress and coping in a self-isolated family during COVID-19 pandemic. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 11(4), 120–134. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110409> (in Russian)
- Kubrak, T. A. (2019). Post-event cinema discourse: concept, functioning, case study. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(4), 600–617. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-4-600-617> (in Russian)
- Kubrak, T. (2020). Impact of films: Changes in young people's attitudes after watching a movie. *Behavioral Sciences*, 10(5), Article 86. <https://doi.org/10.3390/bs10050086>
- Kubrak, T. A., Grebenshikova, T. A., & Pavlova, N. D. (2017). Psychological profile of a modern viewer: the structure and correlates of movie preferences. *Ekspериментальная Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 10(4), 5–19. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2017100401> (in Russian)
- Kubrak, T. A., & Latynov, V. V. (2019). *Psikhologiya kinodiskursa: faktory vybora, vospriyatie, vozdeistvie* [Psychology of cinema discourse: Factors of choice, perception, impact]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Kupriyanov, R. V., & Kuzmina, Y. M. (2012). *Psikhodiagnostika stressa* [Psychodiagnostics of stress]. Kazan: KNITU.
- Latynov, V. V. (2013). *Psikhologiya kommunikativnogo vozdeistviya* [Psychology of communicative impact]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Li, N., Fan, L., Wang, Y., Wang, J., & Huang, Y. (2022). Risk factors of psychological distress during the COVID-19 pandemic: The roles of coping style and emotional regulation. *Journal of Affective Disorders*, 299, 326–334. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.12.026>
- Mar, R. A., Oatley, K., & Peterson, J. B. (2009). Exploring the link between reading fiction and empathy: Ruling out individual differences and examining outcomes. *Communications*, 34, 407–428.
- Mares, M. L., Oliver, M. B., & Cantor, J. (2008). Age differences in adults' emotional motivations for exposure to films. *Media Psychology*, 11, 488–511.
- Mares, M. L., & Sun, Y. (2010). The multiple meanings of age for television content preferences. *Human Communication Research*, 36, 595–614.
- McGreavey, B., & Liendfield, L. (2014). Entertaining our way to engagement? Climate change films and sustainable development values. *International Journal of Sustainable Development*, 2(17), 123–136.
- McQuail, D., & Windahl, S. (2013). *Communication models for study of mass communication*. New York, NY: Routledge.
- Morgan, M., & Shanahan, J. (1997). Two decades of cultivation research: An appraisal and meta-analysis. *Communication Yearbook*, 20(1), 1–45. <https://doi.org/10.1080/23808985.1997.11678937>
- Nestik, T. A., Zhuravlev, A. L., & Vorobieva, A. E. (Eds.). (2021). *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshchestvo: Psikhologicheskie mekhanizmy i posledstviya* [The influence of the pandemic on the

- personality and society: psychological mechanisms and consequences]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS. https://doi.org/10.38098/fund_21_0442
- Oliver, M. B. (2008). Tender affective states as predictors of entertainment preference. *Journal of Communication*, 58, 40–61.
- Oliver, M. B., Kim, J., & Sanders, M. S. (2006). Personality. In J. Bryant & P. Vorderer (Eds.), *Psychology of entertainment* (pp. 329–341). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Oliver, M. B., & Krakowiak, K. M. (2009). Individual differences in media effects. In J. Bryant & M. B. Oliver (Eds.), *Media effects: Advances in theory and research* (pp. 517–531). New York, NY: Routledge.
- Orestova, V. R., Tkachenko, D. P., & Gass, O. K. (2021). Cinematography as an additional space for experiencing a situation of uncertainty. *Novye Psikhologicheskie Issledovaniya New Psychological Research*, 3, 97–120. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_03_05 (in Russian)
- Özgent, Y. (2022). Social reactions to the pandemic: Rising interest in pandemic movies. In C. Raluca (Ed.), *COVID-19 pandemic impact on new economy development and societal change* (pp. 279–295). Bucharest: Popescu Publisher.
- Pisarek, J., & Zabielska-Mendyk, E. (2022). Film preferences in the pandemic: Psychological resilience or an Escape from the pandemic reality. *Roczniki Psychologiczne*, 24. <https://doi.org/10.18290/rpsych21242-9s>
- Qiao, N. (2021). Does perceived stress of university students affected by preferences for movie genres? An exploratory cross-sectional study in China. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 761340. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.761340>
- Raigorodsky, D. Y. (2011). *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psycho-diagnostics. Methods and tests]. Samara: BAKHRAKH-M.
- Reis, F. L. (2020). No safe space: Zombie film tropes during the COVID-19 pandemic. *Space and Culture*, 23(3), 253–258. <https://doi.org/10.1177/1206331220938642>
- Rentfrow, P. J., Goldberg, L. R., & Zilca, R. (2011). Listening, watching, and reading: The structure and correlates of entertainment preferences. *Journal of Personality*, 79(2), 223–258.
- Rubin, A.M. (1994). Media uses and effects: A uses-and-gratifications perspective. In J. Bryant & D. Zillmann (Eds.), *Media effects: Advances in theory and research* (pp. 417–437). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Sameer, A. S., Khan, M. A., Nissar, S., & Bandy, M. Z. (2020). Assessment of mental health and various coping strategies among general population living under imposed COVID-lockdown across world: A cross-sectional study. *Ethics, Medicine, and Public Health*, 15, Article 100571. <https://doi.org/10.1016/j.jemep.2020.100571>
- Scrivner, C., Johnson, J., Kjeldgaard-Christiansen, J., & Clasen, M. (2020). Pandemic practice: Horror fans and morbidly curious individuals are more psychologically resilient during the COVID-19 pandemic. *Personality and Individual Differences*, 168, Article 110397. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110397>
- Sergeeva, A. S., Kirillov, B. A., & Dzhumagulova, A. F. (2016). Translation and adaptation of short five factor personality questionnaire (TIPI-RU): convergent validity, internal consistency and test-retest reliability evaluation. *Eksperimental'naya Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311> (in Russian)
- Shurick, A. A., Hamilton, J. R., Harris, L. T., Roy, A. K., Gross, J. J., & Phelps, E. A. (2012). Durable effects of cognitive restructuring on conditioned fear. *Emotion*, 12(6), 1393–1397. <https://doi.org/10.1037/a0029143>

- Slater, M. D. (2003). Alienation, aggression, and sensation seeking as predictors of adolescent use of violent film, computer, and website content. *Journal of Communication*, 53, 105–121.
- Spielberger, C. D., & Sydeman, S. J. (1994). State-Trait Anxiety Inventory and State-Trait Anger Expression Inventory. In M. E. Maruish (Ed.), *The use of psychological testing for treatment planning and outcome assessment* (pp. 292–321). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Tamborini, R., Stiff, J., & Zillmann, D. (1987). Preference for graphic horror featuring male versus female victimization: Personality and past film viewing experiences. *Human Communication Research*, 13, 529–552.
- Testoni, I., Rossi, E., Pompele, S., Malaguti, I., & Orkibi, H. (2021). Catharsis through cinema: An Italian qualitative study on watching tragedies to mitigate the fear of COVID-19. *Frontiers in Psychiatry*, 12, Article 622174. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.622174>
- Tylets, V. G., & Krasnyanskaya, T. M. (2020). Psychological peculiarities of safety concepts in fans of science fiction and detectives. *Экспериментальная Психология [Experimental Psychology (Russia)]*, 13(3), 180–193. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130314> (in Russian)
- Voskresenskaya, N. G. (2015). Sotsial'no-psikhologicheskaya kharakteristika lyubitelei opredelennykh kinozhanrov [Socio-psychological characteristics of admirers of particular film genres]. *Voprosy Psichologii*, 2, 78–87.
- Voskresenskaya, N. G. (2016). The impact of the viewer's emotional tension on the choice of films. *Sotsial'naya Psichologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 7(3), 121–134. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070309> (in Russian)
- Wade, L. (2022). Narratives of outbreak and survival in English-language cinema prior to COVID-19. *Socius*, 8. <https://doi.org/10.1177/23780231221078242>
- Weaver, J. B. (1991). Exploring the links between personality and media preferences. *Personality and Individual Differences*, 12, 1293–1299.
- Xu, X., & Peterson, J. B. (2017). Differences in media preference mediate the link between personality and political orientation. *Political Psychology*, 38, 55–72.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66610 от 08 августа 2016 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, 33, к. 4,
Издательский дом НИУ ВШЭ
Тел. +7(495) 772-95-90 доб. 15298
Почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. +7(495) 772-95-90, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 180 экз. Печ. л. 13.5